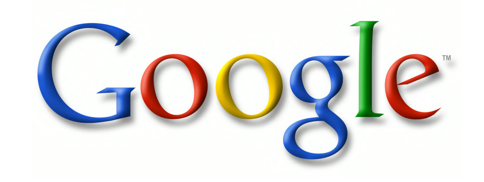

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Ив. Смирновъ.

ЗАСТУПНИКИ НАРОДНЫЕ.

И. С. Тургеневъ
Н. А. Некрасовъ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

То имена великія:
Носили ихъ, прославили
Заступники народные.

27 декабря 1907 года исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти Н. А. Некрасова; 22 августа 1908 года исполняется двадцать пять лѣтъ со дня смерти И. С. Тургенева.

Великой и дорогой памяти ихъ и посвящена эта книга.

Въ „тяжелыя времена", „въ ночи, когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо", вышли эти „ратники добра" на общественное служеніе, и лучшія волненія души, благороднѣйшіе порывы молодой и сильной жизни отдали тому, кого „больная совѣсть" ихъ назвала „обиженнымъ, униженнымъ" братомъ,—народу. „Изящная правда" одного и „тягучій стихъ" другого одинаково сильно, хотя и своеобразно, втѣснялись въ пробуждавшееся, послѣ „богатырской дремы", общественное сознаніе и отдавались въ немъ „святымъ жгучимъ безпокойствомъ" за жребій народа—раба.

И стали они „заступниками народными".

„Великое святое дѣло совершилось"... „Дуракъ Иванушка засмѣялся"... Но еще не успѣли исчезнуть въ этомъ смѣхѣ старыя слезы, какъ послышались новыя рыданія: „благодатное время надеждъ", „къ удовольствію дикихъ невѣждъ", „обѣтовъ своихъ не сдержало", и стало „прошедщимъ" оно прежде, чѣмъ „невольникъ покинулъ тюрьму"...

И чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе становились эти рыданія, все громче и громче „раздавался этотъ вой" народа, освобожденнаго, но не освободившагося и потому несчастнаго...

Печальныя поминки „заступниковъ народныхъ" совпали съ знаменательнымъ кануномъ пятидесятилѣтія великаго дня свободы. „Надежды" все еще не свершились... „Среди мрака", въ „вихрѣ злобы и бѣшенства" особенно тяжело и грустно думать о великомъ, которое ушло... Но „если нѣтъ величія въ живыхъ, нужны намъ великія могилы":

И укоръ, и поученье въ нихъ...

И хочется думать, что, на тризнѣ скорбной собравшись дружною семьей, многочисленные ученики и послѣдователи великихъ покойниковъ, по русскому обычаю, помянутъ добрымъ словомъ то дѣло, которое сдѣлали руки ихъ, и тотъ трудъ, которымъ трудились они, дѣлая его: въ наши „великіе трудные дни“ такое доброе слово чрезвычайно дорого. Этой-то бесѣдѣ поминальной и хотѣлось бы мнѣ послужить своими литературными очерками.

Я понимаю, задача эта, если бы я взялъ ее въ широкомъ масштабѣ, мнѣ не по силамъ. Но тѣхъ, кто въ „переднемъ углу“ за поминальной трапезой сидитъ и рѣчь о великихъ покойникахъ держитъ, не всегда бываетъ слышно въ концѣ стола, да и рѣчи ихъ высокія не для всѣхъ. Вотъ, думалось мнѣ, здѣсь, въ заднихъ рядахъ пришедшихъ поклониться „великимъ могиламъ“, слушатели найдутся, и у меня есть что имъ сказать: перескажу, какъ умѣю, просто, точно и полно рѣчи тѣхъ, кому они пришл поклониться,—такъ, чтобы свѣтлые образы „заступниковъ народныхъ“ возможно ярче засвѣтились въ ихъ умахъ, чтобы „великая скорбная симфонія“ И. С. Тургенева и „музыка злобы“ Н. А. Некрасова возможно рѣзче зазвучали въ ихъ сердцахъ, чтобы сильныя и благородныя стремленія великихъ „ратниковъ добра“ укрѣпили ихъ, усталыхъ и скорбныхъ, и „на правый наставили путь“.

Вѣрится, что съ такими намѣреніями положенный, не оскорбитъ этотъ вѣнокъ „великія могилы“. Небольшой и невидный, изъ сѣверныхъ цвѣтовъ Тургенева и „крапивы“ Некрасова сплетенъ онъ... Плели его руки, быть можетъ, и не сильныя, но чистыя, омытыя любовью къ „заступникамъ народнымъ“ и вѣрой въ святое великое дѣло, которому они служили...

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—„страданія народа“
И что поэзія забыть ее должна,—
Не вѣрьте, юноши! Не старѣетъ она!
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвѣлъ бы Божій міръ!.. Увы, пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по выжженнымъ лугамъ,
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
И въ мірѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!..

I.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ,

какъ авторъ „Записокъ Охотника“.

ГЛАВА I.

„Аннибаловская клятва“.

„... крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва“...

И. С. Тургеневъ.

„Я прежде всего хотѣлъ быть искреннимъ и правдивымъ“, говоритъ (въ своей статьѣ „По поводу Отцовъ и Дѣтей“) Тургеневъ и вмѣстѣ съ Гёте оставляетъ слѣдующій завѣтъ своимъ „молодымъ собратьямъ“ по перу:

Greift nur hinein in's volle Menschenleben!
Ein jeder lebt's—nicht vielen ist's becannt,
Und wo ihr's packt—da ist's interessant!

т.-е. (самъ переводитъ онъ): „Запускайте руку (лучше я не умѣю перевести) внутрь, въ глубину человѣческой жизни! Всякій живетъ ею, не многимъ она знакома, и тамъ, гдѣ вы ее схватите, тамъ будетъ интересно!“ „Силу этого „схватыванія“, этого „уловленія“ жизни,—продолжаетъ Тургеневъ,—даетъ только талантъ, а талантъ дать себѣ нельзя; но и одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общеніе съ средой, которую берешься воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій и, наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе... Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе, и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи“...

Можетъ ли человѣкъ „схватывать“, „уловлять“ то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя?

Пушкинъ это глубоко чувствовалъ; не даромъ въ своемъ безсмертномъ сонетѣ, въ этомъ сонетѣ, который каждый начинающій писатель долженъ вытвердить наизусть и помнить, какъ заповѣдь, онъ сказалъ: „...дорогою *свободной*

Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ".

Итакъ, предъ нами художникъ-реалистъ: „Я преимущественно реалистъ и болѣе всего интересуюсь живой правдой людской физіономіи... Люблю больше всего свободу... Все человѣческое мнѣ дорого"... Уже въ концѣ жизни, по поводу обвиненія его въ тенденціозности, Тургеневъ подробно объяснялъ, какъ совершался переводъ этой „уловленной" „живой правды" въ художественное созданіе. „У меня выходитъ литературное произведеніе такъ, какъ растетъ трава".

„Я встрѣчаю, напримѣръ, въ жизни какую-нибудь Ѳеклу Андреевну, какого-нибудь Петра, и представьте, что вдругъ въ этой Ѳеклѣ Андреевнѣ, въ этомъ Петрѣ, въ этомъ Иванѣ поражаетъ меня нѣчто особенное—то, чего я не видѣлъ и не слыхалъ отъ другихъ. Я въ него вглядываюсь; на меня онъ или она производитъ особенное впечатлѣніе; вдумываюсь, затѣмъ эта Ѳекла, этотъ Петръ, этотъ Иванъ удаляются, пропадаютъ неизвѣстно куда, но впечатлѣніе, ими произведенное, остается, зрѣетъ. Я сопоставляю эти лица съ другими лицами, ввожу ихъ въ сферу различныхъ дѣйствій, и вотъ создается у меня цѣлый особый мірокъ... Затѣмъ, нежданно негаданно является потребность изобразить этотъ мірокъ, и я удовлетворяю этой потребности съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ"...

„...Я долженъ сознаться, говоритъ Тургеневъ въ указанной выше статьѣ, что никогда не покушался „создавать образъ", если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Не обладая большой долей свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой бы я могъ твердо ступать ногами".

Итакъ, безъ обслѣдованія этой почвы, безъ опредѣленія этой среды, безъ историко-біографическихъ справокъ мы не поймемъ Тургенева, не оцѣнимъ основныхъ мотивовъ его поэтическаго творчества, не почувствуемъ всей силы и прелести этой „великой скорбной симфоніи русской земли" (какъ называетъ Мельхіоръ де Вогюэ „Записки Охотника"), о которой мы, словами Тургенева о мелодіи Лемма, можемъ сказать, что русскій человѣкъ

дотолѣ „не слышалъ ничего подобнаго: сладкая страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце: она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, святого; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса". Откуда же она — эта „безсмертная грусть" великой скорбной симфоніи, которою звучатъ Тургеневскія творенія?

Я приведу по этому вопросу замѣчательный своей глубиной и правдой отвѣтъ Брандеса: „Черезъ всѣ произведенія Тургенева, говоритъ онъ, несется широкая, захватывающая волна меланхоліи. Какъ бы правдивы и объективны ни были воспроизведенные имъ образы, и хотя онъ никогда не влагаетъ лиризма въ свои повѣсти и романы, тѣмъ не менѣе въ совокупности его произведенія оставляютъ лирическое впечатлѣніе. Въ нихъ сказалось столько чувства, и это чувство—постоянно печаль, личная, необыкновенная печаль, безъ капли чувствительности. Тургеневъ никогда не отдается весь чувству, онъ обнаруживаетъ его постепенно, но ни одинъ изъ западно-европейскихъ разсказчиковъ не проникнутъ въ такой степени печалью, какъ онъ... Меланхолія Тургенева—всецѣло меланхолія славянскаго племени съ его недугами и печалями; она происходитъ по прямой линіи отъ меланхоліи славянскихъ народныхъ пѣсенъ". Эти слава Брандеса доказываютъ замѣчательную чуткость иностраннаго критика: да, Тургеневъ меланхоликъ, и его печаль, его грусть вышли дѣйствительно изъ того же родника, что и тоска и стонъ русской народной пѣсни,—жизнь родила ее, эту „великую скорбную симфонію", „жизнь невеселая, жизнь одинокая".

I.

„Среди побоевъ и истязаній“.

О вѣрьте мнѣ: не весела
Картина русская семья...
Семья для насъ всегда была
Лихая мачеха—не мать...

Ап. Григорьевъ.

Для Тургенева его семья была „лихая мачеха—не мать“, но сама она „мачехой“ и стала оттого, что жизнь ее изломала, искалѣчила, вытравила въ ней гуманныя начала, замѣнивъ ихъ суровой, мрачной, подавляющей лучшіе порывы души человѣческой, борьбой за существованіе. Исторія его матери Варвары Петровны—одна изъ обыкновенныхъ исторій того времени,—тяжелая, скорбная лѣтопись обидъ, оскорбленій, преслѣдованій, нравственныхъ пытокъ и физическихъ мученій... слабой, беззащитной дѣвушки—сироты... Дѣтство и молодость Варвары Петровны прошли при возмутительно тяжелыхъ условіяхъ; а между тѣмъ въ ней текла лутовиновская кровь, тѣхъ Лутовиновыхъ, которые, даже въ то время, необузданностью и неукротимой жестокостью шли далеко впереди другихъ: „А хоть бы, напримѣръ, опять таки скажу про вашего дѣдушку, говоритъ охотнику однодворецъ Овсянниковъ. Властный былъ человѣкъ! Обижалъ нашего брата. Вѣдь вотъ вы, можетъ, знаете клинъ-то (земли)... Онъ у васъ подъ овсомъ теперь... Ну, вѣдь онъ нашъ,—весь, какъ есть, нашъ. Вашъ дѣдушка у насъ его отнялъ; выѣхалъ верхомъ, показалъ рукой, говоритъ: „мое владѣніе“, и завладѣлъ“... А когда законный владѣлецъ осмѣлился жаловаться на такой незаконный захватъ, „его взяли, привели къ вашему дому, да подъ окнами и высѣкли“. Таковъ одинъ изъ дѣдовъ И. С. Тургенева, одинъ изъ Лутовиновыхъ. Да и мать Варвары Петровны не отличалась мягкостью характера. Вы помните разсказъ Тургенева „Смерть“. Въ концѣ его онъ разсказываетъ,

какъ при немъ умирала одна старушка-помѣщица. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходитъ и поскорѣе подалъ ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. „Куда спѣшишь батюшка",—проговорила она коснѣющимъ языкомъ:—„успѣешь"... Она приложилась, засунула было руку подъ подушку и испустила послѣдній вздохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатить священнику за свою собственную отходную... Эта старушка-помѣщица—родная бабка Тургенева. О ней же одинъ изъ иностранцевъ передаетъ слѣдующій разсказъ Тургенева. Старая, вспыльчивая барыня, пораженная параличомъ и почти неподвижно сидѣвшая въ креслѣ, разсердилась однажды на казачка, который ей прислуживалъ, за какой-то недосмотръ и въ порывѣ гнѣва схватила полѣно и ударила мальчика по головѣ такъ сильно, что онъ упалъ безъ чувствъ. Это зрѣлище произвело на нее непріятное впечатлѣніе. Она нагнулась, приподняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову и, сѣвши на нее, задушила несчастнаго...

Вотъ то тяжелое наслѣдіе отцовъ, которымъ, „едва изъ колыбели", была богата Варвара Петровна. Человѣкъ, близко знавшій ее и безпристрастный въ своихъ сужденіяхъ о ней, ея воспитанница, г-жа Житова, въ своихъ „Воспоминаніяхъ о семьѣ И. С. Тургенева" [1]) говоритъ: „Въ Варварѣ Петровнѣ обнаруживались иногда порывы нѣжности, доброты и гуманности, свидѣтельствовавшіе о сердцѣ далеко не безчувственномъ. Ея эгоизмъ, властолюбіе, а подчасъ и злоба развивались вслѣдствіе жестокаго и унизительнаго обращенія съ нею въ дѣтствѣ и юности"...

Эти дѣтство и юность Варвары Петровны такъ изображаются г-жой Житовой. „Овдовѣвши еще почти молодою, мать Варвары Петровны вторично вышла замужъ за Сомова, тоже вдовца и отца двухъ взрослыхъ дочерей. Катерина Ивановна никогда не любила своей дочери отъ перваго брака и сдѣлалась, подъ вліяніемъ своего второго мужа, мачехою для Варвары Петровны и матерью для дѣвицъ Сомовыхъ, ея падчерицъ. Все дѣтство Варвары Петровны было рядомъ униженій и оскорбленій, были случаи даже жестокаго обращенія. Я слышала нѣкоторыя подробности, но рука отказывается повторять всѣ ужасы, которымъ подвергалась она. Сомовъ ее ненавидѣлъ, заставлялъ въ дѣтствѣ подчиняться своимъ капризамъ и капризамъ своихъ дочерей,

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1884, кн. 11 и 12.

билъ ее, всячески унижалъ и, послѣ обильнаго употребленія „ерофеича" и мятной сладкой водки, на Варварѣ Петровнѣ срывалъ свой буйный хмель. Когда же ей минуло 16 лѣтъ, онъ началъ ее преслѣдовать иначе"... Во избѣжаніе позора самаго унизительнаго наказанія за несогласіе на позоръ Варвара Петровна вынуждена была бѣжать изъ дома вотчима. „Пѣшкомъ, полуодѣтая, она прошла верстъ шестьдесятъ и нашла убѣжище въ домѣ родного дяди своего Ивана Ивановича Лутовинова, тогда владѣльца села Спасскаго.

Дядя принялъ ее подъ свою защиту, и, несмотря на требованія матери, не пустилъ ее обратно въ домъ вотчима.

Въ домѣ своего дяди Варвара Петровна отдохнула отъ оскорбленій и жестокостей. Но дядя, хотя и обращался съ нею хорошо, былъ человѣкъ весьма суровый и скупой. Онъ, что называется, держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ, и она жила почти взаперти въ Спасскомъ. Покоряться его волѣ и причудамъ пришлось Варварѣ Петровнѣ довольно долго. Ей было почти тридцать лѣтъ, когда умеръ Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ.

По смерти дяди Варвара Петровна, оставшись единственною наслѣдницею большого состоянія, вздохнула полною грудью свободнаго человѣка и, очевидно, сказала себѣ: теперь я все могу.

Такой сильный характеръ, такой горячій темпераментъ, какъ ея, вырвавшись на просторъ изъ долгихъ тисковъ, могъ легко проявить себя въ тѣхъ порывахъ, въ какихъ онъ и проявился. До сихъ поръ для нея не существовало ни ласки, ни любви, ни свободы; теперь ей досталась въ руки полная власть, и она могла все это имѣть.

Горькія воспоминанія о томъ, что она испытала тогда, прорывались у нея иногда въ разговорѣ.

„Быть сиротою безъ отца и безъ матери тяжело; но быть сиротою при родной матери ужасно; а я это испытала, меня мать ненавидѣла... У меня не было матери; мать была мнѣ какъ мачеха; она была замужемъ; другія дѣти, другія связи, я была одна въ мірѣ"...

По смерти дяди и уже будучи лѣтъ тридцати слишкомъ, Варвара Петровна вышла замужъ за Сергѣя Николаевича Тургенева [1]).

---

[1]) „Мой отецъ, человѣкъ еще очень молодой, красивый, женился на ней по расчету,—говоритъ Тургеневъ въ очеркѣ „Первая любовь".—Она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: безпре-

Вышедши замужъ, Варвара Петровна зажила тою широкой барской жизнью, какою живали наши дворяне въ былыя времена. Богатство, красота ея мужа, ея собственный умъ и умѣнье жить привлекли въ ихъ домъ все, что было только знатнаго и богатаго въ Орловской губерніи. Свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ съ крѣпостными актерами,—все было въ вѣковомъ Спасскомъ для того, чтобы каждый добивался чести быть тамъ гостемъ.

Послѣ долгихъ страданій и продолжительной неволи сознаніе собственной силы развило въ Варварѣ Петровнѣ тотъ эгоизмъ и жажду власти, которые такъ многихъ изъ окружающихъ ее заставляли страдать.

Она давала мучительно чувствовать свою власть, тяготѣвшую надъ всѣмъ окружающимъ ее, но при этомъ была даже любима; можно сказать, что ея ласковый взглядъ, ласковое слово осчастливливали тѣхъ, на долю которыхъ они выпадали. Въ ней была смѣсь доброты съ постояннымъ желаніемъ испытывать на всѣхъ покорность ея волѣ; и горько доставалось тѣмъ, кто не безпрекословно повиновался ей.

станно волновалась, ревновала, сердилась (ср. въ „Муму“: „День ея *нерадостный и ненастный*, давно прошелъ“), но не въ присутствіи отца, она очень его боялась, а онъ держался строго, холодно, отдаленно... Я не видалъ человѣка болѣе изысканно спокойнаго, самоувѣреннаго и самовластнаго“. Тургеневъ въ откровенной бесѣдѣ съ друзьями называлъ своего отца „великимъ ловцомъ передъ Господомъ“. Поэтическій комментарій къ этой оцѣнкѣ даетъ разсказъ „Первая любовь“: „Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца,—говоритъ здѣсь И. С.,—я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни; онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ. „Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать—въ этомъ вся штука жизни“,—сказалъ онъ мнѣ однажды. Въ другой разъ я, въ качествѣ молодого демократа, пустился въ его присутствіи, разсуждать о свободѣ (онъ въ тотъ день былъ, какъ я это называлъ, „добрый“; тогда съ нимъ можно было говорить о чемъ угодно).—Свобода,—повторилъ онъ,—а знаешь ли ты, что можетъ человѣку дать свобода?

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть и будешь свободнымъ, и командовать будешь.

Отецъ мой прежде всего и больше всего хотѣлъ жить—и жилъ... Быть можетъ, онъ предчувствовалъ, что ему не придется долго пользоваться „штукой“ жизни: онъ умеръ сорока двухъ лѣтъ.

Опредѣляя свои отношенія къ отцу и его къ себѣ, Тургеневъ говоритъ: „Странное вліяніе имѣлъ на меня отецъ—и странныя были наши отношенія. Онъ почти не занимался моимъ воспитаніемъ, но никогда не оскорблялъ меня; онъ уважалъ мою свободу, онъ даже былъ—если такъ можно выразиться, вѣжливъ со мною... только онъ не допускалъ меня до себя“.

Но тѣмъ, кто любилъ ее, кто былъ преданъ ей, доставалось горше всѣхъ. Можно было думать, что она хотѣла выместить на другихъ свое несчастное дѣтство, свою подавленную подъ гнетомъ семейной обстановки молодость и дать другимъ испытать тѣ же страданія, какія сама испытала" [1]). Глубокій трагизмъ слышится въ этомъ признаніи-мольбѣ Варвары Петровны почти наканунѣ смерти: „Ma mère, mes enfants! Pardonnez-moi. Et Vous, Seigneur, pardonnez moi aussi—car l'orgueil, ce pêché mortel fut toujours mon pêché" [2]).

Варвара Петровна болѣе другихъ дѣтей любла Ивана Сергѣевича—„Ванечку", своего „Веніамина", но—„странною любовью". C'est que Jean c'est mon soleil à moi, пишетъ она въ дневникѣ: je ne vois que lui et lorsqu'il s'éclipse, je ne vois plus clair, je ne sais plus, où j'en suis.—Le coeur d'une mère ne se trompe jamais, et Vous savez, Iean, que mon instinct est plus sûr, que ma raison [3]). Да, это была именно „инстинктивная" любовь, тѣмъ менѣе разумная, чѣмъ болѣе въ ней было непосредственной силы.

„Тяжело было дѣтство Ивана Сергѣевича, говоритъ—біографъ Тургенева.—Въ груди ребенка билось чуткое впечатлительное сердце, жаждавшее тепла и ласки, а кругомъ ужасный домъ наполненный грозными призраками и, кажется, еще болѣе грозными или равнодушными и забитыми живыми людьми. Здѣсь не понимаютъ стремленій, сродныхъ дѣтской душѣ. Мать не знала дѣтства. Она едва ли не стала помнить себя сиротой, прошла жизнь въ школѣ одиночества и гнета. Трудно было снизойти послѣ такого пути до пристальнаго наблюденія надъ міромъ ребенка, повидимому, малымъ и ограниченнымъ, но для любящаго взора исполненнымъ чарующихъ тайнъ и чудесъ... А между тѣмъ здѣсь развивался и міръ исключительный, міръ будущаго великаго художника, безконечно богатый своеобразными ощущеніями, темными, едва уловимыми намеками, нѣжнѣйшими побѣгами,—всѣмъ, чему суждено впослѣдствіи именоваться геніемъ и творчествомъ. Но здѣсь никого нѣтъ, кто бы даже въ лучшія минуты неясныхъ предчувствій почуялъ грядущую силу.

„Напротивъ. Здѣсь все сдѣлаютъ, чтобы заглушить и искоренить божественную искру... Только чудная сила, породившая величайшаго проповѣдника гуманности и мысли въ царствѣ на-

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1884 г., кн. XI, стр. 74—76.
[2]) Ibid., кн. XII, стр. 629.
[3]) Ibid., кн. XI, стр. 80.

силія и мрака, выведетъ къ свѣту свое избранное дѣтище...“ [1]). И видится мнѣ другой, по истинѣ великій, святой образъ матери-страдалицы, вспоминается чудный гимнъ сыновней любви самоотверженной подвижницѣ:

И если я наполнилъ жизнь борьбою,

говоритъ Некрасовъ,

За идеалъ добра и красоты
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою,
Во мнѣ спасла живую душу ты!
И счастливъ я...

Тургеневъ не былъ счастливъ, потому что не было у него такой матери.

„Мать моя,—разсказывалъ самъ Иванъ Сергѣевичъ,—была женщиной вполнѣ вылившейся въ форму XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX в. Пушкина она едва-едва признавала за замѣчательнаго писателя, но литературу русскую далѣе Пушкина положительно не признавала“ [2]). „Она понимала цѣну образованія,— говоритъ о матери Тургенева Анненковъ,—но понимала очень своеобразно. Ей казалось, что знакомство съ литературами Европы и сближеніе съ передовыми людьми всѣхъ странъ не могло измѣнить коренныхъ понятій русскаго дворянина и притомъ такихъ, какія господствовали въ ея семействѣ изъ рода въ родъ“. „Я постичь не могу,—говорила разъ Варвара Петровна Ивану Сергѣевичу,—какая тебѣ охота быть писателемъ. Дворянское ли это дѣло? Самъ говоришь, что Пушкинымъ не будешь... Ну еще стихи... такіе, какъ его... пожалуй, а писатель! что такое писатель? по-моему écrivain ou gratte-papier est tout un. И тотъ, и другой за деньги бумагу мараютъ... Дворянинъ долженъ служить и составить себѣ карьеру и имя службой, а не бумагомараньемъ. Да и кто же читаетъ русскія книги? Опредѣлился бы ты на настоящую службу, получалъ бы чины, а потомъ и женился бы, вѣдь ты теперь можешь одинъ поддержать родъ Тургеневыхъ!“

Иванъ Сергѣевичъ шутками отвѣчалъ на увѣщанія матери, но когда дѣло дошло до женитьбы, онъ громко расхохотался: „Ну, ужъ это, maman, извини, и не жди—не женюсь!..“

---

[1]) Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ, стр. 10—11.
[2]) „Русская Старина“, XL, 202.

„А я такъ вотъ чего не пойму,—продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ,—почему ты, maman, съ такимъ презрѣніемъ говоришь о писателяхъ? было время, что вы всѣ барыни бѣгали за Пушкинымъ—сама ты любила и уважала Жуковскаго!“

— „Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло,—Жуковскій!.. Какъ было не уважать его—ты знаешь, какъ близокъ былъ онъ ко двору!“

Еще болѣе уяснитъ воззрѣнія Варвары Петровны на русскую литературу слѣдующее:

Удостоила она, наконецъ, прочесть „Мертвыя души“.

— „Ужасно это смѣшно!—похвалила она по-русски,—mais à vrai dire je n'ai jamais lu rien de plus mauvais genre et de plus inconvenant,“—окончила она по-французски [1]). Неудивительно, что съ такими литературными взглядами Варвара Петровна, умершая въ 1850 г., т.-е. когда Тургеневъ насчитывалъ семь лѣтъ писательства, по собственному признанію Ивана Сергѣевича, не признавала въ немъ писателя, не читала совершенно ни одной статьи его, ни даже „Записокъ Охотника“, которыя уже были по достоинству оцѣнены критикой и создали Тургеневу почетное положеніе въ средѣ писателей.

Въ дѣлѣ воспитанія Варвара Петровна знала одно педагогическое средство—розгу. „Мнѣ нечѣмъ помянуть своего дѣтства,—съ горечью, съ болью въ сердцѣ признавался впослѣдствіи Тургеневъ,—ни одного свѣтлаго воспоминанія. Въ нашемъ домѣ царила непомѣрная строгость, и матери моей я боялся, какъ огня. Взыскивали съ меня за все, точно съ рекрута Николаевской эпохи. Рѣдкій день проходилъ безъ розгъ, а когда я отваживался спросить, за что меня наказывали, мать категорически заявляла: „тебѣ объ этомъ лучше знать, догадайся“. Разъ [2]) одна приживалка, уже старая, Богъ ее знаетъ, что она за мной подглядѣла, донесла на меня моей матери. Мать безъ всякаго суда и расправы тотчасъ же начала меня сѣчь, — сѣкла собственными руками, и на всѣ мои мольбы сказать, за что меня наказываютъ, приговаривала: „самъ знаешь, самъ долженъ знать, самъ догадайся, за что я сѣку тебя“.

На другой день ребенокъ окончательно отказался угадать свою вину. Тогда наказаніе повторили и обѣщали повторять его до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается въ своемъ преступленіи. Мнимый преступникъ пришелъ въ смертный ужасъ. Ему пред-

---

[1]) Изъ „Воспоминаній“ г-жи Житовой, „Вѣстникъ Европы“, XI, стр. 111—112.

[2]) Разсказъ приводится въ изложеніи г. Иванова. Цит. соч., стр. 11—12.

ставился единственный путь спасенія—бѣгство изъ родного дома. И вотъ какъ онъ самъ впослѣдствіи описывалъ свое настроеніе. Планъ бѣгства, конечно, приводился въ исполненіе ночью.

„Я уже всталъ. Потихоньку одѣлся и въ потемкахъ пробирался коридоромъ въ сѣни. Не знаю самъ, куда я хотѣлъ бѣжать,—только чувствовалъ, что надо убѣжать и убѣжать такъ, чтобы не нашли, и что это единственное мое спасеніе. Я крался, какъ воръ, тяжело дыша и вздрагивая. Какъ вдругъ въ коридорѣ появилась зажженная свѣчка, и я къ ужасу моему увидѣлъ, что ко мнѣ кто-то приближается — это былъ нѣмецъ, учитель мой. Онъ поймалъ меня за руку, очень удивился и сталъ меня допрашивать.—Я хочу бѣжать,—сказалъ я и залился слезами.—Какъ, куда бѣжать? — Куда глаза глядятъ. — Зачѣмъ? — А затѣмъ, что меня сѣкутъ, и я не знаю, за что сѣкутъ.—Не знаете?—Клянусь Богомъ, не знаю.

„Тутъ добрый старикъ обласкалъ меня, обнялъ и далъ мнѣ слово, что уже больше наказываѣть меня не будутъ.

„На другой день, утромъ, онъ постучался въ комнату моей матери и о чемъ-то долго съ ней наединѣ бесѣдовалъ. Меня оставили въ покоѣ“. Полонскій, слушая воспоминанія Ивана Сергѣевича, спросилъ: „неужели же отецъ твой никогда не вступался за тебя?“—„Никогда!—отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ.—Отецъ думалъ, что если меня такъ часто наказываютъ, то не иначе какъ я это вполнѣ заслужилъ...“

Болѣзненно сжималось нѣжное, любящее сердце впечатлительнаго мальчика отъ этой ужасной муштровки; онъ бѣжалъ, невольно, инстинктивно бѣжалъ отъ нея въ другую среду, къ дворнѣ, къ „людямъ“. Какою жестокою ироніей звучитъ это слово „люди“, которымъ называли тѣхъ, кого не хотѣли признавать за человѣка. Но именно здѣсь находилъ затравленный барченокъ искреннее сочувствіе и сердечную ласку; здѣсь „всѣ его любили, всякій въ немъ чуялъ своего и душою былъ преданъ ему“. Когда, уже взрослымъ, Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ къ матери, среди дворовыхъ слышалось: „нашъ ангелъ, нашъ заступникъ ѣдетъ!“ Слабый и безправный ребенокъ искалъ себѣ защиты среди тѣхъ, которыхъ его мать называла своими „подданными“. Не судъ ли самой жизни это сближеніе, этотъ союзъ, роковой для крѣпостническаго деспотизма помѣщиковъ?!..

Точно крѣпостное право само породило одного изъ гуманнѣйшихъ борцовъ противъ гнета и насилія, клявшагося впослѣдствіи „аннибаловской клятвой“ и оставшагося ей вѣрнымъ...

Тургеневу суждено было наблюдать послѣдній моментъ вѣкового рабства: оно уже умирало, оно уже разлагалось, но въ ужасной предсмертной агоніи это страшное чудовище дѣлаетъ послѣднее усиліе и своими костлявыми, холодѣющими пальцами силится задушить несчастныхъ, обреченныхъ ему, и... многихъ душитъ... Именно такое впечатлѣніе получаешь, когда читаешь ужасную „семейную хронику" Тургеневыхъ-Лутовиновыхъ... „Скольких человѣческихъ заботъ, обмановъ, слезъ, моленій и проклятій оно тяжеловѣсный представитель" — это вѣковое зло русской жизни, нашедшее себѣ страшный оплотъ въ какой-то нечеловѣческой злобѣ Варвары Петровны.

„Никто не могъ равняться съ нею въ искусствѣ оскорблять, унижать, дѣлать несчастнымъ человѣка, сохраняя приличіе, спокойствіе и свое достоинство" (Анненковъ). „Достаточно ей было замѣтить въ комъ нибудь изъ прислугъ нѣкоторую самостоятельность, признакъ самолюбія, или сознаніе своей полезности, она всячески старалась того унизить или оскорбить, и если, несмотря на это, тотъ, на кого направлялись ея преслѣдованія, смиренно ихъ выносилъ, то опять попадалъ въ милость; если же нѣтъ, то горько доставалось за непокорность".

„Въ домѣ даже было техническое названіе для такого рода испытаній, говорили: „барыня теперь придирается къ Ивану Васильеву", „это было тогда, когда барыня придиралась къ Семену Петрову" или: „а вотъ увидите, станетъ ужъ барыня придираться къ Петру Иванову—очень смѣло сталъ онъ съ ней говорить".

Вотъ для примѣра одна изъ многихъ драмъ лутовиновскаго дома въ Спасскомъ въ правдивой передачѣ пріемной дочери Варвары Петровны, г-жи Житовой [1]). „Въ то время у всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ въ дворнѣ была своя аристократія, семьи которой изъ рода въ родъ были болѣе приближенными къ своимъ господамъ. Такой аристократіи въ тургеневскомъ домѣ было особенно много, а во главѣ ея стояла Агашенька и мужъ ея, Андрей Ивановичъ Поляковъ [2]), какъ секретарь и главный дворецкій... Всѣ важныя бумаги по имѣніямъ, всѣ билеты и наличныя тургеневскія деньги были всегда подъ сохраненіемъ Андрея Ивановича. На рукахъ же у Агашеньки находились всѣ остальныя богатства Варвары Петровны. Бѣлье, серебро, кружева, сундуки шитья по батисту и канвѣ, плоды трудовъ такъ

---

1) „Воспоминанія" г-жи Житовой. „Вѣстникъ Европы", XI, 96.

2) „По желанію дѣтей ихъ" г-жа Житова „даетъ этимъ лицамъ вымышленныя имена".

называемыхъ кружевницъ и пяличницъ, которыя зимой пряли тальки неимовѣрной тонины, а лѣтомъ вышивали и плели кружева; всѣ брилліанты, жемчугъ, золотыя вещи, сундуки съ шалями, платками, шелковыми матеріями и прочее,—все хранилось подъ надзоромъ честнѣйшей Агафьи Семеновны. Нѣсколько лѣтъ ужъ они состояли при своихъ должностяхъ, когда въ 1842 г. Варварѣ Петровнѣ пришла фантазія сочетать бракомъ своихъ первыхъ по рангу и вѣрнѣйшихъ слугъ. Ни тому, ни другому бракъ этотъ на умъ не приходилъ; нравились ли они другъ другу, этого Варвара Петровна и не потрудилась спросить—она этого пожелала, т.-е. въ переводѣ: приказала, слѣдовательно, и быть тому... Бракъ этотъ, неожиданный и по приказу, оказался весьма счастливымъ. Оба они были умные, добрые и честные люди, и, вѣроятно, эти хорошія качества послужили къ полнѣйшему согласію между ними и повели ихъ къ завидному счастію въ ихъ супружеской жизни.

„Когда у Агашеньки родилась первая дочь, Варвара Петровна очень заботилась о здоровьѣ матери, дала ей время поправиться, не велѣла спѣшить ей возвращаться къ ея обязанностямъ; но лишь только молодая мать появилась передъ своей госпожой, ее встрѣтило неожиданное горе.

„— Какъ я рада, что ты опять при мнѣ,—было первымъ словомъ Варвары Петровны,—безъ тебя все не такъ идетъ, никто мнѣ не угодитъ, и я все недовольна. А теперь выбери себѣ въ деревняхъ любую бабу въ кормилицы своей дѣвочкѣ, и я ее отправлю въ Петровское. При себѣ я ребенка тебѣ держать не позволю; какая ты мнѣ можешь быть слуга съ нею? ты постоянно будешь рваться къ ней, ее надо отдать кормилицѣ, и я объ этомъ распоряжусь.

„Бѣдная мать остолбенѣла при этихъ словахъ, но возразить не дерзнула, да и смѣлъ ли кто возражать? Приговоры Варвары Петровны были безапелляціонны.

„Распоряженіе отправить ребенка съ кормилицей въ ближайшую деревню было сдѣлано, но не исполнено. Къ счастью, а главное къ чести всей многочисленной дворни Варвары Петровны, въ ней не было наушниковъ. Многое творилось не такъ, какъ она велѣла, многое отъ нея скрывалось, и не было случая, чтобы кто-либо донесъ ей о томъ, что могло вызвать ея гнѣвъ.

„Такъ и на этотъ разъ: ребенокъ Агафьи Семеновны въ деревню отправленъ не былъ, и мать, находясь при барынѣ и день и ночь, сама кормила потихоньку свою дѣвочку. Днемъ ее при-

носили окольными путями черезъ садъ во флигель, а ночью ее держали въ пристройкѣ, отдѣлявшейся довольно большими сѣнями отъ дома, такъ что при растворенныхъ дверяхъ и окнахъ крики ребенка Варвара Петровна слышать не могла.

„И вотъ такимъ-то образомъ, постоянно въ страхѣ и трепетѣ, когда на крыльцѣ, когда подъ дождемъ или на холодѣ, пришлось бѣдной Агафьѣ выкормить троихъ дѣтей. Для старшихъ Варвара Петровна дала няньку, а меньшого постоянно приказывала отдавать любой крестьянкѣ на прокормленіе. Несчастныя малютки бывали больны, оставались въ чужихъ рукахъ, а бѣдная мать могла ихъ видѣть только раза два въ день, когда отпускалась обѣдать, ужинать или пить чай. И теперь живо передъ моими глазами лицо моей дорогой Агашеньки въ эти ужасные годы ея жизни. Сколько разъ я видѣла ея прекрасные, выразительные глаза, устремленные не то съ мольбой, не то съ укоромъ на иконы.—За что, за что?—казалось, хотѣли произнести ея крѣпко сжатыя губы.

„Но одна изъ ужаснѣйшихъ драмъ въ ея многострадальной жизни произошла послѣ рожденія ея третьей дочери.

„Въ декабрѣ въ этотъ годъ Варвара Петровна выѣхала изъ Спасскаго въ Москву. Агафья Семеновна должна была послѣдовать за ней недѣли черезъ двѣ, при этомъ отданъ былъ строгій приказъ устроить дѣтей въ Спасскомъ и съ собой никого не привозить. Но наболѣвшее сердце бѣдной матери не могло перенести уже разлуку съ такими крошечными дѣтьми. Въ отчаяніи своемъ она рѣшила уже больше ничего не скрывать, не обманывать барыню, а взять съ собой дѣтей и открыто въ этомъ признаться Варварѣ Петровнѣ.

„Зимою въ декабрьскіе морозы привезла она ихъ и поздно вечеромъ подъѣхала къ московскому дому Тургеневыхъ.

„Варварѣ Петровнѣ пришли доложить:—обозъ пріѣхалъ изъ Спасскаго.

„— А Агафья?

„— Пріѣхала-съ,—былъ краткій отвѣтъ.

„— Скажи ей, пусть отдохнетъ, а завтра утромъ чтобы къ моему одѣванію пришла.

„На другой день утромъ, когда Варвара Петровна позвонила, на звонокъ ея вышла Агашенька.

„Никогда не видала я на ней ни прежде, ни послѣ такого суроваго, рѣшительнаго лица, когда она, поцѣловавъ у барыни руку, отошла на нѣсколько шаговъ отъ ея постели.

„— Ну, что, какъ пріѣхала?—спросила Варвара Петровна.

„Агашенька молча подала реестръ всѣхъ прошивокъ, кружевъ и всего сработаннаго въ этотъ годъ пяличницами и кружевницами.

„Варвара Петровна посмотрѣла, положила бумагу на столъ.

„— Хорошо, ступай!—и взяла чашку въ руки.

„Агафья сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась у двери.

„— Ступай,—повторила Варвара Петровна,—я позову.

„— Сударыня,—произнесла Агафья, и голосъ ея дрогнулъ, она тяжело дышала.

„— Что тебѣ?—досадливо вскрикнула Варвара Петровна.

„— Варвара Петровна!—продолжала Агафья болѣе твердымъ, почти грубымъ голосомъ:—я привезла съ собою всѣхъ своихъ дѣтей... воля ваша... я не могла...

„— Какихъ дѣтей? Что ты мнѣ сказала?

„— Сударыня!—вскрикнула Агашенька и бросилась на колѣни, — ради самого Бога, позвольте мнѣ ихъ оставить здѣсь; я вамъ буду служить, какъ служила, день и ночь буду при васъ, только оставьте... чтобы я только знала, что они тутъ...

„— Вонъ!—раздался голосъ Варвары Петровны.

„— Воля ваша, я не уйду, дѣлайте со мною, что хотите, Варвара Петровна! у васъ у самихъ были дѣти маленькія, могутъ ли они безъ матери? Бога ради, одной вашей милостыни прошу, не отнимайте у меня дѣтей! — И бѣдная женщина на колѣняхъ поползла къ постели барыни.

„— Вонъ!—былъ ей отвѣтъ.

„— ...Я все могу съ тобою сдѣлать, я тебя на поселенье сошлю, дѣтей твоихъ я сейчасъ въ воспитательный домъ отправлю!—слышалось изъ спальной.

„— Хоть въ Сибирь, хоть на поселенье, а съ дѣтьми... дѣтей нельзя... я не дамъ дѣтей! — уже какъ-то безсвязно лепетала Агафья, все стоя на колѣняхъ.

„Варвара Петровна сильно позвонила и закричала: — дѣвушки!

„На зовъ ея вошли двѣ горничныя.

„— Возьмите ее, выведите ее, тащите!—приказывала барыня.

„Но въ эту минуту Агафья уже ничего не сознавала, она была точно въ изступленіи. Горничныя взяли ее подъ руки, но она быстро встала на ноги, рванулась отъ нихъ, и за рыданіями и за движеніемъ горничныхъ я разслыхала только слова:—звѣри... и тѣ своихъ дѣтей...

„— Молчать!—крикнула Варвара Петровна,—я тебя въ часть велю отправить, ты у меня въ острогѣ сгнiешь.

„— Куда хотите, а я ихъ лучше задушу своими руками, а не отдамъ,—что имъ безъ матери...

„— Въ часть, въ часть, вонъ!—почти съ пѣной у рта кричала Варвара Петровна.—Что же вы?..—Агафья все стояла, а призванныя горничныя точно окаменѣли.

„— Агафья Семеновна, пойдемте,—шепнула одна изъ нихъ.

„Несчастная женщина сдѣлала шагъ къ двери, но вдругъ опять повернулась лицомъ къ барынѣ; на ея добромъ лицѣ, въ ея прекрасныхъ глазахъ сверкнула злоба и раздался уже опять звенящiй твердый голосъ:

„— Были мы вамъ, сударыня, съ мужемъ вѣрные, усердные слуги, а теперь изъ-подъ палки мы не слуги!..

„Тутъ я увидала ужасную сцену: Варвара Петровна захрипѣла, бросилась съ постели, одной рукой схватила Агафью за горло, а другою точно силилась разорвать ей ротъ... съ ней сдѣлался нервный припадокъ... Успокоившись, барыня велѣла позвать конторщика и отдала ему слѣдующiй приказъ: „Сегодня же на подводахъ, прiѣхавшихъ вчера изъ Спасскаго, отправить обратно въ Спасское Агашкиныхъ трехъ дѣтей". Къ счастью, онъ не былъ исполненъ" [1]).

Такъ „счастливая, невозвратимая (для многихъ) пора дѣтства" прошла для Тургенева въ постоянномъ трепетанiи его чуткаго, нѣжнаго сердца, среди мучительно-тяжелыхъ вопросовъ и думъ, на которые такъ грубо наталкивала его ужасная дѣйствительность. Много въ ней непонятнаго ребенку. Его умственный кругозоръ еще слишкомъ малъ и тѣсенъ, онъ не можетъ уловить идею факта, установить причинную связь между явленiями. Но факты у него постоянно на глазахъ, и непроизвольно чертится въ его душѣ страшный своею запутанностью узоръ жизни... Ребенокъ растетъ, мысль его крѣпнетъ, и пережитое поднимается въ разсвѣтающемъ сознанiи, точно ужасный призракъ, во всей своей холодящей осязаемости. А „кто знаетъ, (скажемъ словами Гончарова, по поводу воспитанiя Ильи Ильича Обломова), какъ рано начинается развитiе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? Какъ услѣдить за рожденiемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятiй и впечатлѣнiй? Можетъ быть, дитя, когда еще едва выговаривало слова, а можетъ быть—еще вовсе не

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1884 г., кн. XI, стр. 87—93.

выговаривало, даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ, нѣмымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, оно уже видѣло и угадывало значенiе и связь явленiй окружающей его среды, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ, ни другимъ... Дѣтскiй умъ наблюдаетъ всѣ совершающiяся предъ нимъ явленiя; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ". Вы помните Костю въ „Бѣжиномъ лугѣ"—мальчика лѣтъ 10-ти съ „задумчивымъ и печальнымъ взоромъ"? Въ этомъ проникновенномъ возсозданiи дѣтскаго характера есть несомнѣнно родныя, созвучныя, съ дѣтства знакомыя автору, ноты и настроенiя. Прислушайтесь внимательно къ его рѣчамъ, вглядитесь попристальнѣе въ его не по-дѣтски серьезное, печальное личико, и вамъ станетъ понятно сдѣланное мною сближенiе...

„Годы проходятъ, лучшiе годы", и безотчетная истома любящаго сердца, неясная тревога и грусть дѣтской души мало-помалу освѣщаются для будущаго писателя свѣтлой, чрезвычайно напряженно работающей мыслью. И подъ ея тревожно-пытливымъ анализомъ открываются уму даровитаго мальчика не только отдѣльныя подробности окружающей его жизни въ страшныхъ фигурахъ забитыхъ, засѣченныхъ, сосланныхъ изъ-за „причудъ" „скупой и скучающей" барыни-матери, у которой рѣдкiя вспышки веселья—„веселые часы"—смѣнялись „мрачнымъ и кислымъ расположенiемъ духа" [1],—все понятнѣе становится ему самый укладъ жизни, общiй строй ея, тотъ самый, о которомъ его мать такъ рѣшительно говорила одному изъ провинившихся: „...Въ своихъ *подданныхъ* я властна, и никому за нихъ не отвѣчаю... Такъ я до тебя жила и послѣ тебя я такъ жить буду"... Въ безумномъ упоенiи своей властью, которой измѣрялись для нея и правда и добро, мать Ивана Сергѣевича не считала нужнымъ что-либо скрывать отъ дѣтей, и зло и неправда отцовъ проходили предъ нимъ въ цѣломъ рядѣ загубленныхъ жизней, никому ненужныхъ страданiй. „Мнѣ случалось видѣть,—вспоминалъ Иванъ Сергѣевичъ,—какъ къ матери, сидѣвшей у окна, подходили, понуря голову, ссылаемые ею дворовые за какую-нибудь провинность и обязанные передъ отъѣздомъ явиться на поклонъ къ барынѣ". „Громадный старинный домъ Тургеневыхъ въ сорокъ комнатъ

[1]) Ср. разск. „Муму". Прототипъ „барыни-вдовы"—Варвара Петровна. Г-жа Житова въ своихъ „Воспоминанiяхъ" („Вѣстникъ Европы", кн. XI, стр. 119—123) подробно излагаетъ „печальную драму" „нѣмого Андрея", которая художественно возсоздана Тургеневымъ въ разсказѣ „Муму".

представлялъ изъ себя гнѣздо всевозможныхъ нравственныхъ пытокъ и физическихъ мученій,—говоритъ г. Ивановъ.—Здѣсь ни во что ставили человѣческія слезы и человѣческое счастье. Разбить дорогое чувство, однимъ жестомъ разрушить надежду всей жизни, однимъ капризомъ обездолить цѣлую семью казалось своего рода праздникомъ, торжествомъ власти... Сколько совершалось здѣсь драмъ день за днемъ, никѣмъ низримыхъ, никому невѣдомыхъ!.. Незримыхъ и невѣдомыхъ многіе годы; но настало время, явился и въ этомъ мірѣ человѣкъ, собравшій и взвѣсившій капли непризнанныхъ слезъ"... [1]) „Сквозь созданную его матерью среду „побоевъ и истязаній" Тургеневъ пронесъ невредимо свою мягкую душу, въ которой именно зрѣлище неистовствъ помѣщичьей власти, задолго еще до теоретическихъ воздѣйствій, подготовило протестъ противъ крѣпостного права" [2]). „До „Записокъ Охотника" было далеко,—говоритъ самъ Тургеневъ.—Я былъ просто мальчикъ—чуть не дитя". Но „ненависть къ крѣпостному праву уже тогда жила во мнѣ; она, между прочимъ, была причиной тому, что я, возросшій среди побоевъ и истязаній, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ" [3]). Вотъ одна—и, конечно, не единственная—картинка, нарисованная самимъ писателемъ и освѣщающая для насъ тотъ путь, идя по которому Тургеневъ научился сознательно ненавидѣть господъ и братской любовью полюбилъ рабовъ.

Тургеневу было двѣнадцать лѣтъ. „Однажды,—разсказываетъ Тургеневъ (отъ имени „Петра Петровича Б." въ разсказѣ Пунинъ и Бабуринъ),—бабушка [4]) отправилась въ садъ и меня съ собой взяла. Всюду, между деревьевъ по луговинамъ, мелькали бѣлыя, красныя, сизыя рубахи; всюду слышался скрежетъ и лязгъ скребущихъ лопатъ, глухой стукъ земляныхъ комьевъ о косо поставленныя сита. Проходя мимо рабочихъ, бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ усердствовалъ меньше прочихъ и шапку снялъ какъ будто нехотя. Это былъ очень еще молодой парень, съ испитымъ лицомъ и впа-

[1]) Цит. соч., стр. 9—10.

[2]) Слова С. А. Венгерова. Ст. И. С. Тургеневъ въ Энциклоп. Словарѣ Брокг.-Ефр. 67 полут. ср. ст. И. С. Тургеневъ, какъ авторъ „Записокъ охотника" въ сборникѣ „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ". Изд. Брокгауза-Ефрона, 1903.

[3]) Изъ письма Тургенева къ С. А. Венгерову; приведено въ его „Критико-біографическомъ этюдѣ": И. С. Тургеневъ, стр. 99.

[4]) „Строгая и гнѣвная бабушка", выведенная въ этомъ разсказѣ,—мать Тургенева.

лыми, тусклыми глазами. Нанковый кафтанъ, весь порванный и заплатанный, едва держался на узкихъ его плечахъ.

— Кто это?—спросила бабушка у Филиппыча, на цыпочкахъ выступавшаго за нею слѣдомъ.

— Вы... про кого... изволите...—залепеталъ было Филиппычъ (старый лакей).

— О, дуракъ! Я про этого говорю, что волкомъ на меня посмотрѣлъ. Вонъ стоитъ—не работаетъ.

— Этотъ-съ! Да-съ... Э... э... это Ермилъ, Павла Аѳанасьева покойнаго сынокъ.

Этотъ Павелъ Аѳанасьевъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, мажордомомъ у бабушки и пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но, внезапно впавъ въ немилость, такъ же внезапно превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше, кубаремъ, очутился, наконецъ, въ курной избѣ заглазной деревни на пудѣ муки мѣсячины и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности.

— Ага!—промолвила бабушка;—яблоко, видно, недалеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что исподлобья смотрятъ, не надобно.

Бабушка вернулась домой—и распорядилась. Часа черезъ три Ермила, совершенно „снаряженнаго“, привели подъ окно ея кабинета. Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, виднѣлась крестьянская телѣженка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена! Ермилъ стоялъ безъ шапки, понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные веревочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія, ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съеженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана, подошла, чуть шумя шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета и, приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго ссыльнаго. Въ кабинетѣ, кромѣ ея, находились въ эту минуту четыре человѣка: дворецкій, Бабуринъ (конторщикъ), дневальный казачокъ и я.

Бабушка качнула головой сверху внизъ.

— Сударыня,—раздался вдругъ хриплый, почти сдавленный голосъ. Я оглянулся. Лицо у Бабурина покраснѣло... покраснѣло до темноты; подъ насупленными бровями появились маленькія, свѣтлыя, острыя точки... Не было сомнѣнія: это онъ, это Бабуринъ произнесъ слово: „Сударыня!“

Бабушка тоже оглянулась и перевела свой лорнетъ съ Ермила на Бабурина.

— Кто тутъ... говоритъ?—произнесла она медленно, въ носъ. Бабуринъ слегка выступилъ впередъ.

— Сударыня,—началъ онъ:—это я... рѣшился. Я полагалъ... Я осмѣливаюсь доложить, что вы напрасно изволите поступать такъ... какъ вы сейчасъ поступить изволили.

— То-есть?—повторила бабушка тѣмъ же голосомъ и не отводя лорнета.

— Я имѣю честь...—продолжалъ Бабуринъ отчетливо, хотя съ видимымъ трудомъ выговаривая каждое слово:—я изъясняюсь насчетъ этого парня, что ссылается на поселеніе... безъ всякой съ его стороны вины. Такія распоряженія, смѣю доложить, ведутъ лишь къ неудовольствіямъ... и къ другимъ—чего Боже сохрани!—послѣдствіямъ и суть не что иное, какъ превышеніе данной господамъ помѣщикамъ власти.

— Ты... гдѣ учился?—спросила бабушка послѣ нѣкотораго молчанія и опустивъ лорнетъ.

Бабуринъ изумился.—Чего изволите-съ?—пробормоталъ онъ.

— Я спрашиваю тебя: гдѣ ты учился? Ты такія мудреныя слова употребляешь.

— Я... воспитаніе мое...—началъ было Бабуринъ.

Бабушка презрительно пожала плечомъ.—Стало быть,—перебила она,—тебѣ мои распоряженія не нравятся. Это мнѣ совершенно все равно—въ своихъ подданныхъ я властна, и никому за нихъ не отвѣчаю,—только я не привыкла, чтобы въ моемъ присутствіи разсуждали и не въ свое дѣло мѣшались. Мнѣ ученые филантропы изъ разночинцевъ не надобны; мнѣ слуги надобны безотвѣтные. Такъ я до тебя жила и послѣ тебя я такъ жить буду. Ты мнѣ не годишься: ты уволенъ. Николай Антоновъ,—обратилась бабушка къ дворецкому,—разсчитай этого человѣка; чтобы сегодня же къ обѣду его здѣсь не было! Слышишь? Не вводи меня въ гнѣвъ. Да и другого, того... дурака-приживальщика съ нимъ отправить. Чего жъ Ермилка ждетъ?—прибавила она, снова глянувъ въ окно.—Я его осмотрѣла. Ну, чего еще?—Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ бы прогоняя докучливую муху. Потомъ она сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо:—Ступайте всѣ люди вонъ!

Всѣ мы удалились, всѣ, кромѣ казачка-дневальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому что онъ не былъ „человѣкомъ“.

Приказъ бабушки былъ исполненъ въ точности. Къ обѣду и Бабуринъ и другъ мой Пунинъ выѣхали изъ усадьбы. Не берусь описать мое горе, мое искреннее, прямо дѣтское отчаяніе. Оно было такъ сильно, что заглушало даже то чувство благоговѣйнаго удивленія, которое внушила мнѣ смѣлая выходка республиканца Бабурина. Послѣ разговора съ бабушкой, онъ тотчасъ отправился къ себѣ въ комнату и началъ укладываться. Меня онъ не удостоивалъ ни словомъ, ни взглядомъ, хотя я все время вертѣлся около него, то-есть, въ сущности,—около Пунина. Этотъ совсѣмъ потерялся и тоже ничего не говорилъ, зато безпрестанно взглядывалъ на меня, и въ глазахъ его стояли слезы... все однѣ и тѣ же слезы: онѣ не проливались и не высыхали. Онъ не смѣлъ осуждать своего „благодѣтеля",—Парамонъ Семенычъ не могъ ни въ чемъ ошибиться,—но очень было ему томно и грустно. Мы съ Пунинымъ попытались было прочесть на прощанье нѣчто изъ „Россіады"; мы даже заперлись для этого въ чуланъ,—нечего было думать идти въ садъ,—но на первомъ же стихѣ запнулись оба, и я разревѣлся, какъ теленокъ, несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ и претензіи быть большимъ. Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился, наконецъ, ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: „Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда вырастите, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ еще неиспорченный... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя!" Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду... буду помнить, что обѣщаюсь... сдѣлаю... непремѣнно... непремѣнно... [1]).

Но тутъ на Пунина, съ которымъ мы передъ тѣмъ разъ двадцать обнялись—(мои щеки горѣли отъ прикосновенія его небритой бороды, и весь я былъ пропитанъ его запахомъ)—тутъ на Пунина нашло внезапное изступленіе! Онъ вскочилъ на сидѣнье тарантаса, поднялъ обѣ руки кверху и началъ громовымъ голосомъ (откуда онъ у него взялся!) декламировать извѣстное переложеніе Давидова псалма Державинымъ:

Возсталъ Всесильный Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ!..
Доколь вамъ, рекъ, доколь вамъ будетъ

[1]) Начальный моментъ „Аннибаловской клятвы" И. С. Тургенева. О ней рѣчь ниже.

Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть сохранять законы...

— Сядь!—сказалъ ему Бабуринъ.

Пунинъ сѣлъ, но продолжалъ:

Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ...

Пунинъ при словѣ „сильныхъ"—указалъ пальцемъ на барскій домъ, а потомъ ткнулъ имъ въ спину сидѣвшаго на козлахъ кучера:

Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ!
Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ...

Прибѣжавшій изъ барскаго дома Николай Антоновъ закричалъ во все горло кучеру: „Пошелъ! ворона! пошелъ, не зѣвай!" и тарантасъ покатился. Только издали еще слышалось:

Воскресни Боже, Боже правый!..
Приди, суди, карай лукавыхъ—
И будь одинъ Царемъ земли!

Въ тотъ же день, узнавъ, что Ермилъ находится еще на деревнѣ и только на другое утро рано препровождается въ городъ, для исполненія извѣстныхъ законныхъ формальностей, которыя, имѣя цѣлью ограничить произволъ помѣщиковъ, служили только источникомъ добавочныхъ доходовъ для предержащихъ властей,—въ тотъ же день я отыскалъ его и, за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, вручилъ ему узелокъ, въ который увязалъ два носовыхъ платка, пару стоптанныхъ башмаковъ, гребенку, старую ночную рубашку и совсѣмъ новенькій шелковый галстукъ...

Бабушка, которая почему-то оставляла меня въ покоѣ весь этотъ памятный для меня день, подозрительно оглянула меня, когда я сталъ послѣ ужина съ ней прощаться.

— У васъ глаза красны,—замѣтила она мнѣ по-французски:—и отъ васъ избою пахнетъ. Не буду входить въ разбирательство вашихъ чувствъ и вашихъ занятій,—я не желала бы быть вынужденной наказать васъ; но надѣюсь, что вы оставите всѣ ваши глупости и будете снова вести себя, какъ прилично благородному мальчику. Впрочемъ, мы теперь скоро вернемся въ Москву, и я возьму для васъ гувернера, такъ какъ я вижу, чтобы справиться съ вами, нужна мужская рука. Ступайте".

Но „глупости", чѣмъ дальше, становились осмысленнѣе и серьезнѣе, и „мужской рукѣ" наемнаго гувернера оказалось не подъ силу „справиться" съ ними.

Такъ, къ Ивану Сергѣевичу вполнѣ приложимы слова Достоевскаго, сказанныя имъ о Некрасовѣ: „это было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то никогда незаживавшая рана его и была началомъ и источникомъ всей... поэзіи его потомъ на всю жизнь“. „Великая скорбная симфонія“ звучитъ не только въ „Запискахъ Охотника“, болѣзненно-лобзающіе звуки доминируютъ въ творчествѣ Ивана Сергѣевича отъ начала до того поистинѣ святого конца, когда „одинокій аки перстъ“, „не будучи въ состояніи ни ходить, ни стоять, ни ѣздить“, точно „устрица или моллюскъ“, въ безпрерывной страшной агоніи, но еще „ближе принимая къ сердцу“ людскія страданія“, — Иванъ Сергѣевичъ на краю могилы посылаетъ послѣдній завѣтъ людямъ: „Живите и любите людей, какъ я ихъ всегда любилъ“. Да, это было въ самомъ началѣ жизни раненое сердце и такъ глубоко, что рана не зажила до самой смерти: „Горе сердцу, не любившему смолоду!“

II.

„Ратники добра“.

„Ублажи гимномъ того исполина, какой выходитъ только изъ русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна, становится вдругъ другимъ: плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра“.

Н. В. Гоголь.

Съ годами, по мѣрѣ того какъ крѣпла и развивалась мысль и изъ неясныхъ, но сильныхъ дѣтскихъ порывовъ и волненій слагалось опредѣленное міровоззрѣніе, Тургеневъ начинаетъ понимать безусловную неизбѣжность „отторженія отъ родной почвы, насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ его къ тому быту, среди котораго онъ выросъ... Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ — полоса помѣщичья, крѣпостная—не представляла ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ: почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія—отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ; либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я другого пути передъ собой невидѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости характера [1]). Мнѣ

[1]) Ср. слова г-жи Житовой („Вѣстникъ Европы“, кн. XII, 584). Указывая на то, что въ присутствіи сына Варвара Петровна „точно перерождалась, она, не боявшаяся никого, не измѣнявшая себя ни для кого, при немъ ста-

необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва" [1]). Тургеневъ дѣйствительно „удалился отъ своего врага" на европейскій Западъ и „удалился именно для того, чтобы сильнѣе напасть на него".

Тургеневъ былъ не первый и не единственный въ русскомъ обществѣ „западникъ". „Западничество" было для Тургенева, какъ и для многихъ даровитыхъ его сверстниковъ, естественнымъ результатомъ стремленія найти выходъ изъ того мрачнаго и крайне тяжелаго состоянія, въ которомъ находилась тогда Россія. „Тяжелыя тогда стояли времена,—вспоминаетъ Тургеневъ.— Пусть читатель самъ посудитъ: утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть, даже тебѣ пришлось съѣздить къ цензору и, представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ... На улицѣ попадалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ, и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ, оборвалъ или, что еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ, какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча виситъ надъ всѣмъ такъ называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ

ралась показать себя доброй и снисходительной", — г-жа Житова говоритъ (по поводу отъѣзда И. С—ча за границу въ 1846 г.): „И онъ, и всѣ мы вполнѣ сознавали, что временная доброта и снисходительность Варвары Петровны поддерживались только рѣдкостью и краткостью свиданій съ сыномъ. Останься онъ при ней, она бы не выдержала долго, и онъ только былъ бы безмолвнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ того, что выносить онъ не могъ, а чему помочь былъ не въ силахъ. Легче отъ этого никому бы не было... и онъ уѣхалъ".

[1]) „Литературныя и житейскія воспоминанія". Полн. собр. соч. И. С. Тургенева, изд. Маркса, т. XII, стр. 5.

интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни!“ [1]).

Теперь совершенно понятно свидѣтельство очевида — друга Тургенева, что „самымъ позорнымъ состояніемъ, въ какое можетъ попасть смертный, считалъ онъ въ то время то состояніе, когда человѣкъ походитъ на другихъ. Онъ спасался отъ этой *страшной* участи, навязывая себѣ невозможныя качества и особенности, даже пороки, лишь бы они только способствовали къ отличію его отъ окружающихъ, большинство которыхъ онъ приравнивалъ къ „кожанымъ чемоданамъ, набитымъ сухимъ сѣномъ“. „Походить на другихъ“ въ эту пору было бы дѣйствительно позоромъ, стоитъ только вспомнить „Мертвыя души“ Гоголя. „Одинъ за другимъ,—говоритъ Гоголь о „Мертвыхъ душахъ“,— слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого... Нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ“. „Тогда, по остроумному замѣчанію г. Владимірова [2]), не только между ревизскими были мертвыя души,—мертвыя души ходили, гуляли, ѣли, играли въ карты, разговаривали“, а болѣе всего — спали. „Отсутствіе свѣта“ въ русской жизни того времени пугало всякаго, кто не оставался равнодушнымъ зрителемъ дѣлъ тьмы. „Когда я,—разсказываетъ Гоголь,—началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ душъ“ въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Устами Шубина въ „Наканунѣ“ Тургеневъ говоритъ о русскомъ обществѣ того времени: „Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанныя“... Роковымъ концомъ угрожала духовному организму русскаго народа его застарѣлая болѣзнь,—та самая, о которой говоритъ Гоголь: „Никого не разбудишь, богатырски задремалъ русскій человѣкъ... Всякое истинное чувство глохнетъ, и некому его вызвать.

---

[1]) Ibid., стр. 45—46.

[2]) Въ сочиненіи о Хомяковѣ, стр. 5.

Дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша сила и крѣпость, дремлетъ нашъ умъ"... Эта летаргія народныхъ духовныхъ силъ грозила перейти въ полный параличъ, въ направленіи котораго не безъ успѣха работали темныя силы этого безвременья.

Спустилась и повисла надъ русскимъ народомъ безпросвѣтно-темная ночь,

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо.

„... Русское общественное древо, кто только могъ, направо и налѣво раскачивалъ, спѣша набить карманъ, не думая о томъ, что будетъ далѣ"... „Всѣ тогда жирѣли, наживали, всѣ... кромѣ, разумѣется, крестьянъ". На этой сухой и безплодной почвѣ общественнаго равнодушія, въ душной атмосферѣ пошлости глохло все живое, и реакція становилась все сильнѣе и все смѣлѣе. Теперь она организовалась въ цѣлую систему мысли и жизни,—ту самую, которую историкъ русской литературы Пыпинъ опредѣляетъ терминомъ „офиціальная народность" и которая въ своемъ практическомъ примѣненіи отправлялась отъ знаменитаго „все обстоитъ благополучно". „Мы нынче такъ довольны своимъ роднымъ,—писалъ Чаадаевъ кн. Вяземскому,—такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ нашимъ собственнымъ лицамъ". Одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей этого „самодовольства", шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ такъ опредѣляетъ его основанія: „Le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au de là de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer". Въ переводѣ на русскій языкъ это значило: „не разсуждать — повиноваться!" А такая „исключительная опека необходимо оставляетъ общество младенческимъ, потому что стѣсненіе свободы движеній одинаково ослабляетъ и останавливаетъ развитіе членовъ и въ физической жизни человѣка и въ государствѣ. Опека лишала общество самодѣятельности и въ умственно-нравственномъ и въ матеріально-экономическомъ отношеніи; охраняя „народную" самобытность, она не допускала въ Россію ни смѣлыхъ выводовъ европейской науки, ни желѣзныхъ дорогъ, какъ будто и эти послѣднія были также вольнодумствомъ; „самобытность" кончилась и умственною, и матеріальною бѣдностью, и отсталостью. Мысль о томъ, что истинное могущество націи достигается только свободнымъ

развитіемъ ея самодѣльно работающихъ силъ, была непонятна. Думали, что для этого достаточно формальной дисциплины и всеобщей опеки"... [1]). Въ принципѣ отрицая самую возможность общественной критики и личной иниціативы и уничтожая всякій ростокъ самодѣятельности, эта „система" не могла не привести и дѣйствительно привела къ своимъ обычнымъ историческимъ послѣдствіямъ. Стараніе удерживать въ бездѣйствіи народныя и общественныя силы и подавлять ихъ стремленіе имѣло слѣдствіемъ то, что значительная часть и въ самомъ дѣлѣ осталась въ неподвижности и застоѣ, которые въ историческомъ счетѣ равняются движенію назадъ. Вотъ любопытный отзывъ объ этой „настоящей Николаевской Руси", „пошлой и. безцвѣтной", человѣка, котораго никакъ нельзя заподозрѣть въ преувеличеніи, г. Любимова. „Создалась,—говоритъ онъ,—правительственная система, съ которой не могъ примириться ни одинъ независимый умъ, прилаживаться къ которой свободная мысль могла, лишь заглушая себя, скрываясь, побѣждая себя, сосредоточивая вниманіе на свѣтлыхъ сторонахъ и закрывая глаза на темныя, удовлетворяясь довольствомъ личнаго положенія, лицемѣря вольно или невольно, чтобы не прать противъ рожна.

„Государственная идея, высокая сама по себѣ и крѣпкая въ державномъ источникѣ ея, въ практикѣ жизни приняла исключительную форму „начальства". Начальство сдѣлалось все въ странѣ. Все Кесареви,—Богови оставалось весьма немного. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго. Губернаторъ, при какой-то ссылкѣ на законъ, взявшій со стола томъ свода законовъ и сѣвшій на него съ вопросомъ: „гдѣ законъ?", былъ лицомъ типическимъ, въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ".

„Въ то время,—продолжаетъ г. Любимовъ,—купецъ торговалъ, потому что была на то милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда въ силу начальническаго позволенія; приказный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Воздухомъ дышали, потому что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. Рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено было начальствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтствененъ

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ", изд. 3, 1906 г., стр. 120.

въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ, въ тѣхъ же условіяхъ, начальство и надъ собою. Для народа, несшаго тяготы и крѣпостныхъ, и государственныхъ повинностей, со включеніемъ тяжкой рекрутчины, то было время не легкой службы. Военные люди, какъ представители дисциплины и подчиненія, имѣли первенствующее значеніе, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ Синодѣ въ качествѣ оберъ-прокурора. Зато полковой священникъ, подчиненный оберъ-священнику, былъ служивый въ рясѣ, независимый отъ архіерея... Всякая независимая отъ службы дѣятельность человѣка считалась развѣ только терпимой при незамѣтности и немедленно возбуждала опасеніе, какъ только чѣмъ-либо явно обнаруживалась... Тѣлесныя наказанія считались главнымъ орудіемъ дисциплины и основою общественнаго воспитанія. Отъ ученія требовали только практической пригодности, наука была въ подозрѣніи. Съ 1848 года преслѣдованіе независимости во всѣхъ ея формахъ приняло мрачный характеръ".

Такъ Россія стала „колоссомъ на глиняныхъ ногахъ". „Какъ бы для ироніи надъ „народностью",—говоритъ Пыпинъ [1]),—эта масса была крѣпостная или полукрѣпостная, и роль народа была чисто пассивная. Безправный юридически, невѣжественный, бѣдный, запуганный народъ былъ той основой, на которой утверждалось гордое зданіе системы"...

... въ одномъ сливались всѣ сословья,
Что дружно налегали на народъ.

А между тѣмъ слова „свобода", „гласность" „не слышались и въ шутку", „считался звѣремъ либералъ", слова „общественное благо" и произнесть нужна была отвага, которою никто не обладалъ". „Каждый чувствовалъ тяготу. У каждаго было что-то на сердцѣ, и все-таки всѣ молчали". Подъ гнетомъ цензуры „слово искривилось" (И. С. Аксаковъ) и „въ отвѣтъ стенаніямъ народа мысль русская стонала въ полутонъ". Казалось, „на всѣхъ... отяготѣлъ жестокій фатумъ".

Но, видно, не даромъ „великій меланхоликъ" въ поэтическомъ созерцаніи будущей Россіи видѣлъ уже того „исполина, какой выходитъ только изъ русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна, становится вдругъ другимъ: плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра". „Нѣмецкой работы китайскіе

---

1) Цит. соч., стр. 121.

башмаки, въ которыхъ Россію водятъ полтораста лѣтъ, натерли много мазолей,—писалъ Герценъ,—но видно костей не повредили, если всякій разъ, когда удастся расправить члены, являются такія свѣжія и молодыя силы“ [1]). Застоявшееся болото русской общественной жизни начинаетъ обнаруживать какую-то, сначала не довольно опредѣленную, дѣятельность; затѣмъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ пробиваютъ его родники, свѣжіе и сильные, скрывавшіеся въ самыхъ тайныхъ глубинахъ народнаго духа и невредимо имъ пронесенные сквозь вѣка рабства... Загорается, всходитъ надъ русскою жизнью столь желанная для Пушкина „свободы просвѣщенной прекрасная заря“... Выходятъ на общественную работу первые „ратники добра“, идутъ бодро съ непочатымъ запасомъ силъ, которыя всѣ, безъ остатка, отдадутъ они для безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія народу и обществу, для расчистки еще дѣвственной почвы народной жизни и посѣва на ней „разумнаго, добраго, вѣчнаго“... Вотъ незабвенныя имена этихъ „ратниковъ“: Станкевичъ, Кирѣевскіе, Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы, Герценъ, Бѣлинскій, Грановскій, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Л. Толстой, Некрасовъ, Островскій, Достоевскій и др.

Но старое не сдается безъ боя. Борьба неизбѣжна, борьба на жизнь и смерть. Масса сильна своей численностью, ей надо противопоставить силу качественно высшую. Правда, кругомъ рознь, борьба себялюбій, грубыхъ эгоистическихъ разсчетовъ, интересовъ кармана и чина, но въ этой борьбѣ есть своеобразная круговая порука, и стоитъ появиться въ такомъ обществѣ Чацкому, какъ, разноголосое дотолѣ, оно объединяется въ дружный хоръ:

„Разбой, пожаръ“, кричитъ вся эта, выражаясь словами
Чацкаго, „мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ...
... И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ“.

Одному или въ одиночку невозможно бороться съ этой многоголовой гидрой, надо сплотиться. И вотъ одинъ за другимъ создаются кружки молодежи. „Всѣ мы,—говоритъ Панаевъ въ

---

[1]) „Былое и думы“, гл. XXV. Соч. А. И. Герцена, изд. Павленкова 1905 г. т. II, стр. 334.

своихъ воспоминаніяхъ,—были въ то время свѣжи, молоды, всѣ съ жаждой наслажденія погружались или пробовали погружаться въ философскія отвлеченности,... всѣ сходились почти ежедневно и сообщали другъ другу свои открытія, толковали, спорили до усталости, и расходились далеко за полночь". Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ вспоминаетъ объ этихъ просвѣщенныхъ юношахъ-идеалистахъ: „Трещитъ по улицамъ суровый 30-ти-градусный морозъ, взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары;... но привѣтливо, сквозь летающіе перекрестно хлопья снѣга, свѣтитъ вверху окошко, гдѣ-нибудь въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій душу и сердце разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ". То же время и тѣхъ же людей самъ Тургеневъ изображаетъ въ романѣ „Рудинъ". Говоритъ Лежневъ, но въ его одушевленной рѣчи слышится голосъ самого автора, который невольно увлекается неудержимымъ потокомъ дорогихъ образовъ, свѣтлыхъ грезъ юности, идеальныхъ порывовъ, захватывающихъ и поднимающихъ біеній молодого, пылкаго сердца... „Попавъ въ кружокъ Покорскаго,—говоритъ Лежневъ,—я совсѣмъ переродился: смирился, разспрашивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ,—однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ вспомню я наши сходки, ну, ей-Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго. Вы представьте: сошлись человѣкъ пять-шесть мальчиковъ, одна сальная свѣчка горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые-престарые, а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи,—говоримъ иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что за бѣда!.. А ночь летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостью на душѣ... и даже на звѣзды какъ-то довѣрчиво глядишь, словно онѣ и ближе стали и понятнѣе... Эхъ, славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало,—не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила

потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только при немъ произнести имя Покорскаго— и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ склянку съ духами"...

Изъ этихъ кружковъ особенно выдающееся значеніе въ исторіи развитія русскаго общественнаго самосознанія получили кружки Станкевича и Герцена, около которыхъ сомкнулись лучшіе люди 30-хъ—40-хъ годовъ, и между ними такіе, какъ Бѣлинскій, Грановскій, Константинъ Аксаковъ, Бакунинъ, Боткинъ, Николай Огаревъ. Вотъ что разсказываетъ Герценъ въ „Быломъ и думахъ" о происхожденіи этихъ кружковъ [1]). „Полоса, идущая отъ 1825 до 1855 года, скоро совсѣмъ задвинется; человѣческіе слѣды пропадутъ и будущія поколѣнія не разъ остановятся съ недоумѣніемъ передъ гладко убитымъ пустыремъ, отыскивая пропавшіе пути мысли, которая *въ сущности* не перерывалась. Повидимому, потокъ былъ остановленъ, но кровь переливалась проселочными тропинками. Вотъ эти-то волосяные сосуды и оставили слѣдъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, въ перепискѣ Станкевича.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Россія *будущаго* существовала исключительно между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства, а въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто народной Руси. Новая жизнь эта прозябала, какъ трава, пытающаяся расти на губахъ непростывшаго кратера.

Въ самой пасти чудовища выдѣляются дѣти, не похожія на другихъ дѣтей; они растутъ, развиваются и начинаютъ жить совсѣмъ другой жизнью. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддержанные, напротивъ, всѣми гонимые, они легко могутъ погибнуть безъ малѣйшаго слѣда, *но остаются*, и если умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними. Это начальныя ячейки, зародыши исторіи, едва замѣтные, едва существующіе, какъ всѣ зародыши вообще.

Мало-по-малу изъ нихъ составляются группы. Болѣе родное собирается около своихъ средоточій; группы потомъ отталкиваютъ другъ друга. Это расчлененіе даетъ имъ ширь и многосторонность для развитія; развиваясь до конца, т.-е. до крайности, вѣтви опять соединяются, какъ бы онѣ ни назывались—кругомъ Станкевича, слявянофилами или нашимъ кружкомъ.

---

[1]) Цит. изд. соч. Герцена, т. II, стр. 325—329.

Главная черта всѣхъ ихъ—глубокое чувство отчужденія отъ офиціальной Россіи, отъ среды ихъ окружавшей и съ тѣмъ вмѣстѣ стремленіе выйти изъ нея, а у нѣкоторыхъ порывистое желаніе вывести и ее самое...

Самое появленіе кружковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было естественнымъ отвѣтомъ на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни.

О застоѣ послѣ перелома въ 1825 году мы говорили много разъ. Нравственный уровень общества палъ, развитіе было перервано, все передовое, энергическое, вычеркнуто изъ жизни. Остальные, испуганные, слабые, потерянные, были мелки, пусты; дрянь александровскаго поколѣнья заняла первое мѣсто; они мало-помалу превратились въ подобострастныхъ дѣльцовъ; утратили дикую поэзію кутежей и барства и всякую тѣнь самобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время ихъ прошло.

Подъ этимъ большимъ *свѣтомъ* безучастно молчалъ большой *міръ* народа; для него ничего не перемѣнилось,—ему было скверно, но не сквернѣе прежняго, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время *не пришло*. Между этой крышей и этой основой дѣти первыя приподняли голову, можетъ оттого, что они не подозрѣвали, какъ это опасно, но, какъ бы то ни было, этими дѣтьми ошеломленная Россія начала приходить въ себя.

Ихъ остановило совершеннѣйшее противорѣчіе *словъ* ученія съ *былями* жизни вокругъ. Учителя, книги, университетъ говорили одно, и это одно было понятно уму и сердцу. Отецъ съ матерью, родные и вся среда говорили другое, съ чѣмъ ни умъ, ни сердце не согласны, но съ чѣмъ согласны предержащія власти и денежныя выгоды. Противорѣчіе это между воспитаніемъ и нравами нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ дворянской Руси...

Число воспитывающихся у насъ было всегда чрезвычайно мало; но и тѣ, которые воспитывались, получали не то чтобъ объемистое воспитаніе, но довольно общее и гуманное; оно *очеловѣчивало* учениковъ всякій разъ, когда принималось. Но *человѣка*-то именно и ненужно было ни для іерархической пирамиды, ни для преуспѣянія помѣщичьяго быта. Приходилось или снова расчеловѣчиться—такъ толпа и дѣлала—или пріостановиться и спросить себя: „Да нужно ли непремѣнно служить? Хорошо ли дѣйствительно быть помѣщикомъ?“ Засимъ для однихъ, болѣе слабыхъ и нетерпѣливыхъ, начиналось праздное существованіе

корнета въ отставкѣ, деревенской лѣни, халата, странностей, картъ, вина; для другихъ—время искуса и внутренней работы. Жить въ полномъ нравственномъ разладѣ они не могли, не могли также удовлетвориться отрицательнымъ устраненіемъ себя; возбужденная мысль требовала выхода. Разное разрѣшеніе вопросовъ, одинаково мучившихъ молодое поколѣніе, обусловливало распаденіе на разные круги.

Такъ сложился, напримѣръ, нашъ кружокъ и встрѣтилъ въ университетѣ, уже готовымъ, кружокъ Сунгуровскій. Направленіе его было, какъ и наше, больше политическое, чѣмъ научное. Кругъ Станкевича, образовавшійся въ то же время, былъ равно близокъ и далекъ съ обоими. Онъ шелъ другимъ путемъ, его интересы были чисто теоретическіе.

Въ тридцатыхъ годахъ убѣжденія наши были слишкомъ юны, слишкомъ страстны и горячи, чтобъ не быть исключительными. Мы могли холодно уважать кругъ Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философскія системы, занимались анализомъ себя и успокаивались въ роскошномъ пантеизмѣ, изъ котораго не исключалось христіанство. Мы мечтали о томъ, какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ, и самую науку считали средствомъ".

И. С. Тургеневъ попалъ въ кружокъ Станкевича. „Одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, глубокою любовью къ искусству, большимъ и яснымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ и глубоко вникать въ сущность всякаго вопроса, Станкевичъ,—говоритъ С. А. Венгеровъ—давалъ окружающимъ могущественные духовные импульсы и будилъ лучшія силы ума и чувства" [1]).

„Станкевичъ развивался стройно и широко,—говоритъ Герценъ [2]),—его художественная, музыкальная и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно рефлектирующая и созерцающая натура заявила себя съ самаго начала университетскаго курса. Способность Станкевича не только глубоко и сердечно понимать, но и примирять, или, какъ нѣмцы говорятъ, *снимать* противорѣчія, была основана на его художественной натурѣ. Потребность гармоніи, стройности, наслажденія дѣлаетъ ихъ снисходительными къ средствамъ; чтобъ не видать колодца, они покрываютъ его холстомъ. Холстъ не выдержитъ напора, но зіяющая пропасть не мѣшаетъ глазу.

---

[1]) „Очерки по исторіи русской литературы", изд. 2-е, стр. 252.

[2]) Цит. изд. соч. Герцена, т. II, стр. 330.

Этимъ путемъ нѣмцы доходили до пантеистическаго квіетизма и опочили на немъ; но такой даровитый русскій, какъ Станкевичъ, не остался бы надолго „мирнымъ“.

Не долго былъ Тургеневъ въ этомъ кружкѣ—смерть рано выхватила Станкевича изъ рядовъ „ратниковъ добра“; но духовный ростъ человѣка не подлежитъ точному измѣренію временемъ, и иныя минуты глубже и значительнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ дни и даже годы. Смерть Станкевича произвела на Тургенева потрясающее дѣйствіе, и изъ письма его Грановскому, написаннаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страшнаго факта, видно, какъ много значилъ для него и людей его круга Станкевичъ. „Насъ постигло великое несчастье, Гр—ій. Едва могу собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждою... 24 іюня (1840 г. въ Нови) скончался Станкевичъ... Но нѣтъ мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь, дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ,— быть можетъ лучшій. Но возникаютъ, возникнутъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій и, рано ли, поздно, свѣтъ побѣдитъ тьму“ [1]).

Но для этой побѣды „свѣта“ недостаточно было одного союза его носителей и защитниковъ, недостаточно именно потому, что и враги ихъ, люди тьмы, умѣли въ минуту опасности сплотиться: необходимо было приготовиться къ этой борьбѣ, нужно было просвѣщеніе, только оно могло привести къ свободѣ. „Юноша, пришедшій въ себя и успѣвшій оглядѣться послѣ школы, находился въ тогдашней Россіи въ положеніи путника, просыпающа-

---

[1]) Свѣтлый образъ Покорскаго въ „Рудинѣ“—памятникъ учителю. „Когда я изображалъ Покорскаго,—говоритъ Тургеневъ,—образъ Станкевича носился предо мною, но все это только блѣдный очеркъ“. „Это былъ человѣкъ необыкновенный“, говоритъ Лежневъ о Покорскомъ-Станкевичѣ. „Это была высокая, чистая душа и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ... Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца... Поэзія и правда—вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое мечтанье, и въ то же время онъ

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра...

Покорскій былъ на видъ тихъ, мягокъ, даже слабъ..., и не дался бы никому въ обиду. Покорскій вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу... Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый, зато когда онъ расправлялъ свои крылья,— Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба“!

гося въ степи: ступай, куда хочешь,—есть слѣды, есть кости погибнувшихъ, есть дикіе звѣри, и пустота во всѣ стороны, грозящая тупой опасностью, въ которой погибнуть легко, а бороться невозможно. Единственная вещь, которую можно было продолжать честно и съ любовью—это ученье“ [1]). И вотъ среди болѣе чуткихъ и даровитыхъ молодыхъ людей, сверстниковъ Тургенева, по его собственному свидѣтельству, начинается и, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе сказывается стремленіе за границу. Это стремленіе напоминаетъ ему „исканіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ“: „каждый изъ насъ, — говоритъ онъ,—точно такъ же чувствовалъ, что его земля (я говорю не объ отечествѣ вообще, а о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Я былъ убѣжденъ, что въ Россіи возможно набраться только нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія за границей“ [2]).

Въ 1838 году Тургеневъ отправился въ Германію. Въ Берлинѣ группировался въ это время кружокъ даровитыхъ молодыхъ русскихъ ученыхъ: Грановскій, Фроловъ, Невѣровъ, Бакунинъ, Станкевичъ. Всѣ они восторженно увлекались гегелевской философіей, въ которой „видѣли не одну только систему отвлеченнаго мышленія, а новое евангеліе жизни“. „Въ философіи,—замѣчаетъ Тургеневъ,—мы искали всего, кромѣ чистаго мышленія“. Человѣкъ съ такими запросами очевидно не могъ остановиться на одномъ упорядоченіи своего „нравственнаго и умственнаго достоянія“. Сильно было дѣйствіе идей запада, и однако еще болѣе могучимъ было дѣйствіе самой жизни западно-европейской, такъ не похожей на русскую. „Я бросился,—говоритъ Тургеневъ,—внизъ головой въ „нѣмецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ, я все-таки очутился „западникомъ“ и остался имъ навсегда“ [3]). Въ душу, отъ природы любящую, благородную, съ неодолимымъ влеченіемъ къ свѣту, правдѣ, внѣдрялось убѣжденіе, которому Тургеневъ остался вѣренъ на всю жизнь, — что только усвоеніе началъ общечеловѣческой культуры можетъ вывести Россію изъ того мрака, изъ того „позорнаго сна“, въ который она погрузилась. Въ этомъ именно смыслѣ Тургеневъ

---

[1]) Цит. изд. соч. Герцена, т. II, стр. 330.
[2]) „Литерат. и жит. воспоминанія“. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 5.
[3]) Ibid.

„очутился западникомъ“. „Да и какъ же ему было не сдѣлаться „западникомъ“, — говоритъ С. А. Венгеровъ [1]),—когда онъ, вырвавшись изъ тѣсной и душной клѣтки тогдашняго строя русской жизни, попалъ на свободное раздолье европейской цивилизаціи. То, невозможность осуществленія чего, вслѣдствіе сложившихся историческихъ обстоятельствъ, онъ видѣлъ въ Россіи, расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ на здоровой почвѣ западныхъ нравовъ и порядковъ... Для него открывался совершенно новый міръ гражданственности и уваженія къ человѣческой личности, міръ отрицанія кулачнаго права и своекорыстныхъ расчетовъ, какъ основанія общественной морали, міръ свободнаго слова, какъ печатнаго, такъ и устнаго. Да, глубокое дѣйствіе произвела на впечатлительнаго молодого человѣка западная жизнь; внимательно всматривался онъ въ ея детали. Невольно сталъ онъ сравнивать свою родную убогую обстановку съ пышнымъ убранствомъ чужеземной жизни. Неужели же, задавалъ онъ себѣ вопросъ, люди запада созданы особеннымъ образомъ? Неужели же они составляютъ какую-нибудь особенную аристократію, которая одна способна усвоить высшія идеи и стремленія? Неужели же въ русскомъ народѣ нѣтъ задатковъ культурнаго процвѣтанія, неужели же онъ менѣе другихъ способенъ выражать своею жизнью прогрессивное движеніе человѣчества? На всѣ эти вопросы любящій и знающій свою родину юноша могъ отвѣчать только однимъ энергическимъ—нѣтъ“.

„Я никогда не признавалъ,—говоритъ Тургеневъ [2]),—той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосвѣдущіе патріоты непремѣнно хотятъ провести между Россіей и западной Европой, той Европой, съ которой порода, языкъ, вѣра такъ тѣсно ее связываютъ. Не составляетъ ли наша славянская раса — въ глазахъ филолога, этнографа — одной изъ главныхъ вѣтвей индо-германскаго племени? И если нельзя отрицать воздѣйствія Греціи на Римъ и обоихъ вмѣстѣ на германо-романскій міръ, то на какомъ же основаніи не допускается воздѣйствіе этого—что ни говори—родственнаго, однороднаго міра на насъ? Неужели же мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякаго посторонняго вліянія и съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы онъ насъ не испортилъ? Я этого не полагаю. Я полагаю, напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой—нашей русской сути изъ насъ не вывести.

[1]) Цит. соч. И. С. Тургеневъ, стр. 96.

[2]) „Литер. и жит. воспоминанія“. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 6.

Да и что̀ бы мы были, въ противномъ случаѣ, за плохонькій народецъ!“

Такимъ образомъ, „западничество“ Тургенева вовсе не было „слѣпымъ, рабскимъ, пустымъ подражаніемъ“; не отрицалъ онъ и возможности для русскаго народа самобытной культуры, его права на свою національную исторію; этотъ „западникъ“ глубоко вѣрилъ въ духовную мощь русскаго народа и, одушевленный этой вѣрой, не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ позорнаго сна „богатырски задремавшаго русскаго человѣка“. Вы помните „Дикаго Барина“ въ „Пѣвцахъ“? Онъ—„смѣсь какой-то врожденной природной свирѣпости и такого же врожденнаго благородства“, онъ, въ которомъ „громадныя силы угрюмо покоились“, отъ котораго „вѣяло какой-то грубой, тяжелой, но нетронутой силой“, о которомъ „трудно было рѣшить съ перваго разу, къ какому сословію принадлежалъ“ онъ, эта „медвѣжья фигура, не лишенная однако „какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собственномъ могуществѣ“,—не самъ ли это русскій народъ-богатырь? Мнѣ думается, что если бы нашелся геніальный скульпторъ, который воспроизвелъ бы въ мраморѣ это мощное созданіе поэта, то русскій народъ узналъ бы въ этомъ мраморѣ себя, а художникъ-ваятель не нашелъ бы лучшей надписи, чѣмъ эти слова писателя: „громадныя силы угрюмо покоились въ немъ“. Вспомните и Увара Ивановича въ „Наканунѣ“. „Когда же наша пора придетъ,—спрашиваетъ его Шубинъ—„вѣрное эхо авторскихъ думъ“, — „когда у насъ народятся люди?“ — „Дай срокъ,—отвѣтилъ Уваръ Ивановичъ,—будутъ“.—„Будутъ? Почва! Черноземная сила! Ты сказалъ — будутъ? Смотрите жъ, я запишу это слово“. Тургеневъ вѣрилъ въ эту черноземную силу, въ дѣвственно-мощную почву русской національной жизни, а европейскій Западъ ясно указалъ ему, чего недостаетъ этой „почвѣ“, чтобы выросла на ней здоровая, самобытная, сильная національность. За границей Тургеневъ воочію убѣдился, что необходима для этого свобода и что „крѣпостничество и есть именно одинъ изъ тѣхъ главныхъ анормальныхъ факторовъ, которые сдѣлали нашу жизнь такъ непохожей на европейскую“. Впечатлѣнія дѣтства, скорбныя грезы юности отслоились теперь въ полное и стройное міросозерцаніе убѣжденнаго борца противъ крѣпостного права за свободу человѣческой личности [1]).

[1]) „Однажды,—разсказываетъ Я. М. Невѣровъ,—одинъ изъ членовъ Берлинскаго кружка русской молодежи, на вечерѣ у одной весьма образованной

Безсознательная, пассивная вражда къ ужасному наслѣдію вѣковъ поднимается на высокую ступень сознательнаго рѣшенія „бороться до конца“ съ тѣмъ укладомъ жизни, въ которомъ люди были на положеніи рабовъ, и съ тѣми представителями и защитниками этого уклада, которые не хотѣли видѣть въ крѣпостномъ человѣка.

Подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ указанныхъ идей, настроеній и опытовъ жизни и были задуманы и написаны Тургеневымъ его безсмертные очерки изъ народной жизни, извѣстные подъ именемъ „Записокъ Охотника“. Этотъ литературный трудъ и былъ исполненіемъ данной Тургеневымъ „аннибаловской клятвы“.

дамы, оставившей отечество и жившей постоянно за границей, шла рѣчь о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесословномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности. Когда, по окончаніи этого вечера, мы возвратились домой и, естественно, оставаясь подъ впечатлѣніемъ вечерней бесѣды, обсуждали поднятый на ней вопросъ, Станкевичъ обратился къ намъ съ такимъ замѣчаніемъ:

„Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участія въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому прежде всего надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собою вызоветъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ прежде всего долженъ желать распространенія въ ней образованія“. И при этомъ Станкевичъ взялъ съ насъ торжественное обѣщаніе, что мы всѣ наши силы и всю нашу дѣятельность посвятимъ этой высокой цѣли“.

(„Русская Старина“, XL, 419. Привед. у г. Иванова, цит. соч. стр. 46—47.)

ГЛАВА II.

„Великая скорбная симфонія русской земли".

„Это была великая скорбная симфонія русской земли".

Мельхіоръ де-Вогюэ.

Въ „Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ" Тургеневъ такъ излагаетъ исторію „Записокъ Охотника": „Вслѣдствіе просьбы И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ нумерѣ „Современника", я оставилъ ему очеркъ, озаглавленный „Хорь и Калинычъ". (Слова „Изъ записокъ охотника" были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію) [1]). Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе"... Въ 1852 г. Тургеневъ собралъ

[1]) Г. Стасюлевичъ не соглашается съ этимъ „мнѣніемъ автора" и объясняетъ происхожденіе заглавія „Изъ записокъ охотника" иными соображеніями. Въ своемъ „Предисловіи къ первому, посмертному изданію" сочиненій И. С. Тургенева онъ говоритъ: заглавіе „было придумано въ редакціи журнала съ цѣлью весьма возможною въ тѣ времена, а именно—смягчить особое, общественное для эпохи крѣпостного права, значеніе этихъ вмѣстѣ высоко художественныхъ разсказовъ и сдѣлать ихъ болѣе удобными для печати... Довольно прочесть въ немъ (въ разсказѣ „Хорь и Калинычъ"), напримѣръ, одну изъ послѣднихъ страницъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что редакція могла имѣть цѣлью расположить къ снисхожденію не одного читателя". Ср. слова А. Н. Пыпина въ книгѣ „Н. А. Некрасовъ", стр. 88: „Хорь и Калинычъ" былъ помѣщенъ въ „Смѣси", послѣдующіе разсказы—уже въ текстѣ журнала. Помѣщеніе въ „Смѣси" нѣкоторые ставили потомъ въ укоръ Некрасову, видя въ этомъ признакъ того, что онъ не умѣлъ оцѣнить произведенія Тургенева. Дѣло объясняется проще: Некрасовъ, а можетъ быть и Тургеневъ не предвидѣли, что это будетъ начало цѣлой обширной серіи, а не отдѣльный, случайный эпизодъ; а такіе небольшіе разсказы нерѣдко помѣщались въ „Смѣси".

свои очерки и издалъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ „Записокъ Охотника“. Позднѣе это изданіе было дополнено нѣсколькими разсказами, и теперь всего въ книгѣ двадцать пять очерковъ [1]).

„Большая часть разсказовъ охотника родилась изъ прямыхъ личныхъ впечатлѣній автора,—говоритъ Анненковъ.—Онъ обращаетъ въ картину случай, ему представившійся, разбираетъ характеръ, ему встрѣтившійся, и даже передаетъ въ формѣ разсказа собственное свое воззрѣніе на предметъ; но сколько искусства расточено у него при этой передачѣ разнородныхъ своихъ пріобрѣтеній! Любопытно наблюдать, какъ мѣняетъ онъ для каждаго новаго представленія краски и самый способъ изложенія, какъ вѣрно разсчитаны для нихъ свѣтъ и воздухъ и въ какихъ нѣжныхъ оттѣнкахъ и умно разсѣянныхъ подробностяхъ выражаются у него люди и событія. Вѣрность окружающему является тутъ сама по себѣ и часто достигаетъ поэтическаго выраженія по глубокому проникновенію въ жизнь, по изученію ея“. „Изящная правда“ „Записокъ Охотника“ и „поразила“ прежде всего современниковъ, по отзыву одного изъ нихъ (К. Аксаковъ).

Эта „изящная правда“ художника-реалиста, который, по его собственному признанію, ставилъ задачей поэтическаго творчества „уловленіе“ жизни и „болѣе всего интересовался живой правдой людской физіономіи“, можетъ быть прослѣжена въ „Запискахъ охотника“ какъ на изображеніи человѣческой жизни, такъ и на многочисленныхъ описаніяхъ природы. „Тургеневъ,—говоритъ Пичъ,—разсказываетъ просто и кратко, съ неподражаемымъ искусствомъ и убѣдительной силой истины все, что онъ видѣлъ и пережилъ на родинѣ. Онъ заставляетъ господъ, чиновниковъ, а также и всѣхъ, которые страдаютъ благодаря

---

[1]) Порядокъ и даты появленія отдѣльныхъ разсказовъ въ „Современникѣ“ указаны А. Е. Грузинскимъ въ статьѣ „Къ исторіи „Записокъ Охотника“ Тургенева“ („Научное Слово“, 1903, кн. VII): 1847—„Хорь и Калинычъ“ (№ 1), „Каратаевъ“ (№ 2), „Ермолай и мельничиха“, „Мой сосѣдъ Радиловъ“, „Однодворецъ Овсяниковъ“ и „Льговъ“ (№ 5), „Бурмистръ“ и „Контора“ (№ 10). 1848—„Малиновая вода“, „Уѣздный лѣкарь“, „Бирюкъ“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна“, „Смерть“ (№ 2). 1849—„Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, „Чертопхановъ и Недопюскинъ“, „Лѣсъ и степь“ (№ 2). 1850—„Пѣвцы“, „Свиданіе“ (№ 11). 1851—„Бѣжинъ лугъ“ и „Касьянъ съ Красивой Мечи“ (№№ 2 и 3). „Конецъ Чертопханова“, „Живыя мощи“ и „Стучитъ“ вошли впервые въ серію лишь съ 1880 года. Что касается очерка „Два помѣщика“, то онъ, повидимому, впервые появился въ отдѣльномъ изданіи „Записокъ“ 1852 г.

имъ или вслѣдствіе установленнаго порядка, жить, дѣйствовать, говорить на нашихъ глазахъ такъ, какъ они это дѣлаютъ въ дѣйствительной жизни. И однако ни одна краснорѣчивая обвинительная рѣчь, проникнутая самымъ справедливымъ негодованіемъ, не возбуждала такого благороднаго отвращенія къ ненавистному злу, которое она должна была побѣдить и уничтожить, не могла привести къ сознанію страшнаго позора крѣпостничества успѣшнѣе, чѣмъ эти простыя, рисованныя съ натуры картины поэта". „Особенно важно, что Тургеневъ выставлялъ почти исключительно заурядныя явленія крѣпостной поры, нимало не изыскивая и не подбирая такихъ, про которыя можно было бы сказать, что это лишь исключенія, хотя и такихъ такъ называемыхъ исключеній, отъ которыхъ бы волосы у читателя поднялись дыбомъ, оказывалось на Руси не мало. Но въ томъ именно заключалась неотразимая сила этихъ какъ бы лишенныхъ всякой умышленности, просто правдивыхъ записокъ, что онѣ не только не преувеличивали дѣйствительности, не приправляли воспроизведенія ея никакими возгласами и не выкапывали различныхъ ужасовъ изъ уголовныхъ архивовъ, но, можно саазать, съ совершенно эпической невозмутимостью отражали все то, что встрѣчалось само собою на каждомъ шагу и что уже само по себѣ, сведенное въ одинъ сборникъ, подавало достаточный поводъ къ тяжелымъ думамъ. А между тѣмъ вѣдь разсказы этого сборника связаны между собой чисто внѣшней связью, случайной послѣдовательностью охотничьихъ впечатлѣній и наблюденій" (слова Ор. Миллера).

Въ статьѣ „По поводу „Отцовъ и дѣтей" Тургеневъ говоритъ: „Я слишкомъ уважалъ призваніе художника, литератора, чтобы покривить душою въ такомъ дѣлѣ. Слово „уважать" даже тутъ не совсѣмъ у мѣста; я просто иначе не могъ и не умѣлъ работать". „Честно", „безъ предубѣжденія" рисовалъ Тургеневъ и „старую Русь" въ „Запискахъ Охотника"; и однако объективность творчества не исчерпываетъ всѣхъ особенностей этого въ высшей степени оригинальнаго таланта. Добролюбовъ приписываетъ значительную долю того успѣха, которымъ постоянно пользовался Тургеневъ въ русской публикѣ, „чутью автора къ живымъ струнамъ общества, умѣнью тотчасъ отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только что начинающее проникать въ сознаніе лучшихъ людей". Критикъ былъ правъ для своего времени, но для насъ и нашего времени это тонкое наблюденіе представляется нѣсколько одностороннимъ:

произведенія Тургенева теперь уже не имѣютъ такого значенія предвосхищенія зарождающихся въ обществѣ чаяній, художественнаго объективированія неясныхъ общественныхъ настроеній, воплощенія въ образахъ несозрѣвшихъ идей, а между тѣмъ его поэтическія пѣсни попрежнему звучатъ родными, близкими нашему сердцу мотивами; стало быть, есть въ творчествѣ Тургенева, несмотря на его реализмъ и тѣсную связь съ опредѣленной эпохой, такіе мотивы, значеніе которыхъ не ограничивается даннымъ временемъ, которые никогда не умолкнутъ въ человѣческой душѣ, никогда не потеряютъ значенія въ человѣческой жизни.

Однимъ изъ такихъ вѣчныхъ мотивовъ, поднимающихъ творчество писателя надъ уровнемъ современной ему, преходящей дѣйствительности, является у Тургенева любовь, та любовь, о которой онъ говорилъ, что она „сильнѣе смерти и страха смерти", что „только ею, только любовью держится и движется жизнь". И дѣйствительно, говоря словами Венгерова, „Записки Охотника" — несомнѣнный протестъ, но протестъ совсѣмъ особаго рода, сильный не столько обличеніемъ, не столько ненавистью, сколько любовью". Да, Тургеневъ любилъ людей, любилъ и природу; оттого-то его „искусной рукѣ" и удалось „извлечь изъ глубины тайниковъ и сосредоточить на поверхности всѣхъ предметовъ ту, присущую имъ, сокровенную поэзію, пониманіе которой при непосредственномъ созерцаніи совсѣмъ ускользаетъ отъ большинства людей, не одаренныхъ исключительно сильной поэтической воспріимчивостью, а въ данной передачѣ между тѣмъ открывается само собой самому невпечатлительному читателю" (Мельхіоръ де Вогюэ). Тургеневу чужда фальшивая идеализація дѣйствительности: „онъ оставляетъ васъ съ глазу на глазъ съ природой и людьми, самъ какъ бы совершенно исчезая"; но свѣточъ идеала всегда въ рукѣ художника, и оттого въ этихъ „бѣдныхъ селеньяхъ", въ этой „скудной природѣ" онъ умѣетъ найти истинное величіе, неподдѣльную красоту—такова сила любви!—и живописуетъ это величіе и эту красоту настолько осязательно, что и мы вѣримъ и любимъ — такова сила таланта. И эти-то величіе и красота, силою любви извлеченныя изъ нашей бѣдной дѣйствительности и претворенныя мощнымъ талантомъ въ плоть и кровь нашу, и есть то вѣчное, что сообщаетъ творчеству Тургенева неумирающее значеніе.

Объ руку съ истинною любовью неизбѣжно идетъ „горе сердца глубокое", поднимающееся изъ глубины души всякій разъ,

какъ лазурь любви смутитъ людская злоба. И чрезъ „Записки Охотника“ „несется широкая захватывающая волна меланхоліи“. Чувство автора—„постоянно печаль, личная, необыкновенная печаль, безъ капли чувствительности“ (Брандесъ). Съ печальными, задумчивыми лицами, не только безъ злобы, съ любовью во взорахъ и всепрощеніемъ на устахъ, идутъ передъ читателемъ цѣлой вереницей, точно дантовскія тѣни, „жертвы позорнаго плѣна“,—эти „униженные и оскорбленные“, эти „труждающіеся и обремененные“, эти Кости, Павлуши, Калинычи, Касьяны, Сучки, Бирюки, Лукерьи, Арины и т. п. Ихъ рѣчи дѣйствительно „тоскливыя пѣсни“, онѣ „зовутъ и рыдаютъ и хватаютъ за сердце“; уныло грустные звуки этихъ рѣчей „болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около нашего сердца“. Да, поэзія Тургенева „печалью согрѣта“,—„святою печалью“ тѣхъ избранныхъ душъ“, въ которыхъ она, „какъ свѣча предъ иконою, ярко горитъ, пока догоритъ“. И точно Касьянъ съ Красивой Мечи, ходитъ писатель-человѣкъ среди людей „овцой безпредѣльной“, любви и правды ищетъ; но злоба и неправда царятъ среди его собратьевъ и не даютъ ему покоя, „воплемъ жалобнымъ и стономъ“ загубленныхъ жертвъ надрывая его любящую душу... И онъ уходитъ отъ нихъ въ свою нѣжную, страстную, всепрощающую любовь, въ свои задумчиво-восторженныя, грустью нѣжной обвѣянныя, поэтическія грезы. „Записки Охотника“ въ этомъ смыслѣ первый аккордъ „великой скорбной симфоніи“ Тургенева, и „юродивецъ“ Касьянъ, кажется, всего полнѣе выражаетъ эту первую стадію въ развитіи тургеневской меланхоліи.

Въ тѣсной связи съ лиризмомъ стоитъ и та особенность тургеневскаго творчества, которую Михайловскій опредѣляетъ словомъ „музыкальность“. „Это былъ,—говоритъ онъ,—талантъ (независимо, конечно, отъ другихъ его свойствъ), такъ сказать, музыкальный, а музыка, какъ извѣстно, вызываетъ неопредѣленныя, но хорошія, свѣтлыя волненія. Эта музыкальность таланта Тургенева должна была особенно проявиться въ мелкихъ вещахъ, гдѣ она не заслоняется для читателя возбужденіями умственнаго и нравственнаго характера. Любопытно, что въ передачѣ музыкальныхъ ощущеній Тургеневъ рѣшительно не имѣетъ соперниковъ: состязаніе „пѣвцовъ“ въ „Запискахъ Охотника“, игра Лемма въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, игра волшебной скрипки въ „Пѣсни торжествующей любви“—въ своемъ родѣ шедевры“.

Эта-то музыкальность и составляетъ существенный элементъ въ художественной композиціи отдѣльныхъ разсказовъ охот-

ника, сказываясь особенно сильно въ тѣхъ очеркахъ, которые наиболѣе насыщены авторскимъ лиризмомъ („Хорь и Калинычъ", „Пѣвцы", „Касьянъ съ Красивой Мечи" и т. п.). Каждый изъ этихъ очерковъ можно разсматривать какъ своего рода небольшую музыкальную пьесу: въ ней есть свое начало, свои основные мотивы и свои заключительные аккорды, а въ цѣломъ она оставляетъ въ читателѣ совершенно цѣльное и опредѣленное настроеніе. И не словами и разсужденіями достигаетъ этого разсказчикъ, нѣтъ, онъ извлекаетъ звуки изъ окружающей его дѣйствительности, и они сами несутся въ нашу душу, возбуждая въ ней соотвѣтствующія волненія.

Вспомните первый разсказъ Тургенева—„Хорь и Калинычъ"; онъ начинается указаніемъ на „рѣзкую разницу между породой людей въ Орловской губерніи и калужской породой" и обстоятельной характеристикой каждой изъ этихъ породъ. Вдумайтесь въ это начало, сравните ваши впечатлѣнія отъ каждой породы съ настроеніями, которыя вы переживаете въ теченіе разсказа отъ энергичнаго, положительнаго, практическаго Хоря, который обстроился, „расплодилъ большое семейство", „накопилъ деньжонку", и мечтательнаго, восторженнаго идеалиста-романтика Калиныча, который ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ,— и вы согласитесь, что лучшаго начала и придумать нельзя, что оно, точно увертюра въ оперѣ, точно предварительный ударъ геніальнаго артиста по клавишамъ, сразу создаетъ въ васъ извѣстное настроеніе, которое развивается и опредѣляется въ теченіе разсказа. А вотъ заключительный аккордъ: „Мы поѣхали; заря только что разгоралась. „Славная погода завтра будетъ", замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо. „Нѣтъ, дождь пойдетъ, — возразилъ мнѣ Калинычъ, — утки, вонъ, плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ".—Мы въѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ вполголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ да глядѣлъ на зарю"... Чувствуется, что авторъ ударяетъ по тѣмъ именно струнамъ вашего сердца, которыя вибрировали и звучали на протяженіи всего разсказа, и слагаются эти неровные и грустные звуки въ „пѣсню труда и терпѣнія":

Измучены нуждой, подавлены трудомъ,
Мы крестъ тяжелый свой безъ жалобы несемъ.
Ни края, ни конца, ни свѣта на пути!
Но мы должны впередъ хоть ощупью идти
Съ надеждой сладкою, съ желаніемъ въ груди
Зарю счастливыхъ дней увидѣть впереди!

(*„Въ пути" С. Д. Дрожжина.*)

Вмѣстѣ съ охотникомъ и ваше сердце бьется надежой на лучшее будущее для русскаго народа, чтобы не было этой несправедливой разницы породъ, чтобы всѣ „глядѣли весело и смѣло"; но порой оно какъ-то сжимается въ тревожномъ безпокойствѣ отъ набѣгающихъ тучъ, не заволокли бы онѣ только что загорѣвшейся зари просвѣщенной свободы, не лишили бы онѣ русскаго крестьянина свѣтлаго дня—свободной жизни.

Вотъ другой разсказъ—„Касьянъ съ Красивой Мечи". Онъ открывается печальной картиной похоронъ. Фонъ картины—безотрадно-сѣрая „скудная природа": „Мы ѣхали,—разсказываетъ И. С. Тургеневъ,—по широкой, распаханной равнинѣ; чрезвычайно пологими, волнообразными раскатами сбѣгали въ нее высокіе, тоже распаханные холмы... Узкія тропинки тянулись по полямъ, пропадали въ лощинкахъ, вились по пригоркамъ"... Надъ „*пустыннымъ* пространствомъ повисъ *душный зной* лѣтняго облачнаго дня"; „*мелкая бѣлая пыль* поднималась безпрестанно съ *выбитой* дороги изъ-подъ *разсохшихся и дребезжавшихъ* колесъ"... Охотникъ различилъ какой-то поѣздъ. „Это были похороны. Впереди, въ телѣгѣ, запряженной одной лошадкой, шагомъ ѣхалъ священникъ; дьячокъ сидѣлъ возлѣ него и правилъ: за телѣгой четыре мужика, съ обнаженными головами, несли гробъ, покрытый бѣлымъ полотномъ: двѣ бабы шли за гробомъ. Тонкій, жалобный голосокъ одной изъ нихъ вдругъ долетѣлъ до моего слуха. Я прислушался: она голосила. Уныло раздавался среди пустыхъ полей этотъ переливчатый, однообразный, безнадежно-скорбный напѣвъ...

Тихо свернувъ съ дороги на траву, потянулось мимо нашей телѣги печальное шествіе. Мы съ кучеромъ сняли шапки, раскланялись со священникомъ, переглянулись съ носильщиками. Они выступали съ трудомъ: высоко поднимались ихъ широкія груди. Изъ двухъ бабъ, шедшихъ за гробомъ, одна была очень стара и блѣдна: неподвижныя ея черты, жестоко искаженныя горестью, хранили выраженіе строгой, торжественной важности. Она шла молча, изрѣдка поднося худую руку къ тонкимъ, ввалившимся губамъ. У другой бабы, молодой женщины лѣтъ двадцати пяти, глаза были красны и влажны и все лицо опухло отъ плача: поровнявшись съ нами, она перестала голосить и закрылась рукавомъ... Но вотъ покойникъ миновалъ насъ, выбрался опять на дорогу и опять раздалось ея жалобное, надрывающее душу пѣніе".

Эта „жалобная, надрывающая душу" заплачка — развѣ не

является она лучшимъ запѣвомъ къ своеобразной пессимистической философіи Касьяна, по которой „въ людяхъ нѣтъ справедливости“, потому что всюду несутъ они съ собой смерть и разрушеніе: „пташекъ небесныхъ стрѣляютъ для потѣхи, кровь проливаютъ неповинную, рощу сводятъ — Богъ имъ судья!—смерти помогаютъ“... Точно такъ же и заключительная картина загорающейся оси, которую разъ шесть приходилось обливать на какихъ-нибудь десяти верстахъ, при чемъ втулка колеса шипѣла, — эта прозаическая картина не подводитъ ли итогъ вашимъ впечатлѣніямъ отъ пошлой, будничной, безпросвѣтно-мглистой, удушающей обыденности, которая мертвитъ все и всѣхъ, которая видитъ въ проповѣдникахъ высшей, истинной жизни на началахъ любви и справедливости только „глупыхъ людей“ и къ ихъ жалобамъ на людскую злобу и неправду относится, какъ къ болтовнѣ юродивца?..

Эти примѣры можно было бы увеличить цѣлымъ рядомъ другихъ, не менѣе краснорѣчиво иллюстрирующихъ изучаемую нами особенность тургеневскаго творчества, но довольно и ихъ, чтобы убѣдиться въ наличности ея въ „Запискахъ Охотника“.

Еще сильнѣе сказывается, еще выразительнѣе становится эта „музыкальность“ таланта Тургенева въ цѣломъ рядѣ описаній природы. „Я страстно люблю природу, особенно въ живыхъ ея проявленіяхъ“, признается Тургеневъ въ статьѣ о „Запискахъ ружейнаго охотника“ С. Аксакова. Ближе опредѣляя это чувство, въ его нормальномъ, такъ сказать, состояніи, какимъ оно должно быть, онъ указываетъ на то, что „эта любовь должна быть безкорыстна, какъ всякое истинное чувство: любите природу не въ силу того, что она значитъ въ отношеніи къ вамъ, человѣку, а въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога, и вы поймете ее“. Тургеневъ любилъ природу и понялъ ее. „Въ самой природѣ,—продолжаетъ онъ,—нѣтъ ничего ухищреннаго и мудренаго, она никогда ничѣмъ не щеголяетъ, не кокетничаетъ; въ самыхъ своихъ прихотяхъ она добродушна. Всѣ поэты съ истинными и сильными талантами не становились въ „позитуру“ предъ лицомъ природы; они не старались, какъ говорится, „подслушать, подсмотрѣть“ ея тайны; великими и простыми словами передавали они ея простоту и величіе; она не раздражала ихъ, она ихъ воспламеняла; но въ этомъ пламени не было ничего болѣзненнаго. Вспомните описанія Пушкина, Гоголя (къ нимъ присоединяетъ онъ Шекспира и Гомера)... Словомъ, описывая явленія природы, дѣло въ томъ, чтобы сказать

все, что можетъ придти вамъ въ голову, но такъ, чтобы ваше изображенiе было равносильно тому, что вы изображаете, и ни вамъ, ни намъ, слушателямъ, не останется больше ничего желать". Описанiя Тургенева именно таковы, и не даромъ Тэнъ называетъ его „однимъ изъ самыхъ совершенныхъ художниковъ, какими только обладалъ мiръ, послѣ художниковъ Грецiи": „несравненное изящество и вмѣстѣ рельефность рисунка" дѣлаютъ эти описанiя неподражаемыми. „Пейзажная живопись „Записокъ Охотника",—говоритъ Венгеровъ,—не знаетъ себѣ ничего равнаго въ нашей литературѣ. Изъ средне-русскаго, на первый взглядъ безцвѣтнаго, пейзажа Тургеневъ сумѣлъ извлечь самые задушевные тона, въ одно и то же время и меланхолическiе и сладко бодрящiе". „Способный отдаться (слова Арсеньева) всецѣло обаянiю природы, наслаждаться ею наивно и безотчетно, Тургеневъ умѣлъ смотрѣть на нее и глазами художника, анализирующаго впечатлѣнiя, подмѣчающаго отдѣльныя черты пейзажа, останавливающагося на томъ, чего не видитъ масса".

Но художественность тургеневскихъ описанiй не все и едва ли даже самое главное: въ нихъ слышится „живая душа". И у Тургенева, какъ у Пушкина, описанiя которагo онъ считаетъ образцовыми, „любовь къ природѣ тѣсно сплетается съ любовью къ жизни, и красота человѣка для него выше всякой иной красоты" (слова Мельшина о Пушкинѣ). Природа, взятая отдѣльно отъ человѣка, природа an sich представляется писателю чѣмъ-то желѣзнымъ и холоднымъ и вызываетъ въ немъ „благоговѣйный страхъ"; въ этомъ онъ самъ признается въ одномъ изъ своихъ „Senilia"—„Природа". „Мнѣ снилось,—разсказываетъ онъ,—что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный, ровный свѣтъ.

По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина—сама Природа, и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ—и, отдавъ почтительный поклонъ, „О, наша общая мать!—воскликнулъ я.—О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?"

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные

глаза. Губы ея шевельнулись, и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено... Надо его возстановить.

— Какъ?—пролепеталъ я въ отвѣтъ.—Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови:—Всѣ твари—мои дѣти,—промолвила она,—и я одинаково о нихъ забочусь и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро... разумъ... справедливость... — пролепеталъ я снова.

— Это человѣческія слова,—раздался желѣзный голосъ:—я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ—и что такое справедливость?.. Я тебѣ дала жизнь—я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты пока защищайся—и не мѣшай мнѣ!

Я хотѣлъ было возражать, но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула—и я проснулся".

И однако та же природа превращается въ „лазурное царство" подъ дѣйствіемъ животворящей силы любви, „блаженной любви". „О, лазурное царство! О, царство лазури, свѣта, молодости и счастья! Я видѣлъ тебя... во снѣ.

Насъ было нѣсколько человѣкъ на красивой, разубранной лодкѣ. Лебединой грудью вздымался бѣлый парусъ подъ рѣзвыми вымпелами.

Я не зналъ, кто были мои товарищи; но я всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что они были такъ же молоды, веселы и счастливы, какъ и я.

Да я и не замѣчалъ ихъ. Я видѣлъ кругомъ одно безбрежное лазурное море, все покрытое мелкой рябью золотыхъ чешуекъ, а надъ головою такое же безбрежное, такое же лазурное море, и по немъ, торжествуя и словно смѣясь, катилось ласковое солнце.

И между нами по временамъ поднимался смѣхъ, звонкій и радостный, какъ смѣхъ боговъ!

А не то вдругъ съ чьихъ-нибудь устъ слетали слова, стихи, исполненные дивной красоты и вдохновенной силы... казалось, самое небо звучало имъ въ отвѣтъ и кругомъ море сочувственно трепетало... А тамъ опять наступала блаженная тишина.

Слегка ныряя по мягкимъ волнамъ, плыла наша быстрая лодка. Не вѣтромъ двигалась она; ею правили наши собственныя, играющія сердца. Куда мы хотѣли, туда она и неслась, послушно, какъ живая.

Намъ попадались острова, волшебные, полупрозрачные острова съ отливами драгоцѣнныхъ камней, яхонтовъ и изумрудовъ. Упоительныя благовонія неслись съ округлыхъ береговъ; одни изъ этихъ островов осыпали насъ дождемъ бѣлыхъ розъ и ландышей: съ другихъ внезапно поднимались радужныя, длиннокрылыя птицы.

Птицы кружились надъ нами, ландыши и розы таяли въ жемчужной пѣнѣ, скользившей вдоль гладкихъ боковъ нашей лодки.

Вмѣстѣ съ цвѣтами, съ птицами прилетали сладкіе звуки... Женскіе голоса чудились въ нихъ... И все вокругъ: небо, море, колыханіе паруса въ вышинѣ, журчаніе струи за кормою—все говорило о любви, о блаженной любви!

И та, которую каждый изъ насъ любилъ—она была тутъ... невидимо и близко. Еще мгновеніе—и вотъ засіяютъ ея глаза, расцвѣтетъ ея улыбка... Ея рука возьметъ твою руку и увлечетъ тебя за собою въ неувядаемый рай!

О лазурное царство! я видѣлъ тебя во снѣ“.

Прошли тысячелѣтія, не стало человѣка, этой „козявки-двуножки“; и жизнь замираетъ въ этомъ „лазурномъ царствѣ“; и нѣтъ больше лазури, молодости и счастья, нѣтъ ласки, тепла и привѣта:

„— А теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау спустя другія тысячи лѣтъ—одну минуту.

— Теперь хорошо,—отвѣчаетъ Финстерааргорнъ:—опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь. Вездѣ нашъ снѣгъ и ледъ. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо,—промолвила Юнгфрау.—Однако довольно мы съ тобой поболтали, старикъ. Пора вздремнуть.

— Пора.

Спятъ громадныя торы; спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей“.

Вспомнимъ кстати слова Шубина: „Сколько ты (онъ обращается къ Берсеневу) ни стучись природѣ въ дверь, не отзовется она понятнымъ словомъ, потому что она нѣмая. Живая душа—та отзовется“... Человѣкъ „влагаетъ въ нее, въ нѣмую языкъ“, и она „вторитъ его гимну, радуется и поетъ“ вмѣстѣ съ нимъ или грустить и плачетъ... И у Тургенева природа живетъ не

только сама по себѣ, она живетъ думами и волненіями человѣка; потому-то и мѣняется она у него, точно музыкальный аккомпаниментъ, въ соотвѣтствіи съ той или другой мелодіей души человѣческой.

Въ этомъ смыслѣ Тургеневъ геніальный ученикъ пѣвца „Слова о полку Игоревѣ“. Въ „Словѣ“ природа является „живымъ, одушевленнымъ лицомъ; она за одно съ поэтомъ; она полна сочувствія къ человѣку; она раздѣляетъ всѣ его волненія и особенно горе; она угрожаетъ предвѣстіями, она откликается и на радость. Вся явленія природы здѣсь—разныя чувства одной и той же души, струны одного оргáна, члены одного тѣла“ (Шевыревъ). Но „въ Тургеневѣ,—говоритъ Анненковъ,—чувство природы врожденное неподдѣльное, независимое отъ чужого примѣра или отъ литературныхъ требованій,—потому и выражается оригинально“; понятно, что ученикъ идетъ гораздо далѣе своего учителя. Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ устанавливаетъ лишь самый фактъ взаимодѣйствія между міромъ физическихъ явленій и внутреннимъ міромъ души человѣческой, при чемъ это взаимодѣйствіе въ наивномъ міросозерцаніи пѣвца получаетъ нерѣдко характеръ таинственной связи, дѣйствія высшихъ божественныхъ силъ скрывающихся за видимыми стихіями (таковы, напр., картины солнечнаго затменія, ночи и др.); Тургеневъ же въ цѣломъ рядѣ художественныхъ описаній природы, въ которыя, какъ въ великолѣпныя рамы, вставлены картины человѣческой жизни, даетъ объясненіе того, откуда эта связь между матеріальнымъ и духовнымъ, какими естественными отношеніями держалось и будетъ держаться это—для слабой, боязливой и неясной мысли некультурныхъ людей таинственное—общеніе. И то, что у пѣвца „Слова“ яввляется нерѣдко съ характеромъ миѳическаго вѣрованія, у Тургенева получаетъ свое опредѣленное мѣсто, здравый смыслъ и нормальное значеніе, какъ выраженіе совершенно законной и притомъ постоянной связи между человѣкомъ и природой. „Человѣкъ не можетъ не принимать природы,—говоритъ онъ въ цитированной выше статьѣ о книгѣ Аксакова, онъ связанъ съ ней тысячью неразрывныхъ нитей: онъ сынъ ея“. Первобытный человѣкъ воображаетъ и чувствуетъ природу, какъ цѣлое божественныхъ стихійныхъ силъ, которыя онъ боготворитъ или которыхъ онъ, по крайней мѣрѣ, боится, хотя бы и не отдавая себѣ отчета въ основаніяхъ этой боязни. Это непосредственно-наивное отношеніе къ природѣ не чуждо и человѣку культурному, но какъ явленіе рѣдкое, исключительное, пожалуй болѣзненное

(см. ниже). Между тѣмъ и человѣку простому и людямъ образованнымъ свойственны иныя нормальныя, здоровыя, такъ сказать, отношенія къ природѣ, поскольку каждый изъ насъ „связанъ съ ней тысячью неразрывныхъ нитей“, безконечныхъ рядовъ образовъ и волненій, для которыхъ она, природа, является неизсякаемымъ источникомъ. Въ этомъ смыслѣ не только поэтъ, но и каждый человѣкъ, въ большей или меньшей степени, эхо немолчно звучащей природы, и стоитъ только поставить рядомъ двѣ-три народныхъ русскихъ пѣсни и какое-либо изъ лирическихъ стихотвореній Пушкина или Лермонтова, чтобы понять, что природа находитъ себѣ откликъ въ каждомъ изъ насъ. Тургеневъ мастерски изображаетъ эти безконечно-разнообразныя созвучія, извлеченныя душой человѣческой изъ міра физическихъ явленій. Своей чуткой душой онъ умѣетъ прислушиваться къ тончайшимъ переливамъ, къ неуловимымъ нюансамъ великой гармоніи звуковъ въ природѣ, какъ они воспринимаются отдѣльной человѣческой личностью, и съ неподражаемымъ искусствомъ передаетъ эту музыку настроеній, индивидуализируя ее соотвѣтственно полу, возрасту, положенію и другимъ особенностямъ лица изображаемаго.

Вотъ примѣры.

Нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ бесѣдуютъ у костра („Бѣжинъ лугъ“). „Бесѣда эта,—говоритъ Стоюнинъ,—показываетъ, какъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ устанавливаются ложныя отношенія человѣка къ природѣ, отношенія, переданныя прадѣдами, которые въ свой чередъ приняли ихъ еще въ дѣтствѣ отъ старины, и ничто въ этихъ вѣрованіяхъ не измѣнилось, потому что не измѣнились ни природа, возбудившая ихъ своими таинственными силами, ни человѣкъ, оставшійся при томъ же маломъ развитіи“. Предшествующее этой бесѣдѣ изображеніе блужданій охотника въ „*неизвѣстныхъ* мѣстахъ“, когда „*ночь* приближалась и росла, какъ грозовая туча“,—есть въ высшей степени глубоко задуманный и тонко выполненный художественно-психологическій очеркъ происхожденія той самой вѣры въ таинственное, которая проходитъ чрезъ всѣ разсказы и дѣйствія мальчиковъ. Охотникъ—человѣкъ образованный, и однако, находясь въ состояніи полной неизвѣстности и упадка активности до крайняго minimum'а, онъ переживаетъ цѣлый рядъ эмоцій, близкихъ къ тѣмъ, которыми возбуждается народная фантазія къ созданію всякихъ сверхъестественныхъ существъ. „Если мы вникнемъ (слова Стоюнина), какую сторону природы старался

онъ (Тургеневъ) представить, то увидимъ, что на первый планъ здѣсь выступаетъ все чарующее, располагающее къ нѣгѣ, все таинственное, сильно дѣйствующее на воображеніе неразвитаго человѣка". Но Тургеневъ не ограничивается изображеніями природы подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, предъ нами живой человѣкъ, на которомъ мы и слѣдимъ процессъ зарожденія и постепеннаго развитія вѣры въ таинственное. Начальный моментъ этого процесса—невѣдѣніе („увидалъ... *неизвѣстныя* мѣста), которое въ свою очередь выражается въ недоумѣніи, т.-е въ нѣкоторомъ безсиліи ума проанализировать и выразумѣть данную совокупность фактическихъ подробностей и перевести ихъ въ болѣе или менѣе ясное логическое построеніе, которымъ и направляется дѣятельность воли; вотъ почему „недоумѣніе" и ведетъ къ пріостановкѣ или временной задержкѣ волевыхъ отправленій: „я *остановился* въ *недоумѣніи*". Не освѣщенная свѣтомъ сознательной мысли и потому какъ бы растерявшаяся, воля мало проявляетъ энергіи и слабо реагируетъ на впечатлѣнія окружающей дѣйствительности, которая виснетъ на человѣкѣ въ такомъ состояніи всею тяжестью неизвѣданныхъ ощущеній, неясныхъ, но сильныхъ эмоцій: „...я... проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила *непріятная*, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней *было какъ-то жутко*". Чувство страха, само рожденное невѣдѣніемъ и вмѣстѣ упадкомъ энергіи, понижаетъ еще болѣе уровень сознательно-активной психической жизни, и отношеніе человѣка къ дѣйствительности мало-по-малу приближается къ той роковой грани, за которой утрачивается разница между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что создается фантазіей, между фактомъ и крылатой мечтой. „*Летучія мыши* уже носились надъ его (осинника) заснувшими верхушками, *таинственно* кружась и дрожа на *смутно-ясномъ* небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо... *Ночь приближалась и росла*, какъ грозовая туча; *казалось*, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже *съ вышины лилась темнота*... Все кругомъ быстро *чернѣло* и утихало... Поле *неясно* бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, *вздымался угрюмый мракъ. Глухо* отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ... Я... очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. *Странное чувство* тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими

боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней,—*казалось, они сползли туда для тайнаго совѣщанія,* и до того въ ней было *глухо и нѣмо,* такъ плоско, такъ *уныло* висѣло надъ нею небо, что *сердце у меня сжалось*".

Предъ нами по истинѣ изумительная, художественно-психологическая картина происхожденія народныхъ вѣрованій, при взглядѣ на которую невольно вспоминается другой геніальный поэтическій отвѣтъ по тому же вопросу—Пушкина въ его стихотвореніи „Бѣсы". Намъ понятно теперь это темное царство лѣшихъ, русалокъ, домовыхъ и т. п. порожденій дѣтской фантазіи „темнаго" человѣка, если даже и образованный человѣкъ, въ состояніи неизвѣстности, нерѣдко теряется и, вслѣдствіе упадка сознательно-активной жизни, поддается дѣйствію „безсознательнаго", таинственнаго... Могущественнаго человѣкъ инстинктивно боится, если его не знаетъ, оно неизбѣжно страшно, если темно...

Но... „мракъ боролся со свѣтомъ", говоритъ Тургеневъ, и едва ли можно лучше символизировать духовную жизнь мальчиковъ изъ того подрастающаго поколѣнія, которому суждено бывбо увидѣть "зарю просвѣщенной свободы": „...Вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. *Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко* стояло надъ нами со всѣмъ своимъ *таинсшвеннымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь,* вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни *огоньки тихонько потрескивали*".

Можно ли лучше изобразить это таинственное рожденіе въ жизнь свободную и разумную, которое любовно созерцаетъ въ крестьянскихъ мальчикахъ, умиленно слышитъ въ этихъ „звонкихъ дѣтскихъ голосахъ" авторъ, провозвѣстникъ и защитникъ любви, разума и свободы.

Весь разсказъ звучитъ, не переставая, какой-то своеобразной музыкой дѣтскихъ настроеній, точно природа ударяетъ по струнамъ дѣтскихъ сердецъ, и они, эти нѣжныя, чуткія сердечки, колеблются и звучатъ въ отвѣтъ разнообразными аккордами... Чтобы пережить эту музыку настроеній, надо было бы выписать весь разсказъ; я ограничусь мѣстами наиболѣе музыкальными.

„...Всѣ смолкли. Вдругъ гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся, наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься,—и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго-долго прокричалъ подъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила!—шепнулъ Илья.

...Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ, откуда ни возьмись, бѣлый голубокъ,—налетѣлъ прямо на это отраженіе, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами...

— А что, Павлуша,—промолвилъ Костя,—не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь...

... Всѣ мальчики засмѣялись и опять притихли на мгновеніе, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли... Странный рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... „Что это?“

... Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки,—раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся

на кулачокъ и медленно поднялъ свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня,—ласково заговорилъ Ѳедя:—что твоя сестра Анюточка, здорова?

— Здорова,—отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю.

... Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимъ холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана—полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ".

Здѣсь, какъ и у Некрасова въ его „Крестьянскихъ дѣтяхъ", „все, все настоящее русское было"... И „сердце волнуется думой любимой"...; авторъ и читатель съ надеждою привѣтствуютъ свободу:

Вынесъ достаточно русскій народъ...
Вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ!
Вынесетъ все,—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ

сквозь вѣками скоплявшуюся тьму суевѣрій и предразсудковъ.

Играйте же дѣти! Растите на волѣ.

Приведемъ еще примѣръ—разсказъ „Свиданіе".

Есть у Тургенева „Пѣснь торжествующей любви"; „Свиданіе"—пѣснь умирающей любви. Героиня разсказа—молодая кре-

стьянская дѣвушка, Акулина. „Мнѣ,—говоритъ о ней авторъ,— особенно нравилось выраженіе ея лица: такъ оно было просто и кротко, такъ грустно и такъ полно дѣтскаго недоумѣнія передъ собственной грустью“. А „онъ—избалованный камердинеръ молодого богатаго барина, Викторъ“. „Es ist eine alte Geschichte“: „ему была не новость смиренной дѣвочки любовь“, и, натѣшившись ею, онъ бросаетъ дѣвушку. Радость и счастье первой „невинной любви“ блекнутъ, точно тѣ „голубенькіе васильки“, которые нарвала Акулина, чтобы отдать ему на память о своей любви... Дѣвушка идетъ на послѣднее свиданіе. Безъ борьбы, покорно замираетъ въ ней ея глубокое и сильное чувство. Оно еще не умерло; все еще вѣритъ Акулина,—наивное, милое дитя,— что скажетъ онъ ей, „горемычной сиротинушкѣ“, „доброе словечко на прощанье“... Это трепетаніе подстрѣленной, но еще живущей „лани“, эти томительные перебои раненаго, но еще бьющагося сердца Тургеневъ изображаетъ на фонѣ замирающей осенней („около половины сентября“) природы. „Съ самаго утра,— говоритъ онъ,—перепадалъ мелкій дождикъ, смѣняемый по временамъ теплымъ солнечнымъ сіяніемъ; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми, бѣлыми облаками, то вдругъ мѣстами расчищалось на мгновенье, и тогда изъ-за раздвинутыхъ тучъ показывалась лазурь ясная и ласковая, какъ прекрасный глазъ. Я сидѣлъ, и глядѣлъ кругомъ, и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дождя, безпрестанно измѣнялась, смотря по тому, свѣтило ли солнце или закрывалось облакомъ; она то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка, лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то вдругъ опять кругомъ все слегка синѣло; яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, безъ блеску, бѣлыя, какъ только что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играю-

щій лучъ зимняго соднца; и украдкой, лукаво, начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла; лишь кое-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосокъ синицы. Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я съ своей собакой прошелъ черезъ высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину—съ ея блѣдно-лиловымъ стволомъ и сѣро-зеленой металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ, неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, или когда, въ ясный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще я не люблю этого дерева“.

Появляется дѣвушка, и, точно любящая, но убитая горемъ мать для страстно любимаго больного дитяти сквозь слезы смѣется, осенняя природа мѣняетъ свою физіономію, ласковымъ свѣтомъ и радостнымъ шумомъ встрѣчая эту „дочь природы“. „Вся внутренность лѣса была наполнена солнцемъ, и во всѣ направленья, сквозь радостно шумѣвшую листву, сквозило и какъ бы искрилось ярко-голубое небо: облака скрылись, разогнанныя взыгравшимъ вѣтромъ; погода расчистилась, и въ воздухѣ чувствовалась та особенная, сухая свѣжесть, которая, наполняя сердце какимъ-то бодрымъ ощущеньемъ, почти всегда предсказываетъ мирный и ясный вечеръ послѣ ненастнаго дня...

... Вдругъ глаза мои остановились на неподвижномъ человѣческомъ образѣ. Я оглядѣлся: то была молодая крестьянская дѣвушка. Она сидѣла въ двадцати шагахъ отъ меня, задумчиво потупивъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни; на одной изъ нихъ, до половины раскрытой, лежалъ густой пучокъ полевыхъ

цвѣтовъ и при каждомъ ея дыханіи тихо скользилъ на клѣтчатую юбку. Чистая бѣлая рубаха, застегнутая у горла и кистей ложилась короткими, мягкими складками около ея стана, крупныя желтыя бусы въ два ряда спускались съ шеи на грудь. Она была очень недурна собою. Густые бѣлокурые волосы прекраснаго пепельнаго цвѣта расходились двумя тщательно причесанными полукругами изъ-подъ узкой, алой повязки, надвинутой почти на самый лобъ, бѣлый, какъ слоновая кость; остальная часть ея лица едва загорѣла тѣмъ золотымъ загаромъ, который принимаетъ одна тонкая кожа. Я не могъ видѣть ея глазъ—она ихъ не поднимала, но я видѣлъ ея тонкія, высокія брови, ея длинныя рѣсницы: онѣ были влажны, и на одной изъ ея щекъ блисталъ на солнцѣ высохшій слѣдъ слезы, остановавшейся у самыхъ губъ, слегка поблѣднѣвшихъ. Вся ея головка была очень мила: даже немного толстый и круглый носъ ее не портилъ... Она видимо ждала кого-то".

„Свиданіе" не оправдало наивныхъ ожиданій неопытной дѣвушки. Викторъ, съ „презрительнымъ и скучающимъ выраженіемъ" на „румяномъ, свѣжемъ, нахальномъ" лицѣ, „безпрестанно щурилъ свои, и безъ того крошечные, молочно сѣрые глазки, морщился, опускалъ углы губъ, принужденно зѣвалъ и съ небрежной, хотя не совсѣмъ ловкой развязностью то поправлялъ рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипалъ желтые волосики, торчащіе на толстой верхней губѣ,—словомъ, ломался нестерпимо". Акулина проситъ не забывать ее. „Ужъ, кажется, я на что васъ любила, все, кажется, для васъ..." и въ отвѣтъ получаетъ жестокое наставленіе „не дурачиться", „слушаться отца"... Акулина предлагаетъ любимому человѣку на память о своей любви небольшой пучокъ голубенькихъ васильковъ, перевязанныхъ тоненькой травкой: „Это я для васъ, хотите?" „Викторъ лѣниво протянулъ руку, взялъ, небрежно понюхалъ цвѣты и началъ вертѣть ихъ въ пальцахъ, съ задумчивою важностью посматривая вверхъ. Акулина глядѣла на него... Въ ея грустномъ взорѣ было столько нѣжной преданности, благоговѣйной покорности и любви. Она и боялась-то его, и не смѣла плакать, и прощалась съ нимъ, и любовалась имъ въ послѣдній разъ, а онъ лежалъ, развалясь, какъ султанъ, и съ великодушнымъ терпѣньемъ и снисходительностью сносилъ ея обожанье. Я, признаюсь, съ негодованіемъ разсматривалъ его красное лицо, на которомъ сквозь притворно-презрительное равнодушіе проглядывало удовлетворенное, пресыщенное самолюбіе. Акулина

была такъ хороша въ это мгновеніе: вся душа ея довѣрчиво, страстно раскрывалась передъ нимъ, тянулась, ластилась къ нему, а онъ... онъ уронилъ васильки на траву, досталъ изъ бокового кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ".

Бѣдная дѣвушка проситъ, какъ милости, „хоть бы словечка на прощанье" и слышитъ грубо-циническія разсужденія: „... Ты глупа... Чего ты хочешь? Вѣдь я на тебѣ жениться не могу? вѣдь не могу? Ну, такъ чего жъ ты хочешь? чего? (Онъ уткнулся лицомъ, какъ бы ожидая отвѣта, и растопырилъ пальцы.)

— Я ничего... ничего не хочу,—отвѣчала она, заикаясь и едва осмѣливаясь простирать къ нему трепещущія руки,—а такъ, хоть бы словечко, на прощанье...

И слезы полились у ней ручьемъ.

— Ну, такъ и есть, пошла плакать,—хладнокровно промолвилъ Викторъ, надвигая сзади картузъ на глаза.

— Я ничего не хочу,—продолжала она, всхлипывая и закрывъ лицо обѣими руками.—Но каково же мнѣ теперь въ семьѣ, каково же мнѣ? И что же со мной будетъ, что станется со мной, горемычной? За немилаго выдадутъ сиротиночку... Бѣдная моя головушка!

— Припѣвай, припѣвай,—вполголоса пробормоталъ Викторъ, переминаясь на мѣстѣ.

— А онъ хоть бы словечко, хоть бы одно... Дескать, Акулина, дескать я... Внезапныя, надрывающія грудь рыданія не дали ей докончить рѣчи—она повалилась лицомъ на траву и горько, горько заплакала...—Все ея тѣло судорожно волновалось, затылокъ такъ и поднимался у ней... Долго сдержанное горе хлынуло, наконецъ, потокомъ. Викторъ постоялъ надъ нею, пожалъ плечами, повернулся и ушелъ большими шагами.

Прошло нѣсколько мгновеній... Она притихла, подняла голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками; хотѣла было бѣжать за нимъ, но ноги у ней подкосились—она упала на колѣни"...

„Alles ist todt", вспоминаются слова Лемма въ „Дворянскомъ гнѣздѣ", и похоронный реквіемъ слышится въ этомъ описаніи природы, оканчивающемъ разсказъ: „Солнце стояло низко на блѣдно-ясномъ небѣ, лучи его тоже какъ будто поблекли и похолодѣли: они не сіяли, они разливались ровнымъ, почти водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса, а заря едва-едва зажигалась. Порывистый вѣтеръ мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье; торопливо вздымаясь

передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканьемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломинкахъ, всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я остановился... Мнѣ стало грустно; сквозь веселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ, повернулъ голову, посмотрѣлъ на меня сбоку, взмылъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ"...

Эти примѣры могли бы быть увеличены другими,—таковы, напримѣръ, описанія природы въ разсказахъ: „Живыя мощи", „Бирюкъ", „Касьянъ съ Красивой Мечи" и др.; но довольно и ихъ. Такъ, подъ обаяніемъ дивной творческой кисти художника поэта, „нѣмая природа" говоритъ, и—такова сила очарованія!—мы начинаемъ вѣрить, что

...... природа
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Характеристика творчества Тургенева была бы не полна, если бы мы не отмѣтили еще одну весьма важную и характерную особенность его художественнаго дарованія. На немъ оправдывается наблюденіе Гоголя, что „кто льетъ часто душевныя глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ". Горячая любовь писателя къ человѣку и задушевная грусть надъ его несовершенствами и несчастіями не заволакивали отъ него пошлой стороны жизни; не даромъ въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ не было, по свидѣтельству Анненкова, „ни малѣйшихъ признаковъ фальши"; наоборотъ, „искреннее чувство, внутренняя правда мысли и ощущенія" неизмѣнно отличаютъ все, что имъ написано. И тамъ, гдѣ не было мѣста святой любви и дѣвственной печали, въ толпѣ „существователей" (Гоголь), „кожаныхъ чемодановъ съ сухимъ сѣномъ" (Тургеневъ), писатель смѣялся... „Ко всѣмъ качествамъ изобрѣтательности, наблюдательности и вдумчивости въ явленія Тургеневъ присоединялъ еще въ значительной долѣ ѣдкое остроуміе и эпиграмматическія способности", при чемъ его „эпиграмматическія замѣтки имѣли пошибъ народныхъ поговорокъ" (Анненковъ).

Эти „эпиграмматическія способности" и „ѣдкое остроуміе"

нашли себѣ примѣненіе и въ „Запискахъ Охотника“; писателю было надъ кѣмъ посмѣяться, и онъ смѣется, въ цѣломъ рядѣ остроумно-ѣдкихъ характеристикъ, надъ Полутыкиными, Пѣночкиными, Лосняковыми, Хвалынскими, Стегуновыми и т. п. Смѣхъ у Тургенева—свой, чисто тургеневскій. Писатель умѣетъ пригвоздить пошлаго человѣка къ позорному столбу, выставить его „на всенародныя очи“, умѣетъ, выражаясь словами нашего несравненнаго обличителя пошлости, „всякую мерзость нашу лишить картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которой (до тѣхъ поръ) выѣзжала козыремъ, и поставить рядомъ съ тою гадостью, которая всѣмъ видна“, притомъ самъ оставаясь въ сторонѣ, не навязывая читателю своихъ сужденій. Точно взялъ Тургеневъ русскаго читателя да и пошелъ съ нимъ въ ту громадную галлерею, которая называется „русскимъ обществомъ“. Читатель, какъ ни станетъ, куда ни поглядитъ, не видитъ никого и ничего такого, надъ кѣмъ и надъ чѣмъ можно было бы смѣяться: все свои, обыкновенные люди, а есть даже и „рыцари“ въ родѣ Пѣночкиныхъ. Но вотъ писатель возьметъ да и повернетъ какого-нибудь „рыцаря“ по-своему, скажетъ и читателю, какъ стать ему, чтобы виднѣе было, и вдругъ „рыцарь“ станетъ „кожанымъ чемоданомъ съ сухимъ сѣномъ“; изумленный читатель идетъ къ другому, къ третьему, и не видитъ людей, куда ни посмотритъ: „все либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанныя“. И смѣется онъ надъ тѣми, надъ кѣмъ прежде и не подумалъ бы смѣяться, не по себѣ ему дѣлается среди этихъ „существователей“, и сторонится онъ ихъ; въ какой-то необъяснимой тревогѣ бросаетъ онъ взоръ и на самого себя и съ грустью убѣждается, что „надъ собой смѣется“, потому что и въ немъ много „существовательскаго“, да только не замѣчалъ онъ его до сихъ поръ.

Вотъ, для примѣра, г. Полутыкинъ („Хорь и Калинычъ“), „страстный охотникъ и, слѣд., отличный человѣкъ“. „Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, напримѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, несмотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никого не смѣшилъ; хвалилъ

сочиненія Акима Нахимова и повѣсть „Пинну“ заикался; называлъ свою собаку Астрономомъ; вмѣсто однако говорилъ одначе и завелъ у себя въ домѣ французскую кухню, тайна которой, по понятіямъ его повара, состояла въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба—грибами, макароны—горохомъ; зато ни одна морковка не попадала въ супъ, не принявъ вида ромба или трапеціи. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкинъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ“.

Вы видите при такомъ освѣщеніи, что г. Полутыкинъ весь составленъ изъ „немногихъ и незначительныхъ недостатковъ“, что въ немъ ни одного положительнаго качества; это ли не „отличный человѣкъ“?

Эта сатира „Записокъ Охотника“,—на которую до сихъ поръ, кажется, мало обращалось вниманія, такъ какъ ее заслоняли картины и типы дореформенной крестьянской жизни,—составляетъ весьма важный элементъ того сильнаго вліянія, которое пережило русское общество отъ разсказовъ Тургенева: оно научилось любить безправныхъ „людей“ и, разглядѣвши и понявши „господъ“, перестало уважать ихъ... Писатель въ самомъ основаніи рушилъ крѣпостническій строй: доказывая право „людей“ на свободную и разумную жизнь, онъ отрицалъ право владѣть людьми за „господами“, которые даже не могли называться людьми, потому что не были ими.

Наконецъ, необходимо отмѣтить достоинства языка „Записокъ Охотника“. „Тургеневъ—первый русскій стилистъ“, говоритъ о немъ Венгеровъ. Русскому языку посвящено послѣднее „стихотвореніе въ прозѣ“. „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—говоритъ Тургеневъ,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ Въ устахъ Тургенева этотъ „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“ дѣйствительно „получилъ самое благородное и изящное выраженіе“ (Венгеровъ). Мельхіоръ де Вогюэ даетъ слѣдующую выразительную характеристику Тургеневской рѣчи. „Рѣчь Тургенева льется плавно и роскошно, подобно тому какъ стелется скатертью подъ сѣнью дремучихъ лѣсовъ, тихо и задумчиво, гармонично шумя въ прибрежныхъ камышахъ и распро-

страняя вокругъ свои неуловимые ароматы, могучая русская рѣка, вынося на своей поверхности полевые цвѣты и оторванныя гнѣзда, отражая въ себѣ безконечные ландшафты небесъ и луговъ и вдругъ теряясь въ сумракѣ лѣсныхъ тѣней; все находитъ себѣ отраженіе въ этой рѣчи: и жужжанье пролетѣвшей пчелки, и ночной крикъ лѣсной птицы, и случайно подувшій и замершій, ласкающій вѣтерокъ. При помощи неисчерпаемыхъ средствъ русскаго языка, путемъ мѣткихъ эпитетовъ, своеобразнѣйшихъ сочетаній словъ, какія только можетъ выдумать фантазія поэта, и ловкихъ народныхъ звукоподражательныхъ обозначеній, автору удается воспроизводить самые неуловимые аккорды изъ необъятнаго регистра природы".—„Высокія и свѣтлыя творенія" писателя заставили не только русскихъ людей, но и невѣрившихъ дотолѣ или сомнѣвающихся иностранцевъ повѣрить „въ русскую силу", „въ русской души красоту".

ГЛАВА III.

„Старая Русь“.

„Рабы и господа“—такъ коротко можно формулировать содержаніе „Записокъ Охотника“,—этой „скорбной эпопеи русской жизни“.

I.

„Господа“.

„Мы рабы, потому что мы господа“.
А. Герценъ.

Начнемъ съ господъ. Оговоримся прежде всего словами Ор. Миллера, что „Тургеневъ далекъ былъ отъ того, чтобы выставлять помѣщиковъ исключительно со стороны ихъ отношеній къ крестьянамъ и исключительно въ невыгодномъ свѣтѣ... При такой способности Тургенева подмѣчать и выказывать человѣческія черты и въ самыхъ помѣщикахъ, его „Записки Охотника“ не могли представляться направленными съ огульной враждой противъ нихъ и указывающими только на тѣ стороны общественнаго ихъ положенія, которыми, неизбѣжнымъ образомъ, искажались и самыя сочувственныя между ними натуры“. Помѣщики „Записокъ Охотника“, какъ и герои „Мертвыхъ душъ“, вовсе не злодѣи; и въ этой „эпопеѣ“, какъ и въ поэмѣ Гоголя, „пошлость всего вмѣстѣ пугаетъ читателя, одинъ за другимъ слѣдуютъ герои одинъ пошлѣе другого, нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю и по прочтеніи всей книги“ (въ той ея части, гдѣ даются

портреты помѣщиковъ и картины ихъ жизни) дѣйствительно „кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ".

„Меня поражало уже то, говоритъ Тургеневъ о Радиловѣ, что я не могъ въ немъ открыть страсти ни къ ѣдѣ, ни къ вину, ни къ охотѣ, ни къ курскимъ соловьямъ, ни къ голубямъ, страдающимъ падучей болѣзнью, ни къ русской литературѣ, ни къ иноходцамъ, ни къ венгеркамъ, ни къ карточной и бильярдной игрѣ, ни къ танцовальнымъ вечерамъ, ни къ поѣздкамъ въ губернскіе и столичные города, ни къ бумажнымъ фабрикамъ и свекло-сахарнымъ заводамъ, ни къ раскрашеннымъ бесѣдкамъ, ни къ чаю, ни къ доведеннымъ до разврата пристяжнымъ, ни даже къ толстымъ кучерамъ, подпоясаннымъ подъ самыми мышками, къ тѣмъ великолѣпнымъ кучерамъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, отъ каждаго движенія шеи глаза косятся и лѣзутъ вонъ... „Что-жъ это за помѣщикъ, наконецъ!" думалъ я".

Вотъ характеристика русскаго помѣщика 40-хъ годовъ XIX в., которая при всей видимой мягкости тона, доходящей даже до благодушнаго юмора, если глубже въ нее вдуматься, ставитъ крестъ надъ русскими помѣщиками,—и не надъ отдѣльными лицами, а надъ самымъ укладомъ помѣщичьей жизни. Жить для ѣды, вина, охоты, иноходцевъ, венгерокъ, карточной и бильярдной игры, пристяжныхъ, раскрашенныхъ бесѣдокъ, чая и т. д.—развѣ это жизнь? Развѣ имѣютъ такіе люди нравственное, человѣческое право жить? Развѣ такіе помѣщики принимаютъ участіе въ трудной государственной работѣ? и не есть ли эта ихъ грубо-эгоистическая жизнь—непререкаемый обвинительный вердиктъ противъ тѣхъ, которымъ „половина огромнаго народонаселенія, сильнаго мышцами и умомъ, была отдана въ рабство"? Помѣщики „Записокъ Охотника" это—и люди плохіе, дрянненькіе, натуры изжившіяся, и члены государства своей безполезностью вредные ему,—такое впечатлѣніе выносишь изъ обозрѣнія длиннаго ряда лицъ и фактовъ „помѣщичьей крѣпостной полосы" русской жизни. Да, Тургеневъ глубоко проникъ въ русскую крѣпостническую дѣйствительность и поставилъ надъ нею правильный діагнозъ; онъ поразилъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ въ самое больное мѣсто, такъ какъ доказалъ, что они не живутъ (въ смыслѣ разумнаго существованія), а потому и не имѣютъ права жить такъ, какъ доселѣ жили. Въ томъ же разсказѣ, въ началѣ его, Тургеневъ говоритъ о старыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, „дворянскихъ гнѣздахъ", которыя „понемногу исчезали съ лица земли; дома

сгнивали или продавались на своз, каменныя службы превращались въ груды развалинъ, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреблялись. Однѣ липы попрежнему росли себѣ на славу, и теперь, окруженныя распаханными полями, гласятъ нашему вѣтреному племени о „прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ"...

Такимъ то разоренным (не только экономически, но и—это самое главное—нравственно), сгнившимъ, разваливающимся, вымирающимъ представляется провинціальное дворянство въ „Запискахъ Охотника". Вѣками возводившееся зданіе крѣпостного права,—этого „клейма домашняго позора" (И. С. Аксаковъ),—само готово рухнуть, потому что и устои его сгнили, и скрѣпы порвались, и владѣльцы о немъ не заботятся, стараясь каждый только о томъ, какъ бы устроиться въ немъ поудобнѣе... Въ „Запискахъ Охотника", какъ и въ „Мертвыхъ душахъ", русскому помѣщику, выражаясь словами Гоголя, была „показана жизнь" его: „всякая мерзость была лишена картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которой (до тѣхъ поръ) выѣзжала козыремъ, и поставлена рядомъ съ тою гадостью, которая видна всѣмъ".

Впечатлѣніе подавляющей, безысходной „пошлости" производитъ это провинціальное дворянство, взятое Тургеневымъ, такъ сказать, en masse, въ разсказѣ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда". Въ одну изъ своихъ поѣздокъ, авторъ получилъ приглашеніе отобѣдать у богатаго помѣщика и охотника, Ал—ра Мих—ча Г. Пріѣхавши за часъ до обѣда, онъ „засталъ уже великое множество дворянъ въ мундирахъ, партикулярныхъ платьяхъ и другихъ менѣе опредѣлительныхъ одеждахъ... Почти всѣ гости были мнѣ совершенно незнакомы: человѣкъ двадцать уже сидѣло за карточными столами. Въ числѣ этихъ любителей преферанса было два военныхъ съ благородными, но слегка изношенными лицами, нѣсколько штатскихъ особъ, въ тѣсныхъ, высокихъ галстукахъ и съ висячими, крашеными усами, какіе только бываютъ у людей рѣшительныхъ, но благонамѣренныхъ (эти благонамѣренные люди съ важностью подбирали карты и, не поворачивая головы, вскидывали сбоку глазами на подходившихъ); пять или шесть уѣздныхъ чиновниковъ съ круглыми брюшками, опухлыми и потными ручками и скромно-неподвижными ножками (эти господа говорили мягкимъ голосомъ, кротко улыбались на всѣ стороны, держали свои игры у самой манишки и, козыряя, не стучали по столу, а напротивъ волнообразно роняли карты на зеленое сукно и, складывая взятки, производили легкій, весьма учтивый и приличный

скрипъ). Прочіе дворяне сидѣли на диванахъ, кучками жались къ дверямъ и подлѣ оконъ; одинъ, уже не молодой, но женоподобный по наружности помѣщикъ, стоялъ въ уголку, вздрагивалъ, краснѣлъ и съ замѣшательствомъ вертѣлъ у себя на желудкѣ печаткою своихъ часовъ, хотя никто не обращалъ на него вниманія; иные господа, въ круглыхъ фракахъ и клѣтчатыхъ панталонахъ работы московскаго портного, вѣчно-цехового мамастера Ѳирса Клюхина, разсуждали необыкновенно развязно и бойко, свободно поворачивая своими жирными и голыми затылками; молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, подслѣповатый и бѣлокурый, съ ногъ до головы одѣтый въ черную одежду, видимо робѣлъ, но язвительно улыбался"...

Авторъ едва-едва высидѣлъ до вечера и поспѣшилъ отправиться на покой: ему стало „скучно" среди этихъ героевъ пошлости, а скука—обычная спутница понижающейся психической активности, пустоты душевной; слѣдовательно, тѣ, въ обществѣ которыхъ оказался этотъ поистинѣ живой человѣкъ—писатель, ничего не могли дать ни уму, ни сердцу мыслящаго и чувствующаго человѣка. И дѣйствительно, Тургеневъ говоритъ о „тѣсныхъ высокихъ галстукахъ", „висячихъ крашеныхъ усахъ", „скромно-неподвижныхъ ножкахъ", „круглыхъ фракахъ", жирныхъ и голыхъ затылкахъ" и т. п.—и ни слова о человѣкѣ и человѣческомъ, точно предъ нимъ были манекены, а не люди.

Да, истинно-человѣческой, разумной жизни нѣтъ въ этой средѣ. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ характеровъ „господъ", съ какими встрѣчаемся мы въ „Запискахъ Охотника", и мы убѣдимся что за небольшими отклоненіями, за несущественными подробностями, всѣ они разновидности одного и того же типа—типа „пошлаго человѣка".—Одного мы уже видѣли: г. Полутыкинъ, „страстный охотникъ и, слѣд., отличный человѣкъ". Идемъ далѣе: г. Звѣрковъ. „Онъ занималъ довольное важное мѣсто, слылъ человѣкомъ знающимъ и дѣльнымъ. У него была жена, пухлая, чувствительная, слезливая и злая—дюжинное и тяжелое созданье; былъ и сынокъ, настоящій барченокъ, избалованный и глупый. Наружность самого г. Звѣркова мало располагала въ его пользу: изъ широкаго, почти четвероугольнаго лица лукаво выглядывали мышиные глазки, торчалъ носъ большой и острый, съ открытыми ноздрями; стриженые сѣдые волосы поднимались щетиной надъ морщинистымъ лбомъ, тонкія губы безпрестанно шевелились и приторно улыбались. Г-нъ Звѣрковъ стоялъ, обыкновенно, растопыривъ ножки и заложивъ толстыя ручки въ кар-

маны"... „Разъ какъ-то, разсказываетъ авторъ, пришлось мнѣ ѣхать съ нимъ вдвоемъ въ каретѣ за городъ. Мы разговорились. Какъ человѣкъ опытный, дѣльный, г. Звѣрковъ началъ наставлять меня на „путь истины".

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить,—пропищалъ онъ, наконецъ:—вы всѣ, молодые люди, судите и толкуете обо всѣхъ вещахъ наобумъ, вы мало знаете собственное свое отечество; Россія вамъ, господа, незнакома,—вотъ что!.. Вы все только нѣмецкія книги читаете. Вотъ, напримѣръ, вы мнѣ говорите теперь и то, и то, насчетъ того, ну, то-есть насчетъ дворовыхъ людей... Хорошо, я не спорю, все это хорошо, но вы ихъ не знаете, что это за народъ. (Г-нъ Звѣрковъ громко высморкался и понюхалъ табаку.) Позвольте мнѣ разсказать, напримѣръ, одинъ маленькій анекдотецъ: васъ это можетъ заинтересовать". И Звѣрковъ, въ доказательство своего „человѣчества" разсказываетъ страшную исторію женской жизни, загубленной по прихоти его жены, добрѣе которой, по его мнѣнію, „найти трудно", которая, наконецъ, ангелъ во плоти, доброта неизъяснимая"... Это ли не герой самодовольнаго ничтожества?

Вотъ Александръ Владиміровичъ Королевъ. О немъ говоритъ „однодворецъ Овсяниковъ".

„Собой красавецъ, богатъ, въ „ниверситетахъ" обучался, кажись, и за границей побывалъ, говоритъ плавно, скромно, всѣмъ намъ руки жметъ. Знаете?.. Ну, такъ слушайте. На прошлой недѣлѣ съѣхались мы въ Березовку, по приглашенію посредника, Никифора Ильича. И говоритъ намъ посредникъ, Никифоръ Ильичъ: „надо, господа, размежеваться; это срамъ, нашъ участокъ ото всѣхъ другихъ отсталъ; приступите къ дѣлу". Вотъ и приступили. Пошли толки, споры, какъ водится, повѣренный нашъ ломаться сталъ. Но первый забуянилъ Овчинниковъ Порфирій... И изъ чего буянитъ человѣкъ?.. У самого вершка земли нѣту: по порученію брата распоряжается. Кричитъ: „нѣтъ! меня вамъ не провести, нѣтъ, не на того наткнулись! Планы сюда! Землемѣра мнѣ подайте, христопродавца подайте сюда!"—„Да какое, наконецъ, ваше требованіе?"—„Вотъ дурака нашли, эка! вы думаете: я вамъ такъ-таки сейчасъ мое требованіе и объявлю?.. Нѣтъ, вы планы сюда подайте,—вотъ что!" А самъ рукой стучитъ по планамъ. Марѳу Дмитріевну обидѣлъ кровно. Та кричитъ: „какъ вы смѣете мою репутацію позорить?.." Насилу мадерой отпоили. Его успокоили,—другіе забунтовали. Королевъ-то Александръ Владиміровичъ сидитъ, мой голубчикъ въ углу, на-

балдашникъ на палкѣ покусываетъ, да только головой качаетъ. Совѣстно мнѣ стало, мочи нѣтъ, хоть вонъ бѣжать. Что, молъ объ насъ подумаетъ человѣкъ? Глядь, поднялся мой Александръ Владимірычъ, показываетъ видъ, что говорить желаетъ. Посредникъ засуетился, говоритъ: „господа, господа, Александръ Владимірычъ говорить желаетъ". И нельзя не похвалить дворянъ: всѣ тотчасъ замолчали. Вотъ, и началъ Александръ Владимірычъ говорить: что мы, дескать, кажется, забыли, для чего мы собрались; что хотя размежеваніе, безспорно, выгодно для владѣльцевъ, но въ сущности оно введено для чего?—для того, чтобъ крестьянину было легче, чтобъ ему работать сподручнѣе было, повинности справлять; а то теперь онъ самъ своей земли не знаетъ и нерѣдко за пять верстъ пахать ѣдетъ,—и взыскать съ него нельзя. Потомъ сказалъ Александръ Владимірычъ, что помѣщику грѣшно не заботиться о благосостояніи крестьянъ, что, наконецъ, если здраво разсудить, ихъ выгоды и наши выгоды—все едино: имъ хорошо—намъ хорошо, имъ худо—намъ худо... и что, слѣдовательно, грѣшно и не разсудительно не соглашаться изъ-за пустяковъ... и пошелъ, и пошелъ... да, вѣдь, какъ говорилъ! за душу такъ и забираетъ... Дворяне то всѣ носы повѣсили; я самъ, ей-ей, чуть не прослезился. Право слово, въ старинныхъ книгахъ такихъ рѣчей не бываетъ... А чѣмъ кончилось? Самъ четырехъ десятинъ мохового болота не уступилъ и продать не захотѣлъ. Говоритъ: я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на немъ заведу, съ усовершенствованіями. Я, говоритъ, ужъ это мѣсто выбралъ: у меня на этотъ счетъ свои соображенія... И хоть бы это было справедливо: а то просто—сосѣдъ Александръ Владимірыча, Карасиковъ Антонъ, поскупился королевскому приказчику сто рублевъ ассигнаціями внести. Такъ мы и разъѣхались, не сдѣлавши дѣла. А Александръ Владимірычъ по сихъ поръ себя правымъ почитаетъ, и все о суконной фабрикѣ толкуетъ, только къ осушкѣ болота не приступаетъ"... „Чѣмъ не дворянинъ?"

Далѣе. Аркадій Павлычъ Пѣночкинъ, молодой помѣщикъ, гвардейскій офицеръ въ отставкѣ. У него „домъ построенъ по плану французскаго архитектора, люди одѣты по-англійски, обѣды задаетъ онъ отличные, принимаетъ гостей ласково, а все-таки неохотно къ нему ѣдешь. Онъ человѣкъ разсудительный и положительный, воспитаніе получилъ, какъ водится, отличное, служилъ, въ высшемъ обществѣ потерся, а теперь хозяйствомъ занимается съ большимъ успѣхомъ. Аркадій Павлычъ, говоря

собственными его словами, строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ—для ихъ же блага. „Съ ними надобно обращаться, какъ съ дѣтьми“, говоритъ онъ въ такомъ случаѣ: „невѣжество, mon cher; il faut prendre cela en considération“. Самъ же, въ случаѣ такъ называемой печальной необходимости, рѣзкихъ и порывистыхъ движеній избѣгаетъ и голоса возвышать не любитъ, но болѣе тычетъ рукою прямо, спокойно приговаривая: „вѣдь я тебя просилъ, любезный мой“, или: „что съ тобою, другъ мой, опомнись“, при чемъ только слегка стискиваетъ зубы и кривитъ ротъ. Роста онъ небольшого, сложенъ щеголевато, собою весьма недуренъ, руки и ногти въ большой опрятности содержитъ; съ его румяныхъ губъ и щекъ такъ и пышетъ здоровьемъ. Смѣется онъ звучно и беззаботно, привѣтливо щуритъ свѣтлые, каріе глаза. Одѣвается онъ отлично и со вкусомъ; выписываетъ французскіе книги, рисунки и газеты, но до чтенія не большой охотникъ: „Вѣчнаго жида“ едва осилилъ. Въ карты играетъ мастерски. Вообще Аркадій Павлычъ считается однимъ изъ образованнѣйшихъ дворянъ и завиднѣйшихъ жениховъ нашей губерніи, дамы отъ него безъ ума и въ особенности хвалятъ его манеры. Онъ удивительно хорошо себя держитъ, остороженъ, какъ кошка, и ни въ какую исторію замѣшанъ отъ роду не бывалъ, хотя, при случаѣ, дать себя знать и робкаго человѣка озадачить и срѣзать любитъ. Дурнымъ обществомъ рѣшительно брезгаетъ—скомпрометироваться боится; зато въ веселый часъ объявляетъ себя поклонникомъ Эпикура, хотя вообще о философіи отзывается дурно, называя ее туманной пищей германскихъ умовъ, а иногда и просто чепухой. Музыку онъ тоже любитъ; за картами поетъ сквозь зубы, но съ чувствомъ; изъ „Лючіи“ и „Сомнамбулы“ тоже помнитъ, но что-то все высоко забираетъ. По зимамъ онъ ѣздитъ въ Петербургъ. Домъ у него въ порядкѣ необыкновенномъ; даже кучера подчинились его вліянію и каждый день не только вытираютъ хомуты и армяки чистятъ, но и самимъ себѣ лицо моютъ. Дворовые люди Аркадія Павлыча посматриваютъ, правда, что-то исподлобья,— но у насъ на Руси угрюмаго отъ заспаннаго не отличишь. Аркадій Павловичъ говоритъ голосомъ мягкимъ и пріятнымъ, съ разстановко йи какъ бы съ удовольствіемъ пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные, раздушеные усы; такъ же употребляетъ много французскихъ выраженій, какъ то: „Mais c'est impayable!“ „Mais comment donc!“ и пр. Со всѣмъ тѣмъ, я, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ охотно его посѣщаю, и если-бы не тетерева и не

куропатки, вѣроятно, совершенно бы съ нимъ раззнакомился. Странное какое-то безпокойство овладѣваетъ вами въ его домѣ; даже комфортъ васъ не радуетъ, и всякій разъ, вечеромъ, когда появится передъ вами завитой камердинеръ въ голубой ливреѣ съ гербовыми пуговицами и начнетъ подобострастно стягивать съ васъ сапоги, вы чувствуете, что если бы вмѣсто его блѣдной и сухопарой фигуры внезапно предстали передъ вами изумительно широкія скулы и невѣроятно тупой носъ молодого дюжаго парня, только что взятаго бариномъ отъ сохи, но уже успѣвшаго въ десяти мѣстахъ распороть по швамъ недавно пожалованный нанковый кафтанъ—вы бы обрадовались несказанно и охотно бы подверглись опасности лишиться вмѣстѣ съ сапогомъ и собственной вашей ноги, вплоть до самаго вертлюга".

А вотъ „два помѣщика", „люди весьма почтенные, благонамѣренные и пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ нѣсколькихъ уѣздовъ": отставной генералъ-майоръ Вячеславъ Илларіоновичъ Хвалынскій и Мардарій Аполлоновичъ Стегуновъ.

Познакомимся прежде съ генералъ-майоромъ. „Представьте себѣ человѣка высокаго и кагда-то стройнаго, теперь же нѣсколько обрюзглаго, но вовсе не дряхлаго, даже не устарѣлаго, человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, въ самой, какъ говорится, порѣ. Правда, нѣкогда правильныя и теперь еще пріятныя черты лица его немного измѣнились, щеки повисли, частыя морщины лучеобразно расположились около глазъ, иныхъ зубовъ уже нѣтъ; русые волосы, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые остались въ цѣлости, превратились въ лиловые, благодаря составу, купленному на роменской конной ярмаркѣ у жида, выдававшаго себя за армянина; но Вячеславъ Илларіоновичъ выступаетъ бойко, смѣется звонко, позвякиваетъ шпорами, крутитъ усы, наконецъ, называетъ себя старымъ кавалеристомъ, между тѣмъ какъ извѣстно, настоящіе старики сами никогда не называютъ себя стариками. Носитъ онъ обыкновенно сюртукъ, застегнутый доверху, высокій галстукъ съ накрахмаленными воротничками и панталоны сѣрыя съ искрой, военнаго покроя, шляпу же надѣваетъ прямо на лобъ, оставляя весь затылокъ наружи. Человѣкъ онъ очень добрый, но съ понятіями и привычками очень странными. Напримѣръ, онъ никакъ не можетъ обращаться съ дворянами небогатыми или нечиновными, какъ съ равными себѣ людьми. Разговаривая съ ними, онъ обыкновенно глядитъ на нихъ сбоку, сильно опираясь щекою въ твердый и бѣлый воротникъ, или вдругъ возьметъ да озаритъ ихъ яснымъ и неподвижнымъ взо-

ромъ, помолчитъ и двинетъ всею кожей подъ волосами на головѣ даже слова иначе произноситъ и не говоритъ, напримѣръ: „благодарю, Павелъ Васильичъ“, или: „пожалуйте сюда, Михайло Иванычъ“, а: „болдарю, Палл' Асиличъ“, или: „па-ажалте сюда, Михал'Ванычъ“. Съ людьми же, стоящими на низшихъ ступеняхъ общества, онъ обходится еще страннѣе: вовсе на нихъ не глядитъ и прежде чѣмъ объяснитъ имъ свое желаніе, или отдастъ приказъ, нѣсколько разъ сряду, съ озабоченнымъ и мечтательнымъ видомъ, повторитъ: „какъ тебя зовутъ?.. какъ тебя зовутъ?“ ударяя необыкновенно рѣзко на первомъ словѣ „какъ“, а остальныя произнося очень быстро, что придаетъ всей поговоркѣ довольно близкое сходство съ крикомъ самца перепела. Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой... Вячеславъ Иларіоновичъ ужасный охотникъ до прекраснаго пола и, какъ только увидитъ у себя въ уѣздномъ городѣ, на бульварѣ, хорошенькую особу, немедленно пустится за нею вслѣдъ, но тотчасъ же и захромаетъ,—вотъ что замѣчательное обстоятельство... Въ карты играть онъ любитъ, но только съ людьми званія низшаго; они-то ему: „ваше превосходительство“, а онъ-то ихъ пугаетъ и распекаетъ, сколько душѣ его угодно. Когда жъ ему случится играть съ губернаторомъ, или съ какимъ-нибудь чиновнымъ лицомъ,—удивительная происходитъ съ нимъ перемѣна: и улыбается-то онъ, и головой киваетъ, и въ глаза-то имъ глядитъ—медомъ такъ отъ него и несетъ... Даже проигрываетъ и не жалуется... На выборахъ играетъ онъ роль довольно значительную; но отъ почетнаго званія предводителя, по скупости, отказывается. „Господа,—говоритъ онъ обыкновенно приступающимъ къ нему дворянамъ, и говоритъ голосомъ, исполненнымъ покровительства и самостоятельности,—много благодаренъ за честь; но я рѣшилъ посвятить свой досугъ уединенію“. И, сказавши эти слова, поведетъ головой нѣсколько разъ направо и налѣво, а потомъ съ достоинствомъ наляжетъ подбородкомъ и щеками на галстукъ. Состоялъ онъ въ молодые годы адъютантомъ у какого-то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ, какъ по имени и по отчеству; говорятъ, будто бы онъ принималъ на себя не однѣ адъютантскія обязанности, будто бы, напр., облачившись въ полную парадную форму и даже застегнувъ крючки, парилъ своего начальника въ банѣ—да не всякому слуху можно вѣрить. Впрочемъ, и самъ генералъ Хвалынскій о своемъ служебномъ поприщѣ не любитъ говорить, что вообще довольно странно; на войнѣ онъ тоже, кажется не

бывалъ. Живетъ генералъ Хвалынскій въ небольшомъ домикѣ, одинъ; супружескаго счастья онъ въ своей жизни не испыталъ, и потому до сихъ поръ еще считается женихомъ, и даже выгоднымъ женихомъ. Зато ключница у него, женщина лѣтъ тридцати пяти, черноглазая, чернобровая, полная, свѣжая и съ усами, по буднишнимъ днямъ ходитъ въ накрахмаленныхъ платьяхъ, а по воскресеньямъ и кисейные рукава надѣваетъ... Особеннымъ даромъ слова Хвалынскій не владѣетъ, или, можетъ быть, не имѣетъ случая высказать свое краснорѣчіе, потому что не только спора, но вообще возраженья не терпитъ, и всякихъ длинныхъ разговоровъ, особенно съ молодыми людьми, тщательно избѣгаетъ. Оно, дѣйствительно, вѣрнѣе; а то съ нынѣшнимъ народомъ бѣда: какъ разъ изъ повиновенія выйдетъ и уваженіе потеряетъ. Передъ лицами высшими Хвалынскій большею частью безмолвствуетъ, а къ лицамъ низшимъ, которыхъ, повидимому, презираетъ, но съ которыми только и знается, держитъ рѣчи отрывистыя и рѣзкія, безпрестанно употребляя выраженія, подобныя слѣдующимъ: „это, однако, вы пус-тя-ки говорите“; или: „я, наконецъ, вынужденнымъ нахожусь, милосвый сдарь мой, вамъ поставить на видъ“, или: „наконецъ, вы должны однако же знать, съ кѣмъ имѣете дѣло“ и пр. Особенно боятся его почтмейстеры, непремѣнные засѣдатели и станціонные смотрители. Дома онъ у себя никого не принимаетъ и живетъ, какъ слышно, скрягой. Со всѣмъ тѣмъ онъ прекрасный помѣщикъ. „Старый служака, человѣкъ безкорыстный, съ правилами, vieux grognard“, говорятъ про него сосѣди. Одинъ прокуроръ губернскій позволяетъ себѣ улыбаться, когда при немъ упоминаютъ объ отличныхъ и солидныхъ качествахъ генерала Хвалынскаго,—да чего не дѣлаетъ зависть!..

А впрочемъ перейдемъ теперь къ другому помѣщику.

Мардарій Аполлонычъ Стегуновъ ни въ чемъ не походилъ на Хвалынскаго; онъ едва ли гдѣ служилъ и никогда красавцемъ не почитался. Мардарій Аполлонычъ старичокъ низенькій, пухленькій, лысый, съ двойнымъ подбородкомъ, мягкими ручками и порядочнымъ брюшкомъ. Онъ большой хлѣбосолъ и балагуръ; живетъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе; зиму и лѣто ходитъ въ полосатомъ шлафрокѣ на ватѣ. Въ одномъ онъ только сошелся съ генераломъ Хвалынскимъ: онъ тоже холостякъ. У него пятьсотъ душъ. Мардарій Аполлонычъ занимается своимъ имѣньемъ довольно поверхностно; купилъ, чтобы не отстать отъ вѣка, лѣтъ десять тому назадъ, у Бутенопа въ Москвѣ моло-

тильную машину, заперъ ее въ сарай, да и успокоился. Развѣ въ хорошій лѣтній день велитъ заложить бѣговыя дрожки и съѣздить въ поле на хлѣба посмотрѣть да васильковъ нарвать. Живетъ Мардарій Аполлонычъ совершенно на старый ладъ. И домъ у него старинной постройки: въ передней, какъ слѣдуетъ, пахнетъ квасомъ, сальными свѣчами и кожей; тутъ же, направо, буфетъ съ трубками и утиральниками; въ столовой фамильные портреты, мухи, большой горшокъ ерани и кислыя фортепіаны; въ гостиной—три дивана, три стола, два зеркала и сиплые часы, съ почернѣвшей эмалью и бронзовыми рѣзными стрѣлками; въ кабинетѣ—столъ съ бумагами, ширмы синеватаго цвѣта съ наклеенными картинками, вырѣзанными изъ разныхъ сочиненій прошедшаго столѣтія, шкапы съ вонючими книгами, пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно, да наглухо заколоченная дверь въ садъ... Словомъ, все, какъ водится. Людей у Мардарія Аполлоныча множество, и всѣ одѣты по-старинному: въ длинные синіе кафтаны съ высокими воротниками, панталоны мутнаго колорита и коротенькіе желтоватые жилетцы. Гостямъ они говорятъ: „батюшка". Хозяйствомъ у него завѣдуетъ бурмистръ изъ мужиковъ, съ бородой во весь тулупъ; домомъ—старуха, повязанная коричневымъ платкомъ, сморщенная и скупая. На конюшнѣ у Мардарія Аполлоныча стоитъ тридцать разнокалиберныхъ лошадей; выѣзжаетъ онъ въ домодѣланной коляскѣ въ полтораста пудъ. Гостей принимаетъ очень радушно и угощаетъ на славу, т.-е.: благодаря одуряющимъ свойствамъ русской кухни, лишаетъ ихъ, вплоть до самаго вечера, всякой возможности заняться чѣмъ-нибудь, кромѣ преферанса. Самъ же никогда ничѣмъ не занимался, и даже „Сонникъ" пересталъ читать. Но такихъ помѣщиковъ у насъ на Руси еще довольно много"...

На этомъ безпросвѣтно-сѣромъ и часто грязномъ фонѣ „болотности" и безлюдья поражаетъ наблюдателя цѣлый рядъ явленій, свидѣтельствующихъ о томъ, что низкій уровень, тѣмъ болѣе отсутствіе человѣчности неизбѣжно связаны съ поступками и дѣйствіями прямо безчеловѣчными: „оно всегда такъ бываетъ,—говоритъ однодворецъ Овсяниковъ:—кто самъ мелко плаваетъ, тотъ и задираетъ". Вопли и стоны слышатся со всѣхъ сторонъ въ этой своеобразной галлереѣ, которою проходитъ читатель „Записокъ Охотника"; порой ихъ смѣняетъ холодное отчаяніе или примиреніе съ тяжелой долей,—примиреніе близкое къ полному безчувствію,—безмолвный, но такой краснорѣчивый въ

своемъ безмолвіи протестъ „труждающихся и обремененныхъ“... „Великой, скорбной симфоніей“ поднимается надъ „гибнущей въ въ мукахъ землею“ эта тоскливая пѣсня „милліоновъ гонимыхъ судьбою“, что-то зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце въ этой пѣснѣ „труда и терпѣнія“. Болѣзненно лобзающіе звуки ея съ силой стремятся, втѣсняются въ вашу душу и не оставляютъ васъ до тѣхъ поръ, пока ваша мысль не отвѣтитъ на волненія чувства убѣжденнымъ, энергичнымъ отрицаніемъ того строя жизни, который обезпечивалъ помѣщику-крѣпостнику полную безнаказанность безчеловѣчныхъ дѣйствій, мало того—дѣлалъ помѣщичій деспотизмъ modus'омъ vivendi: „За что жъ онъ велѣлъ тебя наказать?“ спрашиваетъ охотникъ Васю, буфетчика Стегунова, высѣченнаго на конюшнѣ. „А по дѣломъ, батюшка, по дѣломъ. У насъ по пустякамъ не наказываютъ; такого заведенія у насъ нѣту—ни-ни. У насъ баринъ не такой“...

Тургеневъ не оставляетъ насъ въ невѣдѣніи относительно того, какія это „дѣла“. Вспомните такихъ господъ, какъ Звѣрковъ или Пѣночкинъ. Первый самъ готовъ считать себя человѣчнѣйшимъ изъ людей, второго считали однимъ изъ „образованнѣйшихъ“ дворянъ цѣлой губерніи; а между тѣмъ дисциплина холопства и розги полагается ими въ основу отношеній къ крѣпостнымъ. Звѣрковъ разсказываетъ „Охотнику“ маленькій анекдотецъ; послушаемъ его. „Вы вѣдь, знаете, что у меня за жена: кажется, женщину добрѣй ея найти трудно, согласитесь сами. Горничнымъ ея дѣвушкамъ не житье,—просто рай воочію совершается... Но моя жена положила себѣ за правило: замужнихъ горничныхъ не держать. Оно и точно, не годится: пойдутъ дѣти,—то, се,—ну, гдѣ жъ тутъ горничной присмотрѣть за барыней, какъ слѣдуетъ, наблюдать за ея привычками: ей ужъ не до того, у нея ужъ не то на умѣ. Надо по человѣчеству судить. Вотъ-съ, проѣзжаемъ мы разъ черезъ нашу деревню, лѣтъ тому будетъ—какъ бы вамъ сказать, не солгать—лѣтъ пятнадцать. Смотримъ у старосты дѣвочка, дочь, прехорошенькая; такое даже, знаете, подобострастное что-то въ манерахъ. Жена моя и говоритъ мнѣ: „Кокó,—то-есть, вы понимаете, она меня такъ называетъ,—возьмемъ эту дѣвочку въ Петербургъ; она мнѣ нравится, Кокó“... Я говорю: возьмемъ, съ удовольствіемъ. Староста, разумѣется, намъ въ ноги; онъ такого счастія, вы понимаете, и ожидать не могъ... Ну, дѣвочка, конечно, поплакала сдуру. Оно, дѣйствительно, жутко сначала: родительскій домъ... вообще... удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Однако она скоро къ намъ

привыкла; сперва ее отдали въ дѣвичью; учили ее, конечно. Что жъ вы думаете?.. Дѣвочка оказываетъ удивительные успѣхи; жена моя просто къ ней пристращивается, жалуетъ ее, наконецъ, помимо другихъ, въ горничныя къ своей особѣ... замѣчайте!.. И надобно было отдать ей справедливость: не было еще такой горничной у моей жены, рѣшительно не было; услужлива, скромна, послушна—просто, все, что требуется. Зато ужъ и жена ее даже, признаться, слишкомъ баловала: одѣвала отлично, кормила съ господскаго стола, чаемъ поила... ну, что только можно себѣ представить! Вотъ этакъ она лѣтъ десять у моей жены служила. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, вообразите себѣ, входитъ Арина—ее Ариной звали, безъ доклада ко мнѣ въ кабинетъ,—и бухъ мнѣ въ ноги... Я этого, скажу вамъ откровенно, терпѣть не могу. Человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство, не правда ли? „Чего тебѣ?"—„Батюшка, Александръ Силычъ, милости прошу".—„Какой?"—„Позвольте выйти замужъ".—Я признаюсь вамъ изумился.—„Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной нѣту?"—„Я буду служить барынѣ попрежнему".—„Вздоръ! барыня замужнихъ горничныхъ не держитъ".—„Маланья на мое мѣсто поступить можетъ".—„Прошу не разсуждать!"—„Воля ваша"... Я, признаюсь, такъ и обомлѣлъ. Доложу вамъ, я такой человѣкъ: ничто меня такъ не оскорбляетъ, смѣю сказать, такъ сильно не оскорбляетъ, какъ неблагодарность... Вѣдь вамъ говорить нечего,—вы знаете, что у меня за жена: ангелъ во плоти, доброта неизъяснимая... Кажется, злодѣй и тотъ бы ее пожалѣлъ. Я прогналъ Арину. Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете ли, вѣрить злу, черной неблагодарности въ человѣкѣ. Что жъ вы думаете? Черезъ полгода она опять изволитъ жаловать ко мнѣ съ тою же самою просьбой. Тутъ я, признаюсь, ее съ сердцемъ прогналъ и пригрозилъ ей, и сказать женѣ обѣщался. Я былъ возмущенъ... Но представьте себѣ мое изумленіе: нѣсколько времени спустя, приходитъ ко мнѣ жена, въ слезахъ, взволнована такъ, что я даже испугался.—„Что случилось?"—„Арина"... Вы понимаете... я стыжусь выговорить.—„Быть не можетъ!.. кто же?"—„Петрушка лакей". Меня взорвало. Я такой человѣкъ... полумѣръ не люблю!.. Петрушка... не виноватъ. Наказать его можно, но онъ, по-моему, не виноватъ. Арина... ну, что жъ, ну, ну, что жъ тутъ еще говорить? Я, разумѣется, тотчасъ же приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезъ, и сослать въ деревню. Жена моя лишилась отличной горничной, но дѣлать было нечего: безпорядокъ въ домѣ

терпѣть, однако же, нельзя. Больной членъ лучше отсѣчь разомъ... Ну, ну, теперь посудите сами,—ну, вѣдь вы знаете мою жену, вѣдь, это, это, это... наконецъ, ангелъ!.. Вѣдь она привязалась къ Аринѣ, и Арина это знала и не постыдилась... А? нѣтъ, скажите... а? Да что тутъ толковать! Во всякомъ случаѣ, дѣлать было нечего, Меня же, собственно меня, надолго огорчила, обидѣла, неблагодарность этой дѣвушки. Что ни говорите, сердца, чувства—въ этихъ людяхъ не ищите! Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ"...—Такъ своеобразно понимаетъ Звѣрковъ достоинство человѣка и права помѣщика на человѣческую личность.

„Образованнѣйшій изъ дворянъ" Пѣночкинъ цѣнитъ крѣпостного человѣка по его большей или меньшей годности для дѣла питанія его—Аркадія Павловича. Завалилась телѣга съ поваромъ, и заднимъ колесомъ придавило ему желудокъ. „Аркадій Павлычъ, при видѣ паденія доморощеннаго Карема, испугался не на шутку и тотчасъ велѣлъ спросить: цѣлы ли у него руки? Получивъ же отвѣтъ утвердительный, немедленно успокоился". Онъ же разсказалъ охотнику презабавный, по его словамъ, случай, какъ одинъ шутникъ-помѣщикъ вразумилъ своего лѣсника, выдравъ у него около половины бороды, въ доказательство того, что отъ порубки лѣсъ чаще не выростаетъ. Пришлось однажды охотнику провести ночь у Пѣночкина. На другой день его не отпустили, а предложили завтракъ на англійскій манеръ. „Вмѣстѣ съ чаемъ подали намъ котлеты, яйца всмятку, масло, медъ, сыръ и пр. Два камердинера, въ чистыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, быстро и молча предупреждали малѣйшія наши желанія. Мы сидѣли на персидскомъ диванѣ. На Аркадіи Павлычѣ были широкіе шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый фесъ съ синей кистью, и китайскія желтыя туфли безъ задковъ. Онъ пилъ чай, смѣялся, разсматривалъ свои ногти, курилъ, подкладывалъ себѣ подушки подъ бокъ, и вообще чувствовалъ себя въ отличномъ расположеніи духа. Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павлычъ налилъ себѣ рюмку краснаго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился.

— Отчего вино не нагрѣто? Спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ камердинеровъ.

Камердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.

— Вѣдь я тебя спрашиваю, любезный мой?—спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ.

Несчастный камердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ сал-

феткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него исподлобья.

— Pardon, mon cher!—промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на камердинера.—Ну, ступай,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія, поднялъ брови и позвонилъ.

Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами.

— Насчетъ Ѳедора... распорядиться,—проговорилъ Аркадій Павлычъ вполголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ толстый и вышелъ.

— Voila, mon cher, les désagréments de la campagne,—весело замѣтилъ Аркадій Павлычъ".

Таковъ русскій помѣщикъ въ правдивомъ изображеніи Тургенева. Много лицъ пошлыхъ, много грубыхъ деспотовъ, и нѣтъ людей—вотъ судъ всякаго безпристрастнаго обозрѣвателя этой единственной въ своемъ родѣ галлереи портретовъ. Но откуда это (выражаясь словами Гоголя о „Мертвыхъ душахъ")—„собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей"? Точно ли писатель объективенъ? Не даетъ ли онъ одни исключенія? Вопросы эти вопросы существенной важности, и такимъ или инымъ рѣшеніемъ ихъ опредѣляется не только художественное, но и общественно-историческое значеніе „Записокъ Охотника".

Ex nihilo nihil fit („изъ ничего ничто не возникаетъ"); слѣдовательно, и для даннаго явленія должны быть свои причины, и если эти причины Тургеневымъ указаны, если опошлѣніе русскаго помѣщика, полное отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, очень слабое развитіе въ немъ качествъ человѣка и гражданина писателемъ изображены, какъ необходимое слѣдствіе предшествующаго ряда фактовъ, то само собой падаетъ сомнѣніе въ объективности художественнаго воспроизведенія помѣщичьей жизни въ „Запискахъ Охотника": иной жизни и иныхъ людей и быть не могло.

Тургеневъ указываетъ эти причины,—только не отвлеченными разсужденіями, а „правдивымъ и искреннимъ" изображеніемъ фактовъ и лицъ. „Живая правда" говоритъ сама за себя. Присмотримся къ ней.

Поражаетъ въ ней прежде всего эгоцентрическое, если такъ можно выразиться, построеніе жизни,—то самое, о которомъ поэтъ говоритъ:

Высшихъ потѣшали пошлымъ обезьянствомъ,
Низшихъ угнетали мелочнымъ тиранствомъ.

Всѣ они, эти гг. Пѣночкины, Стегуновы, Звѣрковы и др., не знаютъ и не признаютъ абсолютной нравственной мѣрки, измѣренію которою подлежитъ каждая человѣческая личность, ихъ особа заслоняетъ для нихъ все. Прислушайтесь къ рѣчамъ г-на Полутыкина, какъ онъ часто, до смѣшного, прибѣгаетъ къ мѣстоименію перваго лица. „До *меня* верстъ пять будетъ"... Хорь—„*мой* мужикъ"... „Онъ у *меня* мужикъ умный"... „А вотъ это *моя* контора"... „Это у *меня* хорошая вода"... Не далеко отъ Полутыкина ушелъ и г. Пѣночкинъ, несмотря на французскую рѣчь, англійскіе костюмы лакеевъ, отличные обѣды и завтраки на англійскій манеръ. Пьяный бурмистръ („нараспѣвъ и съ такимъ умиленіемъ на лицѣ, что вотъ-вотъ, казалось, слезы брызнутъ") „плететъ лесть" Аркадію Павлычу изъ такихъ словечекъ, какъ: „Ахъ, вы, отцы наши, милостивцы вы наши... Ручку, батюшка, ручку... Да вѣдь вы наши отцы, вы милостивцы, деревеньку-то нашу просвѣтить изволили пріѣздомъ-то своимъ, осчастливили по гробъ дней"... И „милостивецъ" дѣйствительно умиляется, принимаетъ за чистую монету холопьи рѣчи бурмистра, этого звѣря — не человѣка", и спрашиваетъ автора: „N'est-ce pas que c'est touchant".

Въ этой средѣ „братства дикаго" нѣтъ мѣста закону, въ ней царитъ грубый произволъ. Вспомните дѣдушку автора, о которомъ ему разсказывалъ однодворецъ Овсяниковъ: „Я не зналъ, что отвѣчать Овсяникову, — говоритъ Тургеневъ, — и не смѣлъ взглянуть ему въ лицо". А разсказчикъ продолжалъ: „А то другой сосѣдъ у насъ втѣпоры завелся, — Комовъ, Степанъ Никтополіонычъ. Замучилъ было отца совсѣмъ: не мытьемъ, такъ катаньемъ. Пьяный былъ человѣкъ и любилъ угощать, и какъ подопьетъ, да скажетъ по-французски: „се бонъ", да облизнется—хоть святыхъ вонъ неси! По всѣмъ сосѣдямъ шлетъ просить пожаловать. Тройки такъ у него наготовѣ и стояли; а не поѣдешь, — тотчасъ самъ нагрянетъ... И такой странный былъ человѣкъ! Въ „тверёзомъ" видѣ не лгалъ; а какъ выпьетъ — и начнетъ разсказывать, что у него въ Питерѣ три дома на Фонтанкѣ: одинъ красный съ одной трубой, другой желтый — съ двумя трубами, а третій синій—безъ трубъ,—и три сына (а онъ и женатъ не бывалъ): одинъ въ инфантеріи, другой въ кавалеріи, третій самъ по себѣ... И говоритъ, что въ каждомъ домѣ живетъ у него по сыну, что къ старшему ѣздятъ адмиралы, ко второму генералы, а къ младшему все англичане! Вотъ, и поднимается, и говоритъ: „за здравіе моего старшаго сына, онъ у

меня самый почтительный!“ и заплачетъ. И бѣда, коли кто отказываться станетъ. „Застрѣлю! — говоритъ, — и хоронить не позволю!..“ А то вскочитъ и закричитъ: „пляши, народъ Божій, на свою потѣху и мое утѣшеніе!“ Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши. Дѣвокъ своихъ крѣпостныхъ вовсе замучилъ. Бывало, всю ночь, какъ есть, до утра хоромъ поютъ, и какая выше голосомъ забираетъ, той и награда. А станутъ уставать,—голову на руки положитъ и загорюетъ: „охъ, сирота я сиротливая! покидаютъ меня голубчики!“ Конюха тотчасъ дѣвокъ и пріободрятъ. Отецъ-то мой ему и полюбись: что прикажешь дѣлать? Вѣдь чуть въ гробъ отца моего не вогналъ, и точно вогналъ бы, да самъ, спасибо, умеръ: съ голубятни въ пьяномъ видѣ свалился... Такъ вотъ какіе у насъ сосѣдушки бывали!..“

Другой помѣщикъ, отецъ Чертопханова, цѣлую жизнь „потѣшался, ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ“, принося въ жертву нелѣпому „хозяйственному расчету“ трудъ и счастье своихъ крестьянъ. „Между прочими выдумками соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ, такую огромную семейственную карету, что, несмотря на дружныя усилія согнанныхъ со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, она на первомъ же косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукичъ (Пантелеева отца звали Еремѣемъ Лукичомъ) приказалъ памятникъ поставить на косогорѣ, а впрочемъ, нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить церковь, разумѣется, самъ, безъ помощи архитектора. Сжегъ цѣлый лѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хоть бы подъ губернскій соборъ, вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: куполъ упалъ. Онъ опять—куполъ опять обрушился, онъ третій разъ—куполъ рухнулъ въ третій разъ. Призадумался мой Еремѣй Лукичъ: дѣло, думаетъ, не ладно... колдовство проклятое замѣшалось... да вдругъ и прикажи перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ. Бабъ перепороли, а куполъ все-таки не свели. Избы крестьянамъ по новому плану перестраивать началъ, и все изъ хозяйственнаго расчета; по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольникомъ, а на срединѣ воздвигалъ шестъ съ раскрашенной скворечницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую затѣю придумывалъ: то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хвосты стригъ на картузы дворовымъ людямъ, то ленъ собирался крапивой замѣнить, свиней кормить грибами... Повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго расчета, перенумеровать и каждому на воротникѣ нашить его

нумеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ ужъ и кричитъ: такой-то нумеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: „ступай съ Богомъ"...

Такая „власть", какъ выражается Овсяниковъ о деспотическомъ произволѣ помѣщиковъ стараго времени, конечно, предполагаетъ извѣстныя, благопріятныя для нея, условія въ общемъ укладѣ государственной жизни, въ регулирующихъ ее законахъ. И дѣйствительно, крѣпостное право, установленное цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ, для громаднаго большинства помѣщиковъ получаетъ значеніе правомѣрнаго порядка отношеній человѣка владѣющаго къ рабу; съ этимъ порядкомъ они такъ свыклись, онъ такъ вошелъ въ ихъ плоть и кровь, что другихъ отношеній они не понимали и не хотѣли знать. Вздумалъ было авторъ усовѣщивать Мардарія Аполлоныча по поводу того, что выселеннымъ мужикамъ „избёнки отведены скверныя, тѣсныя, деревца кругомъ не увидишь; сажелки даже нѣту; колодецъ одинъ, да и тотъ никуда не годится; даже старые коноплянники отняты";—и получилъ въ отвѣтъ такой „ясный и убѣдительный доводъ": „... Ужъ про это, батюшка, я самъ знаю. Я человѣкъ простой,—по-старому поступаю. По-моему: коли баринъ—такъ баринъ, а коли мужикъ—такъ мужикъ... Вотъ что".

Но если законъ и давалъ неограниченную власть помѣщику, то чудовищныя злоупотребленія этой властью во всякомъ случаѣ не узаконялись, хотя администрація и не стояла на высотѣ своей задачи — удерживать помѣщиковъ въ границахъ дозволеннаго и законнаго и преслѣдовать жестокое насиліе и грубый эгоизмъ. Вообще наличностью извѣстныхъ условій объясняется возможность злоупотребленій, а не ихъ необходимость,—то, что они могли быть, а не то, что они были. Поэтому причины такого порядка вещей надо искать въ тѣхъ людяхъ, которыми создался этотъ порядокъ; значитъ, они были таковы, что иной жизни, иныхъ отношеній къ человѣку у нихъ и быть не могло. Такъ ли это?

„Человѣкъ, чтобы быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе", говоритъ великій славянскій педагогъ, Янъ-Амосъ Коменскій. Русскіе помѣщики (en masse) были люди невѣжественные. Вспомните, какъ воспитывался и учился Пантелей Чертопхановъ. „Съ самаго дѣтства не покидалъ онъ родительскаго дома и подъ руководствомъ своей матери, добрѣйшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, выросъ баловнемъ и барчукомъ. Она одна занималась его воспитаніемъ;

Еремѣю Лукичу, погруженному въ свои хозяйственныя соображенія, было не до того. Правда, онъ однажды собственноручно наказалъ своего сына за то, что онъ букву рцы выговаривалъ—арцы, но въ тотъ день Еремѣй Лукичъ скорбѣлъ глубоко и тайно: лучшая его собака убилась объ дерево. Впрочемъ, хлопоты Василисы Васильевны насчетъ воспитанія Пантюши ограничились однимъ мучительнымъ усиліемъ: въ потѣ лица наняла она ему въ гувернеры отставного солдата изъ эльзасцевъ, нѣкоего Биркопфа, и до самой смерти трепетала, какъ листъ, передъ нимъ: ну, думала она, коли откажется — пропала я! куда я дѣнусь? гдѣ другого учителя найду? Ужъ и этого насилу-насилу у сосѣдки сманила! И Биркопфъ, какъ человѣкъ смѣтливый, тотчасъ воспользовался исключительностью своего положенія: пилъ мертвую и спалъ съ утра до вечера". Это значило на тогдашнемъ языкѣ пройти „курсъ наукъ".

Не менѣе замѣчателенъ, какъ живая, яркая картина съ натуры, эпизодъ, разсказанный Тургеневымъ въ „Однодворцѣ Овсяниковѣ". Барабанщикъ наполеоновской арміи, m-r Lejeune, на возвратномъ пути, полузамерзшій и безъ барабана, попался въ руки смоленскимъ мужикамъ, которые рѣшили утопить „французя" въ проруби рѣчки Гнилотерки. На эту своеобразную расправу съ супостатомъ наѣзжаетъ случайно помѣщикъ.

— Что вы тамъ такое дѣлаете?—спросилъ онъ мужиковъ.

— А французя топимъ, батюшка.

— А!—равнодушно возразилъ помѣщикъ и отвернулся.

— Monsieur! Monsieur!—закричалъ бѣднякъ.

— А-а! — съ укоризной заговорила волчья шуба:—съ двунадесятью языкъ на Россію шелъ, Москву сжегъ, окаянный, крестъ съ Ивана Великаго стащилъ, а теперь — мусье, мусье! а теперь и хвостъ поджалъ. Подѣломъ вору и мука... Пошелъ, Филька-а!

Лошади тронулись.

— А, впрочемъ, стой!—прибавилъ помѣщикъ.—Эй, ты, мусье, умѣешь ты музыкѣ?

— Sauvez-moi, sauvez-moi, mon bon monsieur! — твердилъ Лежёнь.

— Вѣдь вишь народецъ! и по-русски-то ни одинъ изъ нихъ не знаетъ! Мюзикъ, мюзикъ, савэ мюзикъ ву? савэ? Ну, говорите? Компренэ? савэ мюзикъ ву? на фортепіано жуэ савэ?

Лежёнь понялъ, наконецъ, чего добивается помѣщикъ и утвердительно закивалъ головой.

— Oui, monsieur, oui, oui, je suis musicien; je joue tous les instruments possibles! Oui, monsieur. Sauvez-moi, monsieur!

— Ну, счастливъ твой Богъ,—возразилъ помѣщикъ.—Ребята, отпустите его; вотъ вамъ двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

Лежёня посадили въ сани. Онъ задыхался отъ радости, плакалъ, дрожалъ, кланялся, благодарилъ помѣщика, кучера, мужиковъ. На немъ была одна зеленая фуфайка съ розовыми лентами, а морозъ трещалъ на славу. Помѣщикъ молча глянулъ на его посинѣвшіе и окоченѣлые члены, завернулъ несчастнаго въ свою шубу и привезъ его домой. Дворня сбѣжалась. Француза наскоро отогрѣли, накормили и одѣли. Помѣщикъ повелъ его къ своимъ дочерямъ.

— Вотъ, дѣти, — сказалъ онъ имъ: — учитель вамъ сысканъ. Вы все приставали ко мнѣ: выучи де насъ музыкѣ и французскому діалекту: вотъ вамъ и французъ, и на фортепіанахъ играетъ... Ну, мусье, — продолжалъ онъ, указывая на дрянныя фортепіанишки, купленныя имъ за пять лѣтъ у жида, который, впрочемъ, торговалъ одеколономъ: — покажи намъ свое искусство: жуэ!

Лежёнь съ замирающимъ сердцемъ сѣлъ на стулъ: онъ отъ роду и не касался фортепіанъ.

— Жуэ же, жуэ же!—повторилъ помѣщикъ.

Съ отчаяніемъ ударилъ бѣднякъ по клавишамъ, словно по барабану, заигралъ, какъ попало... „Я такъ и думалъ, — разсказывалъ онъ потомъ, — что мой спаситель схватитъ меня за воротъ и выброситъ вонъ изъ дому". Но, къ крайнему изумленію невольнаго импровизатора, помѣщикъ погодя немного одобрительно потрепалъ его по плечу. „Хорошо, хорошо, — промолвилъ онъ:—вижу, что знаешь; поди теперь отдохни".

„Получить воспитаніе" и „говорить по-французски" на языкѣ того времени выраженія равнозначащія. О Татьянѣ Борисовнѣ Тургеневъ говоритъ: „родилась она отъ весьма бѣдныхъ помѣщиковъ и не получала никакого воспитанія, т.-е. не говоритъ по-французски". Умѣніе болтать по-французски было своего рода мѣркой, по которой различались высшіе и низшіе сорта дворянъ; образовательное же и воспитательное значеніе этого знанія было совершенно ничтожно. Большинство, которое имѣетъ въ виду писатель, и не думало о культурномъ значеніи языка, какъ средства духовнаго общенія народовъ, потому что не чувствовало потребности въ такомъ общеніи, не доросло до тѣхъ

общечеловѣческихъ идей, какія нашли себѣ выраженіе въ иностранной литературѣ. Такихъ людей, а равно и тѣхъ, предъ кѣмъ они щеголяли французскою рѣчью, интересовалъ и привлекалъ самый процессъ говоренія по-французски, все равно какъ гоголевскій Петрушка наслаждался самымъ процессомъ чтенія. Знакомый уже намъ генералъ-майоръ Хвалынскій „читаетъ мало; при чтеніи безпрестанно поводитъ усами и бровями, словно волну снизу вверхъ по лицу пускаетъ. Особенно замѣчательно это волнообразное движеніе на лицѣ Вячеслава Иларіоныча, когда ему случается (при гостяхъ, разумѣется) пробѣгать столбцы „Journal des Débats". Вотъ и все, въ чемъ выразилось знаніе французскаго языка у генерала. Другой „воспитанный" человѣкъ, Аркадій Павлычъ Пѣночкинъ, обильно пересыпаетъ свою рѣчь такими выраженіями, какъ: „Mais c'est impayable", „Mais comment donc!" „Ce sera charmat", „C'est arrangé"... и т. п.; говоритъ по-французски о „невѣжествѣ" своихъ русскихъ „подданныхъ"; „выписываетъ французскіе книги, рисунки и газеты"... Думаете—читаетъ? нѣтъ, „до чтенія небольшой охотникъ: „Вѣчнаго жида" едва осилилъ". Такимъ образомъ, и здѣсь подъ видимостью французскаго просвѣщенія кроется доморощенное невѣжество русскаго помѣщика. Другіе знакомцы охотника откровенно-невѣжественны, безъ французской личины. Г. Полутыкинъ „хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть „Пинну"; называлъ свою собаку Астрономомъ; вмѣсто однако говорилъ одначе". Г. Звѣрковъ „наставляетъ на „путь истины" автора и, въ доказательство безполезности чтенія нѣмецкихъ книгъ и своего знанія русскаго народа, разсказываетъ ему „маленькій анекдотецъ", отъ котораго страшно становится человѣку не то что образованному, а хотя бы не лишенному способности думать и чувствовать. Радиловъ, „человѣкъ славный", по свидѣтельству автора, позволяетъ себѣ часто „показывать гостю искусство" Ѳедора Михеича (когда-то богатаго помѣщика, теперь разорившагося и играющаго жалкую роль приживальщика и шута), которое состояло въ томъ, что Ѳедя пускается въ плясъ, пиликая по струнамъ дрянненькой скрипки, прислоненной къ груди, смычкомъ, взятымъ не за конецъ, какъ слѣдуетъ, а за середину, и напѣвая пѣсенку. Въ конторѣ г-жи Лосняковой „на стѣнахъ, оклеенныхъ зелеными обоями съ розовыми разводами, висѣли"—вѣроятно для воспитанія художественнаго вкуса—„три огромныя картины, писанныя масляными красками"... „На одной изображена была легавая собака съ голубымъ ошейникомъ и над-

писью: „Вотъ моя отрада“; у ногъ собаки текла рѣка, а на противоположномъ берегу рѣки, подъ сосною, сидѣлъ заяцъ непомѣрной величины, съ приподнятымъ ухомъ. На другой картинѣ два старика ѣли арбузъ: изъ-за арбуза виднѣлся въ отдаленіи греческій портикъ съ надписью: „Храмъ Удовлетворенья“. На третьей картинѣ представлена была полунагая женщина въ лежачемъ положеніи en raccourci, съ красными колѣнями и очень толстыми пятками“...

Мардарій Аполлонычъ читалъ когда-то „Сонникъ“, но и это занятіе оставилъ, такъ какъ за излишне усерднымъ служеніемъ кухнѣ не имѣлъ возможности заняться чѣмъ-нибудь, кромѣ преферанса. „Такихъ помѣщиковъ,—говоритъ Тургеневъ,—у насъ на Руси еще довольно много“. Поручикъ Хлопаковъ составилъ себѣ почетную извѣстность такими кстати и некстати употребляемыми выраженіями, какъ: „Мое вамъ почитаніе, покорнѣйше благодарствую“, „нѣтъ, ужъ это вы того, кескесэ, — это вышло выходитъ“, „не ву горяче па, человѣкъ Божій обшитъ бараньей кожей“ и т. д.

Отецъ Чертопханова читалъ „Московскія Вѣдомости“, и, „вычитавши однажды статейку харьковскаго помѣщика Хряка-Хруперскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, на другой же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью харьковскаго помѣщика наизусть. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ ли они, что тамъ написано? Приказчикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять!“

Эти примѣры съ достаточной, я думаю, убѣдительностью говорятъ о невѣжествѣ русскихъ помѣщиковъ средней руки (а они составляли громадное большинство) въ первой половинѣ XIX в., о низкомъ уровнѣ духовной культуры въ этой средѣ. Ею-то — этой некультурностью—и объясняются какъ пошлость и пустота личной жизни помѣщика, такъ и безчеловѣчная тиранія его въ отношеніи крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ, Тургеневъ не только обличаетъ въ помѣщикѣ деспота-крѣпостника, но и доказываетъ отсутствіе въ немъ общечеловѣческихъ качествъ, и тѣмъ самымъ наноситъ крѣпостничеству страшный ударъ, который можетъ быть выраженъ въ такой приблизительно формѣ: 1) крѣпостное право—учрежденіе, отвѣчающее грубо-эгоистическимъ потребностямъ отдѣльныхъ лицъ, соображеніями государственной и національной пользы не можетъ быть оправдано; 2) основныя начала общечеловѣческой морали попираются этимъ пережиткомъ стараго вре-

мени, потому что жизнь и благополучіе цѣлыхъ массъ ввѣряются такимъ помѣщикамъ, какъ Звѣрковъ, Стегуновъ, Пѣночкинъ и т. д., а они—не люди, они—пошлые „существователи“ и вмѣстѣ безчеловѣчные деспоты. Итакъ, русское дворянство не имѣетъ права владѣть людьми и нравственно обязано, покончивши съ этимъ позорнымъ наслѣдіемъ вѣковъ, начать жизнь новую, лучшую въ направленіи общечеловѣческихъ идеаловъ добра и правды, на началахъ разума и любви. „Нѣтъ свободы для насъ,—писалъ Герценъ [1]),—пока проклятіе крѣпостного права тяготѣетъ надъ нами, пока у насъ будетъ существовать гнусное, позорное, ничѣмъ не оправданное рабство крестьянъ... Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть дворовыхъ людей, купленныхъ какъ товаръ, проданныхъ какъ стадо. Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть право сѣчь мужиковъ и посылать дворовыхъ на съѣзжую. Нельзя даже говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ“.

---

[1]) „Русскому дворянству“. Цит. изд. соч. А. Герцена, т. V, стр. 326—327.

II.

Рабы.

„Мы встрѣчаемъ въ деревнѣ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей, которые тяжело и невесело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ разгульный славянскій нравъ, на ихъ сердцѣ лежитъ очевидно тяжкое горе.

Это горе, это несчастье—крѣпостное состояніе".

А. Герценъ.

Перейдемъ къ рабамъ—жертвамъ крѣпостной неволи и помѣщичьей тираніи. „Гдѣ мужикъ, тамъ и стонъ"—„страдальца мучительный стонъ, въ мольбѣ обращенный" ко всѣмъ, у кого есть сердце, чтобы пожалѣть, и прежде многихъ другихъ услышанный тѣмъ, кто на смертномъ одрѣ завѣщалъ всѣмъ любить людей, какъ онъ ихъ всегда любилъ.

Точно смерть, въ извѣстной одѣ Державина, крѣпостное право глядитъ на всѣхъ и приводитъ въ трепетъ и страхъ неповинныхъ въ своемъ рабствѣ людей. Это общее впечатлѣніе отъ крѣпостного права, какъ чего-то чудовищно-страшнаго, Тургеневъ хорошо изобразилъ въ разсказѣ „Бурмистръ". Вмѣстѣ съ помѣщикомъ Пѣночкинымъ охотникъ въѣзжаетъ въ деревню; эффектъ отъ пріѣзда помѣщика получился необыкновенный. „Нѣсколько мужиковъ въ пустыхъ телѣгахъ попались намъ навстрѣчу; они ѣхали съ гумна и пѣли пѣсни, подпрыгивая всѣмъ тѣломъ и болтая ногами въ воздухѣ; но при видѣ нашей коляски и старосты внезапно умолкли, сняли свои зимнія шапки (дѣло было лѣтомъ) и приподнялись, какъ бы ожидая приказаній. Аркадій Павлычъ милостиво имъ поклонился. Тревожное волненіе видимо распространялось по селу. Бабы въ клѣтчатыхъ паневахъ швыряли щепками въ недогадливыхъ или слишкомъ усердныхъ собакъ; хромой старикъ съ бородой, начинавшейся подъ

самыми глазами, оторвалъ недопоенную лошадь отъ колодца, ударилъ ее, неизвѣстно за что, по боку, а тамъ уже поклонился. Мальчишки въ длинныхъ рубашонкахъ съ воплемъ бѣжали въ избы, ложились брюхомъ на высокій порогъ, свѣшивали головы, закидывали ноги кверху и такимъ образомъ весьма проворно перекатывались за дверь, въ темныя сѣни, откуда уже и не показывались. Даже курицы стремились ускоренною рысью въ подворотню; одинъ бойкій пѣтухъ съ черной грудью, похожей на атласный жилетъ, и краснымъ хвостомъ, закрученнымъ на самый гребень, остался было на дорогѣ и уже совсѣмъ собрался кричать, да вдругъ сконфузился и тоже побѣжалъ". Такъ, одно появленіе помѣщика приводитъ крестьянъ въ состояніе гнетущаго ужаса, и они или бѣгутъ кто куда, слѣдуя инстинкту самосохраненія, или подъ парализующимъ дѣйствіемъ аффекта теряютъ способность сознательной дѣятельности. Не думайте, что авторъ преувеличилъ или нарисовалъ карикатуру; эта картина несомнѣнно нарисована съ натуры. Человѣку естественно бояться того, что страшно, что грозитъ его личному благосостоянію или благополучію его семьи и вообще людей ему близкихъ, дорогихъ; а крѣпостное право по самому существу тѣхъ отношеній, какія устанавливались имъ между помѣщикомъ и крестьянами, не могло быть и не было учрежденіемъ благодѣтельнымъ или хотя бы безразличнымъ,—тяжелый трудъ и несчастную долю несло оно съ собой, и понятно, что его боялись.

Въ одномъ изъ эпизодовъ этого же разсказа Тургеневъ вскрываетъ весь ужасъ несвободнаго и совершенно беззащитнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ. „Выходя изъ сарая, увидали мы слѣдующее зрѣлище. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, подлѣ грязной лужи, въ которой беззаботно плескались три утки, стояли два мужика: одинъ — старикъ лѣтъ шестидесяти, другой—малый лѣтъ двадцати, оба въ домашнихъ заплатанныхъ рубахахъ, на босу ногу и подпоясанные веревками. Земскій Ѳедосѣичъ усердно хлопоталъ около нихъ и, вѣроятно, успѣлъ бы уговорить ихъ удалиться, если бы мы замѣшкались въ сараѣ, но, увидѣвъ насъ, онъ вытянулся въ струнку и замеръ на мѣстѣ. Тутъ же стоялъ староста съ разинутымъ ртомъ и недоумѣвающими кулаками. Аркадій Павлычъ нахмурился, закусилъ губы и подошелъ къ просителямъ. Оба молча поклонились ему въ ноги.

— Что вамъ надобно? о чемъ вы просите? — спросилъ онъ строгимъ голосомъ и нѣсколько въ носъ. (Мужики взглянули

другъ на друга и словечка не промолвили, только прищурились, словно отъ солнца, да поскорѣй дышать стали.)

— Ну, что же?—продолжалъ Аркадій Павлычъ, и тотчасъ же обратился къ Софрону:—изъ какой семьи?

— Изъ Тоболѣевской семьи,—медленно отвѣчалъ бурмистръ.

— Ну, что же вы?—заговорилъ опять г. Пѣночкинъ—языковъ у васъ нѣтъ, что ли? Сказывай, ты, чего тебѣ надобно?—прибавилъ онъ, качнувъ головой на старика.—Да не бойся, дуракъ.

Старикъ вытянулъ свою темно-бурую, сморщенную щею, криво разинулъ посинѣвшія губы, сиплымъ голосомъ произнесъ: „Заступись, государь"—и снова стукнулъ лбомъ въ землю. Молодой мужикъ тоже поклонился. Аркадій Павлычъ съ достоинствомъ посмотрѣлъ на ихъ затылки, закинулъ голову и разставилъ немного ноги.

— Что такое? На кого ты жалуешься?

— Помилуй, государь! Дай вздохнуть... Замучены совсѣмъ. (Старикъ говорилъ съ трудомъ.)

— Кто тебя замучилъ?

— Да Софронъ Яковлевичъ, батюшка.

Аркадій Павлычъ помолчалъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Антипомъ, батюшка.

— А это кто?

— А сынокъ мой, батюшка.

Аркадій Павлычъ помолчалъ опять и усами повелъ.

— Ну, такъ чѣмъ же онъ тебя замучилъ?—заговорилъ онъ, глядя на старика сквозь усы.

— Батюшка, разорилъ въ конецъ. Двухъ сыновей, батюшка, безъ очереди въ некруты отдалъ, а теперя и третьяго отнимаетъ. Вчера, батюшка, послѣднюю коровушку со двора свелъ и хозяйку мою избилъ — вонъ его милость. (Онъ указалъ на старосту.).

— Гмъ!—произнесъ Аркадій Павлычъ.

— Не дай въ конецъ разориться, кормилецъ!

Г-нъ Пѣночкинъ нахмурился.—Что же это, однако, значитъ?—спросилъ онъ бурмистра вполголоса и съ недовольнымъ видомъ.

— Пьяный человѣкъ-съ, — отвѣчалъ бурмистръ, въ первый разъ употребляя „слово-еръ",—неработящій. Изъ недоимки не выходитъ вотъ ужъ пятый годъ-съ.

— Софронъ Яковлевичъ за меня недоимку взнесъ, батюшка,—продолжалъ старикъ,—вотъ пятый годочекъ пошелъ, какъ взнесъ, а какъ взнесъ—въ кабалу меня и забралъ, батюшка, да вотъ и...

— А отчего недоимка за тобой завелась?—грозно спросилъ г. Пѣночкинъ. (Старикъ понурилъ голову.) — Чай пьянствовать любишь, по кабакамъ шататься? (Старикъ разинулъ было ротъ.)— Знаю я васъ, — съ запальчивостью продолжалъ Аркадій Павлычъ,—ваше дѣло пить да на печи лежать, а хорошій мужикъ за васъ отвѣчай.

— И грубіянъ тоже, — ввернулъ бурмистръ въ господскую рѣчь.

— Ну, ужъ это само собой разумѣется. Это всегда такъ бываетъ; это ужъ я не разъ замѣтилъ. Цѣлый годъ распутствуетъ, грубитъ, а теперь въ ногахъ валяется.

— Батюшка, Аркадій Павлычъ, — съ отчаяніемъ заговорилъ старикъ,—помилуй, заступись,—какой я грубіянъ? Какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, невмоготу приходится. Не взлюбилъ меня Софронъ Яковличъ, за что не взлюбилъ — Господь ему судья! Разоряетъ въ конецъ, батюшка... Послѣдняго, вотъ, сыночка... и того... (На желтыхъ и сморщенныхъ глазахъ старика сверкнула слезинка.)—Помилуй, государь, заступись...

— Да и не насъ однихъ,—началъ было молодой мужикъ.

Аркадій Павлычъ вдругъ вспыхнулъ.

— А тебя кто спрашиваетъ, а? Тебя не спрашиваютъ, такъ ты молчи... Это что такое? Молчать, говорятъ тебѣ! молчать!.. Ахъ, Боже мой! да это, просто, бунтъ! Нѣтъ, братъ, у меня бунтовать не совѣтую... у меня... (Аркадій Павлычъ шагнулъ впередъ, да, вѣроятно, вспомнилъ о моемъ присутствіи, отвернулся и положилъ руки въ карманъ...) Je vous demande bien pardon, mon cher,—сказалъ онъ съ принужденной улыбкой, значительно понизивъ голосъ.—C'est le mauvais côté de la medaille... Ну, хорошо, хорошо,—продолжалъ онъ, не глядя на мужиковъ,— я прикажу... хорошо, ступайте. (Мужики не поднимались.)—Ну, да вѣдь я сказалъ вамъ... хорошо. Ступайте же, я прикажу, говорятъ вамъ.

Аркадій Павлычъ обернулся къ нимъ спиной. „Вѣчно неудовольствія", проговорилъ онъ сквозь зубы и пошелъ большими шагами домой. Софронъ отправился вслѣдъ за нимъ. Земскій выпучилъ глаза, словно куда-то очень далеко прыгнуть собирался. Староста выпугнулъ утокъ изъ лужи. Просители по-

стояли еще немного на мѣстѣ, посмотрѣли другъ на друга и поплелись, не оглядываясь, во-свояси.

Часа два спустя я уже былъ въ Рябовѣ и вмѣстѣ съ Анпадистомъ, знакомымъ мнѣ мужикомъ, собирался на охоту. До самаго моего отъѣзда Пѣночкинъ дулся на Софрона. Заговорилъ я съ Анпадистомъ о шипиловскихъ крестьянахъ, о г. Пѣночкинѣ, спросилъ его, не знаетъ ли онъ тамошняго бурмистра.

— Софрона-то Яковлевича?.. вона!

— А что онъ за человѣкъ?

— Собака, а не человѣкъ; такой собаки до самаго Курска не найдешь... Звѣрь—не человѣкъ; сказано: собака, песъ, какъ есть, песъ.

— Да что жъ они на него не жалуются!

— Экста! Барину-то что за нужда! Недоимокъ не бываетъ, такъ ему что? Да, поди ты,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія,—пожалуйся. Нѣтъ, онъ тебя... да, поди-ка... Нѣтъ, ужъ онъ тебя вотъ какъ, того...

Я вспомнилъ про Антипа и разсказалъ ему, что видѣлъ.

— Ну,—промолвилъ Анпадистъ,—заѣстъ онъ его теперь; заѣстъ человѣка совсѣмъ. Староста теперь его забьетъ. Экой безталанный, подумаешь, бѣдняга! И за что терпитъ... На сходкѣ съ нимъ повздорилъ, съ бурмистромъ-то, невтерпежъ, знать, пришлось... Велико дѣло! Вотъ онъ его, Антипа-то, клевать и началъ. Теперь доѣдетъ. Вѣдь онъ такой песъ, собака, прости, Господи, мое прегрѣшенье, знаетъ, на кого налечь. Стариковъ-то, что побогаче, да посемейнѣе, не трогаетъ, лысый чортъ, а тутъ вотъ и расходился! Вѣдь онъ Антиповыхъ-то сыновей безъ очереди въ некруты отдалъ, мошенникъ безпардонный, песъ, прости Господи, мое прегрѣшенье!"

Такимъ образомъ, крестьяне жили подъ вѣчнымъ страхомъ. Это настроеніе, въ теченіе долгихъ лѣтъ невольно ставшее для массы закрѣпощеннаго люда привычнымъ, не могло не повліять гибельно на духовное развитіе крестьянина. Точно сказочный Кощей, леденящій и мертвящій все живое, крѣпостное право мертвило (не только физически, но и духовно) тѣхъ, на кого простиралось его дѣйствіе. Вѣковое рабство лишало народъ возможности, а затѣмъ и способности и желанія разумно жить и свободно развиваться. „Сучокъ" (въ разсказѣ „Льговъ")—живая и яркая иллюстрація такого деморализующаго вліянія крѣпостного права. Имъ распоряжались, какъ вещью, лѣпили изъ него что хотѣли, и въ концѣ-концовъ, послѣ цѣлаго ряда экспери-

ментовъ, онъ сталъ вялымъ, апатичнымъ существомъ, болѣе похожимъ на манекенъ, чѣмъ на живого человѣка [1]). „Босоногій, оборванный и взъерошенный Сучокъ,—говоритъ Тургеневъ,—казался съ виду отставнымъ дворовымъ лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка?—спросилъ я.

— Лодка есть,—отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ,—да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась; да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда! — подхватилъ Ермолай: — паклей затянуть можно.

— Извѣстно, можно,—подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту...

— Скажи, пожалуйста,—началъ я,—давно ты здѣсь рыбакомъ?

— Седьмой годъ пошелъ,—отвѣчалъ онъ, встрепенувшись.

— А прежде чѣмъ ты занимался?

— Прежде ѣздилъ кучеромъ.

— Кто жъ тебя изъ кучеровъ разжаловалъ?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что насъ-то купила. Вы не изволите знать. Алена Тимофеевна, толстая такая... немолодая.

— Съ чего жъ она вздумала тебя въ рыболовы произвести?

— А Богъ ее знаетъ. Пріѣхала къ намъ изъ своей вотчины изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать, да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ... А потомъ и стала по порядку насъ разспрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: ты чѣмъ былъ? Говорю: кучеромъ. Кучеромъ? Ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, будь у меня рыболовомъ, и бороду сбрей. На случай моего пріѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь?.. Съ тѣхъ поръ, вотъ, я въ рыболовахъ и числюсь.— Да прудъ у меня, смотри, содержать въ порядкѣ... А какъ его содержать въ порядкѣ?

---

[1]) Ср. старика сторожа въ началѣ разсказа „Контора“.

— Чьи же вы прежде были?

— А Сергѣя Сергѣевича Пехтерева. По наслѣдствію ему достались. Да и онъ нами недолго владѣлъ, всего шесть годовъ. У него-то, вотъ, я кучеромъ и ѣздилъ... да не въ городѣ—тамъ у него другіе были, а въ деревнѣ.

— И ты смолоду все былъ кучеромъ?

— Какое все кучеромъ! Въ кучера-то я попалъ при Сергѣѣ Сергѣевичѣ, а прежде поваромъ былъ,—но не городскимъ поваромъ, а такъ, въ деревнѣ.

— У кого жъ ты былъ поваромъ?

— А у прежняго барина, у Афанасія Нефедыча, у Сергѣя Сергѣичина дяди. Льговъ-то онъ купилъ, Афанасій Нефедычъ купилъ, а Сергѣю Сергѣевичу имѣніе-то по наслѣдствію досталось.

— У кого купилъ?

— А у Татьяны Васильевны.

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вотъ, что въ запрошломъ году умерла, подъ Болховымъ... то бишь подъ Карачевымъ, въ дѣвкахъ... И замужемъ не бывала. Не изволите знать? Мы къ ней поступили отъ ея батюшки, отъ Василья Семеныча.

— Что жъ ты у ней былъ поваромъ?

— Сперва точно былъ поваромъ, а то и въ кофишенки попалъ.

— Во что?

— Въ кофи́шенки.

— Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфетѣ состоялъ, и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время былъ кофишéнкомъ?

— Нѣтъ, не все время: былъ и ахтеромъ.

— Неужели?

— Какъ же, былъ... на кеятрѣ игралъ. Барыня наша кеятръ у себя завела.

— Какія же ты роли занималъ?

— Чего изволите-съ?

— Что ты дѣлалъ на театрѣ?

— А вы не знаете? Вотъ, меня возьмутъ и нарядятъ: я такъ и хожу наряженый, или стою, или сижу, какъ тамъ придется.

Говорятъ: вотъ что говори,—я и говорю. Разъ слѣпого представлялъ... Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... Какъ же!

— А потомъ чѣмъ былъ?

— А потомъ опять въ повара поступилъ.

— За что же тебя въ повара разжаловали?

— А братъ у меня сбѣжалъ.

— Ну, а у отца твоей первой барыни ты чѣмъ былъ?

— А въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ.

— Доѣзжачимъ?.. И съ собаками ѣздилъ?

— Ѣздилъ и съ собаками, да убился: съ лошади упалъ и лошадь зашибъ. Старый-то баринъ у насъ былъ престрогій; велѣлъ меня выпороть да въ ученье отдать въ Москву, къ сапожнику.

— Какъ въ ученье? Да ты, чай, не ребенкомъ въ доѣзжачіе попалъ?

— Да лѣтъ, этакъ, мнѣ было двадцать слишкомъ.

— Какое же тутъ ученье въ двадцать лѣтъ?

— Стало быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ. Да онъ, благо, скоро умеръ,—меня въ деревню и вернули.

— Когда жъ ты поварскому-то ремеслу обучился?

Сучокъ приподнялъ свое желтенькое и худенькое лицо и усмѣхнулся.

— Да развѣ этому учатся?.. Стряпаютъ же бабы!

— Ну,—промолвилъ я:—видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку! Что жъ ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, коль у васъ рыбы нѣту?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что въ рыболовы произвели. А то вотъ другого, такого же, какъ я, старика—Андрея Пупыря—въ бумажную фабрику, въ черпальную, барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть... А Пупырь-то еще на милость надѣялся: у него двоюродный племянникъ въ барской конторѣ сидитъ конторщикомъ: доложить обѣщался объ немъ барынѣ, напомнить. Вотъ-те и напомнилъ!.. А Пупырь въ моихъ глазахъ племяннику-то въ ножки кланялся.

— Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?

— Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное!—никому не позволяла жениться. Сохрани

Богъ! Бывало, говоритъ: вѣдь живу же я такъ, въ дѣвкахъ, что за баловство! Чего имъ надо?

— Чѣмъ же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье!.. Харчи выдаются—и то слава Тебѣ, Господи! много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!"

Это „довольство", очевидно, есть результатъ испытанной ломки и граничитъ съ полной нечувствительностью къ тѣмъ впечатлѣніямъ, на основаніи которыхъ человѣкъ обычно опредѣляетъ объемъ и содержаніе своей личной и окружающей его общественной жизни: рабство гражданское приводитъ къ неизбѣжному своему слѣдствію — рабству духовному, и если указаніями на полную необезпеченность крестьянина, его страданія и несчастія, писатель будилъ „добрыя чувства" въ современникахъ, какъ будитъ ихъ и въ насъ, то яркимъ изображеніемъ его придавленности, забитости, порой близкихъ къ полному уничтоженію сознательной и активной дѣятельности, онъ наводилъ общество на мысль о страшномъ вредѣ для цѣлаго народнаго организма крѣпостного права, которое милліоны живыхъ людей превращало въ мертвецовъ и тѣмъ понижало и въ силѣ и въ качествѣ жизнь русскаго народа.

Такимъ образомъ, отжившая узкая точка зрѣнія пользы сословной, съ которой оцѣнивалось и защищалось крѣпостное право, смѣняется у писателя-человѣка взглядомъ глубоко-человѣчнымъ: для него нѣтъ „чеоэка" [1]), всѣ люди и всѣ братья; писатель-гражданинъ ратуетъ за свободную жизнь всѣхъ гражданъ, за сознательное и дѣятельное участіе всѣхъ членовъ въ работѣ народнаго организма. Вдумчивому и безпристрастному читателю становилось ясно, что Сучокъ и ему подобные, поневолѣ дѣлаясь простой рабочей силой въ родѣ лошади или другого домашняго животнаго, переставали быть людьми, и ихъ значеніе въ общей жизни народа было ничтожно; а такъ какъ ихъ—этихъ запряженныхъ въ крѣпостное ярмо рабовъ людей—были милліоны, то самый простой ариѳметическій расчетъ приводилъ къ итогамъ убѣдительнымъ и вмѣстѣ страшнымъ: жизнь цѣлыхъ милліоновъ русскихъ людей почти совершенно пропадала для русскаго народа, котораго въ сущности и не было.

Такъ, И. С. Тургеневъ показалъ „въ пестромъ калейдоскопѣ подъ всевозможными углами зрѣнія жалкую креатуру, которая

---

[1]) См. „Лебедянь".

возбуждаетъ въ зрителѣ то смѣхъ, то состраданіе, не имѣющую потребностей ни средствъ, блуждающую въ потемкахъ: и рядомъ съ рабомъ вырисовывается не менѣе жалкій манекенъ полуцивилизованнаго рабовладѣльца, въ сущности добраго малаго, но творящаго зло по невѣдѣнію, исковерканнаго фатальной средой... Крѣпостническая Россія ужаснулась, увидѣвши свое отраженіе въ подставленномъ зеркалѣ, и содрогнулась изъ конца въ конецъ". Дѣло, на защиту котораго выступилъ писатель-человѣкъ, „наполовину было выиграно".

ГЛАВА IV.

Сермяжные герои.

„Русскій народъ живъ, здоровъ и даже не старъ, напротивъ того, очень молодъ...

Прошлое русскаго народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее“.

А. Герценъ.

„Теперь,—писалъ М. Е. Салтыковъ въ 1862 году,—крѣпостное право какой-то тяжкій и страшный кошмаръ..., въ которомъ давящіе и давимые равно были ужасны“. Этими словами хорошо опредѣляется то впечатлѣніе, какое выноситъ читатель изъ художественнаго воспроизведенія крѣпостнической Россіи въ „Запискахъ Охотника“. Но страшныя тѣни загубленныхъ жизней и виновниковъ этой гибели, жертвъ и палачей, не составляютъ всей картины Тургенева; есть въ ней свѣтлые, бодрящіе тона,—болѣе того, есть дивныя, чарующія своей неземной красотой, созданія. Творческій геній и „святое горячее сердце“, соединившись въ великой душѣ писателя, сумѣли найти и извлечь изъ тайниковъ многострадальной народной души, изъ-подъ язвъ и струпьевъ „отвратительнаго недуга“ то здоровое и вѣчно юное, что сохранилось въ русскомъ народѣ, какъ ни душили его „крѣпостныя цѣпи“, ту „силу нездѣшнюю“, что не давала погибнуть человѣческому въ этомъ „звѣрѣ“, хотя безчеловѣчное отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ на протяженіи вѣковъ и грозило, казалось, привести народный организмъ къ духовной смерти. И. С. Тургеневъ такъ близко и просто, по-братски подошелъ къ людямъ-рабамъ, что ему открылась въ нихъ та поэзія, „пониманіе которой при непосредственномъ созерцаніи ускользаетъ отъ большинства людей, не одаренныхъ исключительно сильной по-

этической воспріимчивостью, а въ данной передачѣ между тѣмъ открывается само собой самому невпечатлительному человѣку“. Вотъ эти-то чудныя поэтическія пѣсни, эта „дивная музыка доселѣ небранныхъ струнъ—„русскихъ струнъ“ „русской правдивой, горячей души“ („Пѣвцы“),—и будутъ предметомъ дальнѣйшаго изложенія; но предварительно нѣсколько словъ, чтобы выяснить raison d'être этихъ пѣсенъ и этой музыки въ „Запискахъ Охотника“.

Въ картинахъ и типахъ „старой Руси“, нами уже обслѣдованныхъ, Тургеневъ правдиво изобразилъ русскую жизнь, какъ она сложилась въ условіяхъ тираніи и рабства. Объективный художникъ, онъ не оттѣнялъ искусственно того, отъ чего болѣла и ныла его правдивая, горячая душа, и однако его скорбь и тоска силою непосредственнаго впечатлѣнія отъ живыхъ образовъ передались русскому обществу, и оно—въ лучшихъ его членахъ—проникло́сь состраданіемъ къ рабу и негодованіемъ противъ деспота. Первая половина пути къ той цѣли, достигнуть которой клялся юноша—Тургеневъ, была сдѣлана: позорное равнодушіе было нарушено: „всколыхнулось болото стоячее“. Но ограничиться изображеніемъ только „мертвецовъ“ значило бы остановиться на полпути, не сдержать „аннибаловской клятвы“. Тургеневъ клятвы не нарушилъ.

Критика, какъ ни необходима она, не составляетъ всего, за ней слѣдуетъ болѣе трудная и болѣе важная работа созиданія. Вспомнимъ великаго критика русской жизни, нашего „великаго меланхолика“,—Гоголя. Несравненный, безпощадный анатомъ, онъ въ своихъ произведеніяхъ (особенно „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“) вскрылъ на всенародныя очи болѣзни и язвы русскаго общества, и однако, по справедливому выраженію Ап. Григорьева „можетъ быть, никто не полонъ такъ сознанія о прекрасномъ человѣкѣ, какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и потому ни одинъ писатель не обдаетъ души такой тяжелой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомъ, разнимаетъ человѣка“. „Что пользы,—писалъ Гоголь Жуковскому,—поразить позорнаго и порочнаго, выставя его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеалъ ему противоположнаго? Какъ выставлять недостатки и недостоинство человѣческое, если не задалъ самому себѣ запросъ: въ чемъ же достоинство человѣка? и не далъ на это себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта? Какъ осмѣивать исключенія, если еще не узналъ хорошо тѣ правила,

изъ которыхъ выставляешь на видъ исключенія? Это будетъ значитъ разрушить старый домъ прежде, чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушеніе; въ искусствѣ таятся сѣмена созданія, а не разрушенія". И Тургеневъ, во исполненіе своей „аннибаловской клятвы" бороться до конца съ крѣпостнымъ правомъ, не могъ и не долженъ былъ останавливаться только на художественномъ воспроизведеніи убогой крѣпостнической русской дѣйствительности въ видѣ „жалкой креатуры раба и не менѣе жалкаго манекена полуцивилизованнаго рабовладѣльца". „Мало показать общественную язву, мало сдѣлать ее очевидною для всѣхъ, это только часть работы. Нужно еще найти въ защищаемомъ элементѣ задатки лучшаго будущаго", нужно показать эту „черноземную силу" во всей ея, вѣками нетронутой, цѣльности, поднять цѣлину народной жизни и, путемъ творческаго возсозданія ея въ художественныхъ реальныхъ типахъ, дать убѣдиться всѣмъ, что, будь другія условія, народная нива дала бы высокой цѣнности произрастенія. И Тургеневъ съ честью разрѣшилъ эту трудную и отвѣтственную задачу „возсозданія русскихъ людей".

„Жилъ ты,—говоритъ поэтъ, обращаясь къ И. С. Тургеневу,—
И вѣрилось въ русскую силу,
Вѣрилось въ русской души красоту"

„Неумирающее значеніе „Записокъ Охотника" въ томъ именно и состоитъ, что онѣ даютъ намъ здоровые народные типы, прямо выхваченные изъ жизни и не созданные въ угоду какой-либо тенденціи" (Венгеровъ). На ряду съ „жалкими креатурами"— рабами Тургеневъ показываетъ намъ среди простолюдиновъ нетронутыя натуры съ цѣльной, самобытной и богатой психической организаціей, доказывая тѣмъ самымъ способность русскаго народа къ культурному развитію и право на свободное человѣческое существованіе.

Теперь кажется страннымъ, что надо было доказывать такую истину, какъ *человѣкъ есть человѣкъ*; да, съ трудомъ вѣрится этому, но преданіе еще свѣжо о тѣхъ людяхъ, которые были убѣждены, что „у мужиковъ психическія движенія совершаются по другимъ законамъ, чѣмъ у людей вообще", которые не хотѣли видѣть въ крѣпостномъ человѣка и ставили его въ разрядъ вещей. „Я не понимаю,—говорилъ Николай I въ 1847 г. депутатамъ смоленскаго дворянства, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить это иначе, какъ хитростью и

обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ съ другой". „Мои люди", „мои крестьяне", „мои рабы", „мои холопы", „хамы", „подданные" и т. п. выраженія—совершенно обычныя въ тогдашнемъ помѣщичьемъ разговорномъ языкѣ для опредѣленія установившихся отношеній между помѣщиками—„даровыми полицеймейстерами" (по выраженію импер. Павла) и крестьянами—„крещеной собственностью",—отношеній, которыя узаконялись цѣлымъ рядомъ указовъ, гдѣ встрѣчаемъ такія выраженія, какъ: „крестьянамъ быть вѣчно за тѣмъ, за кѣмъ записаны" или: „владѣльцамъ владѣть ими (крестьянами) вѣчно",—а владѣютъ вѣдь только вещью. Въ одномъ указѣ 1792 года читаемъ, что купчія на крѣпостныхъ пишутся и совершаются со взятіемъ пошлинъ, „какъ и на прочее недвижимое имѣніе". Такъ,

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственно лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
неумолимаго владѣльца,
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей питать въ душѣ не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ для прихоти
развратнаго злодѣя.
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

„До какихъ чудовищныхъ размѣровъ могло доходить у дурныхъ помѣщиковъ опьянѣніе патріархальнымъ крѣпостнымъ самовластіемъ, можно судить по слѣдующему образчику: „Малоархангельскій помѣщикъ Михаилъ М—невъ запрягъ свою голую жену въ тарантасъ, а дѣвокъ, тоже голыхъ, на пристяжку, и на выносъ, да и поѣхалъ на сѣнокосъ, гдѣ велѣлъ всѣхъ голыхъ дѣвокъ и жену на кордѣ гонять. Подвернулся женинъ братъ, медикъ, онъ его до полусмерти изсѣкъ на конюшнѣ и челюсть проломилъ ему". Этотъ дикій человѣкъ въ концѣ-концовъ былъ „преданъ суду: за разореніе крестьянъ, за вынужденіе крестьянскихъ женъ и дочерей къ разврату и за жестокое обращеніе какъ съ ними, такъ и съ женою своею, которую онъ травилъ собаками, выворачивалъ ей руки, вырвалъ ей всѣ волосы съ головы и ударами раздробилъ челюсть". И такихъ извер-

говъ-помѣщиковъ было не мало въ средѣ рабовладѣльцевъ. Въ рѣчи Николая I, сказанной дворянамъ въ 1848 году, есть такой—неизвѣстно на чемъ основанный, но врядъ ли сгущающій краски—подсчетъ: „На 50 дворянъ 15 хорошихъ, 25 порядочныхъ, 10 негодныхъ“, т.-е. 20%.

Этотъ строй жизни, какъ и его представители и защитники, стонами и кровью жертвъ оставившіе по себѣ страшную память въ потомствѣ, не могли пройти незамѣченными общественной совѣстью современниковъ, и наиболѣе чуткіе изъ нихъ—писатели (Фонвизинъ, Новиковъ, Радищевъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ)—осудили крѣпостничество, какъ позорнѣйшее зло русской жизни, а крѣпостниковъ—какъ безчеловѣчныхъ виновниковъ этого зла, какъ тирановъ,

Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,
Кому закономъ былъ отцовъ законъ.

Но дѣйствіе этой художественно-литературной репродукціи „отвратительнаго недуга“ въ значительной мѣрѣ парализовалось состояніемъ нашего общества въ ту пору: „Наша литература безъ публики, писалъ въ 1842 году Бѣлинскій, потому что наша публика что-то загадочное: одинъ читалъ Пушкина, другой въ восторгѣ отъ г. Бенедиктова, третій былъ безъ ума отъ мистеріи г. Тимофеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлинскаго, а третій не знаетъ ничего лучше романовъ Зотова и Воскресенскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и „Гамлету“ и водевилямъ г. Коровкина, и „Парашѣ“ г. Полевого. И не думайте, чтобы это были люди разныхъ сферъ и классовъ общества—нѣтъ, они всѣ перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ...“ И если для кого, то именно для „сермяжныхъ героевъ“, рабовъ въ жизни, не пришло еще время литературнаго гражданства, и стоило только показаться мужику на страницахъ прогрессивныхъ изданій, какъ съ разныхъ сторонъ раздались голоса: словесность „провоняла отъ запаха полушубковъ“. Родоначальникъ „народнической литературы“ Д. В. Григоровичъ, едва сдѣлалъ первый шагъ по направленію къ „меньшому брату“ (повѣсть „Деревня“), былъ осмѣянъ въ одномъ изъ журналовъ, который помѣстилъ карикатуру, изображавшую новатора-писателя въ видѣ человѣка, роющагося въ навозной кучѣ и политого помоями. Очевидно, для обличителей крѣпостничества и защитниковъ народной воли еще не было подходящей аудиторіи: ее надо было создать; до тѣхъ поръ ли-

тературныя обличенія помѣщичьей тираніи совершенно тонули въ крикливой и безпорядочной разноголосицѣ, какая поднялась въ средѣ „блюстителей порядка", какъ только заявлено было правительствомъ намѣреніе освободить крестьянъ отъ опеки „отцовъ-благодѣтелей". „Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага" (Бѣлинскій), они, будучи призваны къ рѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не только не хотѣли признавать этотъ актъ справедливости необходимымъ, но и отрицали самую его возможность и законность. Въ основѣ этого отрицанія лежалъ „шкурный" страхъ передъ утратой привилегіи на личность и трудъ „крещеной собственности". „Тѣ изъ дворянъ нашихъ,—писалъ Заблоцкій-Десятовскій въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ, предпринятой въ концѣ 30-хъ годовъ (по порученію министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева) для ознакомленія съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ,—кои стоятъ низко на степени образованія, видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія. Они не проникаютъ въ глубь вопроса, знаютъ только, что въ ихъ власти находятся люди, которые должны имъ работать даромъ, что наемнику надо было бы платить наличными деньгами, межъ тѣмъ какъ крѣпостному предоставляется только средство къ выручкѣ денегъ, т.-е. земля. Въ глазахъ такихъ дворянъ это всегда выгоднѣе и, разумѣется, легче. Притомъ весьма много льститъ чувство власти, къ которой такъ привыкъ нашъ дворянинъ. Все это вмѣстѣ поддерживаетъ во многихъ убѣжденіе, что крѣпостное право не только необходимо, какъ установленіе законное, временемъ освященное, но какъ неотъемлемое право дворянства и средство къ поддержанію его состоянія" [1].)

---

[1]) Яркой иллюстраціей къ такого рода сужденіямъ служитъ картина съ натуры, набросанная П. И. Якушкинымъ въ одномъ изъ его „Очерковъ". „Разсказывая о впечатлѣніи, произведенномъ рескриптомъ 20 ноября 1857 г., Якушкинъ передаетъ такую сцену, бывшую у одной провинціальной помѣщицы:

— Да что же это значитъ?—спрашиваетъ эта барыня, когда ей прочитали рескриптъ.

— Уничтожается крѣпостное право,—отвѣчали ей.

— А крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ? Крѣпостныхъ совсѣмъ не будетъ?

— Совсѣмъ не будетъ.

— Ну, этого я не хочу!—объявила барыня, вскочивъ съ дивана. Всѣ посмотрѣли на нее съ недоумѣніемъ.

— Рѣшительно не хочу! Поѣду сама къ государю и скажу: я скоро

Эти доводы и эти „убѣжденія“ раздѣлялись громаднымъ большинствомъ душевладѣльцевъ, но развѣ только Простаковы и Скотинины были такъ наивны, что вѣрили въ незыблемую мощь и вѣчное торжество „вольности дворянства“; только для нихъ барское „не хочу“ представлялось совершенно достаточнымъ для того, чтобы все оставалось по закону отцовъ, и только они, какъ Сильванъ въ извѣстной сатирѣ Кантемира, продолжали думать, что „доводъ и порядокъ въ словахъ подлыхъ есть дѣло, а знатнымъ полно утверждать или отрицать смѣло“. Люди, хоть сколько-нибудь мыслившіе, понимали, что одного отрицанія недостаточно, что все растущей и все надвигающейся волнѣ освободительнаго движенія должна быть противопоставлена прочная искусственная преграда, иначе они будутъ снесены ею. И вотъ апологеты рабства и кнута пытаются „хитрость и обманъ“ возвести въ норму жизни, „отвратительный недугъ“ оправдать соображеніями государственной безопасности и народнаго здоровья, „позорному ярму“ усвоить достоинство „отеческой власти“. Такіе теоретики крѣпостного безправія народныхъ массъ „убѣждены, говоритъ Заблоцкій-Десятовскій,—что уничтоженіе крѣпостного состоянія будетъ гибельно для государства“. „Какъ,—говорятъ они,—предоставить людей этихъ самимъ себѣ, когда они и подъ нашей властью не имѣютъ порядочной нравственности, да они всѣ сопьются и пропадутъ“. Нѣкоторые говорятъ: „просвѣтите сперва крестьянъ, а потомъ и освободите“. Другіе говорятъ: „рабы суть младшіе братья человѣчества, надъ которыми нужна еще строгая и близкая отеческая власть. Свобода имъ вредна, какъ дѣтямъ“. Совершенно въ тонъ этой доморощенной апологіи „шкурныхъ“ интересовъ, Мардарій Аполлонычъ („Два помѣщика“) по поводу установившейся системы воспитательныхъ воздѣйствій спокойно заявляетъ изумленному охотнику: „Что вы, молодой человѣкъ, что вы? Что я злодѣй, что ли, что вы на меня такъ уставились? Любяй да наказуетъ: сами вы знаете“. А г. Пѣночкинъ, Аркадій Павлычъ („Бурмистръ“), съ какимъ-то умиленіемъ говоритъ о себѣ, что онъ „строгъ, но справедливъ,

---

умру, послѣ меня пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ, а пока я жива, я этого не хочу!

— Какъ, у меня отнимать мое!—разсуждалъ другой помѣщикъ.—Вѣдь я человѣкомъ владѣю; мнѣ мой Ванька приноситъ оброку въ годъ по пятидесяти цѣлковыхъ. Отнимутъ Ваньку, кто мнѣ за него заплатитъ, да и кто его цѣнить будетъ?“

(См. Гр. Джаншіева. „Эпоха великихъ реформъ“, 9 изд., стр. 24—25.)

о благѣ подданныхъ печется и наказываетъ ихъ—для ихъ же блага". „Съ ними надо обращаться, какъ съ дѣтьми: невѣжество, mon cher, il faut prendre cela en considératon". Болѣе тонкіе „цѣнители и судьи", соглашаясь признать, что крѣпостной строй въ своихъ основахъ несправедливъ, находили однако преждевременной его замѣну „братствомъ, равенствомъ, свободой". „До сего времени писалъ одинъ харьковскій помѣщикъ, несмотря на злоупотребленія помѣщики были для правительства лучшими полицеймейстерами и блюстителями порядка". Это для него „неоспоримо", а отсюда заключеніе, высказанное другимъ—тамбовскимъ помѣщикомъ: „Стѣснить права напыщеннаго барства пора, но уничтожить крѣпостное право рано, очень рано". Какъ „будто барщина честнѣй свободнаго труда", какъ будто можетъ быть преждевременно то, что справедливо. „Противъ этого софизма" („хорошо, да не во время"), скажемъ словами корифея судебной реформы С. И. Заруднаго,—софизма, „который сдѣлалъ много зла на свѣтѣ, можно сказать одно только: если изложенныя основанія правильны, то они благовременны. Трудно думать, продожаетъ онъ, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены для дурного и не зрѣли для хорошаго... Правильный законъ *никогда* не сдѣлаетъ зла: онъ тотчасъ пуститъ глубокіе корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія народа".

Какъ бы то ни было, о мужикѣ стали говорить и тѣ, кто раньше не удостоивалъ его даже чести личнымъ распоряженіемъ отослать на конюшню для порки (Пѣночкинъ: „Насчетъ Ѳедора распорядиться..."). Правда, въ рѣчахъ Пѣночкиныхъ и Звѣрковыхъ всякаго рода мужикъ неизмѣнно являлся „звѣремъ", или, въ лучшемъ случаѣ, дикимъ, неразумнымъ ребенкомъ; но для „Иванушки-дурачка" и то было цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, что стали *доказывать* то, что онъ дуракъ, такъ какъ до сихъ поръ это считалось нетребующимъ никакихъ доказательствъ. Его когда-то гнушались, и на дворъ не пускали, развѣ только на конюшню, а теперь „и въ роскошныхъ палатахъ и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ—вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ" („Сѣв. Почта"). Потомъ изъ гостиныхъ его вывели на широкую арену печатнаго слова и, такимъ образомъ, не безъ содѣйствія самихъ господъ рабъ получилъ доступъ въ литературу. Писателю-народнику открылась высокая миссія воз-

становленія человѣческаго достоинства въ крѣпостномъ крестьянинѣ: загорался,

тѣни рабства гоня,
Нѣжный лучъ восходящаго дня.

Такъ, мы подошли къ опредѣленію положительной задачи автора „Записокъ Охотника“. Тургеневу надлежало показать, что „простой русскій человѣкъ умѣлъ остаться человѣкомъ и при самомъ нечеловѣческомъ положеніи“, что эти „дѣти“ таятъ въ глубинахъ своихъ душъ могучіе родники духовной, умственной и нравственной мощи, которая, если ей дать свободу, сдѣлаетъ ребенка-народъ гражданиномъ, и не только для своей дворни,—для всего русскаго закрѣпощеннаго народа Тургеневъ явился „ангеломъ“, „заступникомъ“, потому что, „читая „Записки охотника“, скажемъ словами историка новѣйшей русской литературы, русскіе читатели впервые видѣли въ мужикахъ не двуногое рабочее стадо, а живыхъ людей, братьевъ своихъ по человѣчеству, и пріучались любить ихъ, принимать горячее участіе въ ихъ судьбѣ“.

„Въ „Запискахъ Охотника“ вы въ одномъ томѣ имѣете передъ собою всю крестьянскую жизнь съ ея печалями и немногими радостями. Вы видите, какъ формируются народныя повѣрья, какъ складываются народныя понятія, какъ образуется, однимъ словомъ, народное міросозерцаніе. Вы видите долготерпѣніе русскаго народа, его пассивное геройство, его угрюмое добродушіе и мягкосердечіе. Всматриваясь внимательнѣе, вамъ нетрудно замѣтить его смышленость, здравый умъ и способность образоваться. Всѣ эти качества мелькаютъ передъ вами во время чтенія „Записокъ Охотника“, и въ концѣ ихъ вы уже имѣете весьма ясное представленіе о нравственной физіономіи настоящей „черноземной“ силы. Вы начинаете любить эти неказистыя фигуры, потому что подъ непредставительной ихъ наружностью кроется богатѣйшій запасъ природныхъ силъ“ (Венгеровъ). Сгруппировать эти положительные типы русскаго крестьянства въ „Запискахъ Охотника“ и опредѣлить существенныя особенности наиболѣе значительныхъ и характерныхъ изъ нихъ и составляетъ задачу дальнѣйшаго изложенія.

Пользуясь терминологіей самого автора, можно все разнообразіе этихъ типовъ свести къ двумъ основнымъ группамъ, которыя намѣчены и охарактеризованы въ первомъ же очеркѣ „Хорь и Калинычъ“: одна группа—это натуры практическія, люди

здраваго смысла, грубаго, но крѣпкаго и яснаго ума (Бѣлинскій), раціоналисты; другая—натуры поэтическія, идеалисты, романтики, люди восторженные и мечтательные. Такое дѣленіе отнюдь не можетъ быть названо искусственнымъ пріемомъ художника; нѣтъ, оно глубоко правдиво, жизненно и обличаетъ въ авторѣ его тонкаго наблюдателя русской дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ русскаго крестьянина въ крѣпостномъ состояніи и подумайте, какъ должна была выразиться духовная жизнь тѣхъ даровитыхъ, сильныхъ натуръ, которыя при всей тяжести помѣщичьяго гнета не теряли своего человѣческаго достоинства, своей индивидуальности. Очевидно, возможны только два исхода изъ такого положенія: или подчинить себѣ силою воли и ума людей и жизнь, отвоевать себѣ у нихъ свободное—если не юридически, то фактически, какъ Хорь—существованіе; или уйти отъ людей и жизни и, не переставая вѣрить въ человѣка и жизнь вообще, создать себѣ новый идеальный міръ и въ немъ и имъ жить. Познакомимся теперь съ наиболѣе видными представителями той и другой группы.

I.

„Раціоналистъ“.

„Клейменый, да не рабъ!..“
Н. А. Некрасовъ.

Типическимъ представителемъ людей трезваго, практическаго ума и стойкой, цѣпкой воли является Хорь. „Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ“. Хорь—„мужикъ умный“, по словамъ его помѣщика Полутыкина; онъ человѣкъ „себѣ на умѣ“, по отзыву охотника, но—не въ смыслѣ той „скверной практичности“, которая въ общежитіи выражается, какъ умѣнье жить насчетъ другихъ, хотя бы этимъ другимъ жилось и безъ того плохо. „Онъ настолько практиченъ, чтобы не позволять себя эксплоатировать разнымъ гг. Полутыкинымъ. Онъ не желаетъ лишь оставаться въ дуракахъ, примѣнять свою доброту къ ненадлежащему мѣсту“. Хорь—это (выражаясь словами Гоголя) „крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, который сродни уму нашихъ пословицъ, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ“. Долгимъ и горькимъ опытомъ цѣлыхъ поколѣній, совершенно достаточнымъ для вполнѣ опредѣленныхъ выводовъ, русскій здравомыслящій простолюдинъ пришелъ къ мысли о томъ, что, оставаясь въ крѣпостной крестьянской общинѣ, крестьянинъ является только звеномъ въ цѣпи, которою всецѣло владѣетъ и распоряжается помѣщикъ. Круговая порука, которою былъ связанъ крестьянскій крѣпостной міръ и вслѣдствіе которой каждый членъ общины отвѣчалъ не только за себя, но и за своихъ сочленовъ, была очень удобна и выгодна для господъ, такъ какъ ею облегчалось и упрощалось до возможной степени рѣшеніе задачи „содрать“ какъ можно больше,—но безусловно гибельна для крестьянъ, затягивая ихъ нерѣдко мертвой петлей всевозможныхъ обязательствъ. Хорь и рѣшилъ снять съ себя эту петлю,

уйти отъ „міра“: онъ поселился на болотѣ, обязавшись платить барину хорошій оброкъ подъ условіемъ „ни въ какую работу не употреблять“ его.—Хорь откупился отъ г. Полутыкина, которому чечевичная похлебка, очевидно, была дороже первенства,—такова сила экономическаго фактора, неуклонно, хотя и медленно, приводившаго институтъ рабства къ внутреннему саморазложенію.

Но въ томъ же направленіи дѣйствовали несомнѣнно и „громадныя силы“, „угрюмо покоившіяся“ дотолѣ въ „томъ исполинѣ, какой выходитъ только изъ русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна, становится вдругъ другимъ“. Освобожденіе Хоря отъ крѣпостныхъ цѣпей,—хотя бы только фактическое, а не юридическое,—скоро же сказалось въ такихъ фактахъ, которые непререкаемо ясно доказывали право Хоря на свободную жизнь по закону. Вполнѣ естественно, что результаты этого освобожденія, которое для Хоря можно опредѣлить, главнымъ образомъ, какъ независимость хозяина въ хозяйствѣ, особенно рѣзко сказались именно со стороны экономической же: Хорь „разбогатѣлъ“, т.-е. „обстроился, накопилъ денжонку“. „Посреди лѣса на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами“. Главная изба выдѣлялась особымъ навѣсомъ, а внутри пріятно поражала чистотой и достаткомъ. „Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу, передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ, теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ“... Достатокъ сказывается всюду въ этой „одинокой усадьбѣ“, и его съ удовольствіемъ наблюдаетъ писатель, который позднѣе, съ какой-то прямо материнской радостью, созерцалъ „довольство, покой, избытокъ русской вольной деревни“. „Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ“...

Не удивительно, что, живя въ такихъ условіяхъ, обитатели усадьбы на болотѣ всѣ отличались здоровьемъ. „Хорь расплодилъ большое семейство“, и „хорьки“ выглядѣли „молодыми великанами“; отъ нихъ такъ и вѣяло здоровой силушкой молодецкою, которая энергично проступала наружу, сказываясь то „бѣлыми, какъ снѣгъ зубами“, то кудрями волосъ, то краснотою

щекъ. Читая описаніе усадьбы Хоря, получаешь впечатлѣніе, какъ будто сильное дерево, дотолѣ придавленное, освободилось отъ давившаго его тяжелаго гнета: оно сразу поднялось, быстро выпрямилось, стало сочнымъ и мощнымъ, а вокругъ него,

Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разраслась.

И, подъ дѣйствіемъ этого впечатлѣнія, сама собой является мысль что здорово, сильно, жизнеспособно крестьянство, какъ бы ни гнула, ни ломала крестьянина крѣпостная неволя,—что

Ни работою,
Ни вѣчною заботою,
Ни игомъ рабства долгаго,
Ни кабакомъ своимъ
Еще народу русскому
Предѣлы не поставлены—

не только въ дѣлѣ личнаго совершенствованія и организаціи семейной жизни, но и въ болѣе широкой и важной сферѣ государственнаго творчества. Какъ бы мимоходомъ Тургеневъ захватываетъ и эту сторону крѣпостническаго режима и на примѣрѣ Хоря доказываетъ нелѣпость взгляда, отрицающаго право крестьянина на свободное гражданство. „Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное"; это „единодушіе" въ ту пору, когда насиліе и гнетъ царили всюду и связанные съ ними разладъ и борьба изъ области государственныхъ отношеній переходили въ семью, сказываясь здѣсь кулачнымъ правомъ сильныхъ и совершеннымъ порабощеніемъ слабыхъ,—это „единодушіе" служитъ доказательствомъ наличности въ „подломъ" состояніи той организаторской способности, которую за нимъ совершенно не хотѣли признавать господа, считавшіе себя единственными „блюстителями порядка". Но запросы „административной головы", какъ называетъ охотникъ Хоря, шли далѣе обычной семейной обстановки. „Хорь насквозь видѣлъ г. Полутыкина", а съ охотникомъ говорилъ „о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ" въ такомъ тонѣ, что „какъ то странно выходило" и помѣщику „становилось совѣстно"... за свои рѣчи: онѣ были такъ легковѣсны съ точки зрѣнія опытнаго хозяина, не даромъ Хорь, „все какъ будто соглашавшійся" съ бариномъ, на прощанье уже не двусмысленно иронизируетъ и даетъ ему совѣтъ „стрѣлять себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣнять почаще"—нехитрый способъ разрѣшенія большинствомъ по-

мѣщиковъ политико-экономическихъ вопросовъ, возникшихъ на почвѣ крѣпостническихъ отношеній. Хорю смѣшны такіе господа, какъ Полутыкинъ, потому что онъ хорошо понимаетъ, что силою вещей господская воля выродилась въ самовластье старосты которое барину не выгодно, а мужику крайне тягостно. Заслуженная укоризна, справедливый приговоръ дикому барству и вмѣстѣ глубокая грусть сильной души слышатся въ ироническомъ совѣтѣ Хоря, точно онъ хотѣлъ сказать: „Эхъ баринъ, баринъ! смѣшно вѣдь и стыдно вамъ такъ жить, а намъ-то каково! Ты вотъ стрѣляешь себѣ въ свое удовольствіе тетеревовъ да старостъ мѣняешь, а мы „замучены совсѣмъ“, „разорены въ конецъ“... Вѣдь вотчины то только числятся за вами, вѣдь не вы ими владѣете (ср. „Бурмистръ“); такъ какая же прибыль вамъ отъ нашихъ мукъ и страданій?!..“ Такъ, понятной становится теперь эта, на первый взглядъ не идущая къ Хорю, даже какъ будто сентиментальная, подробность, о которой не случайно сообщаетъ охотникъ въ концѣ разсказа: „Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „Доля ты моя, доля!“ Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю“... Зато, „въ другое время не было человѣка дѣятельнѣе его“; тогда Хорь знаетъ себѣ цѣну и въ спокойно-насмѣшливой рѣчи его, когда онъ подводитъ итоги „старому порядку“, этотъ позорный пережитокъ представляется,—не говоря уже о дикости и безчеловѣчности,—чѣмъ то нелѣпымъ и безсмысленнымъ, что совершенно и навсегда утратило свою „raison d'être“. „Совѣстно становилось“ человѣку-писателю за свою принадлежность къ сословію господъ; а въ „административной головѣ“ напряженно работала мысль, изслѣдуя и формулируя пути къ иной, свободной жизни, къ инымъ, болѣе разумнымъ и человѣчнымъ, формамъ государственности. Общія основанія этой новой жизни Хорю ясны: „братствомъ, равенствомъ, свободой называются они“; но его глубоко интересуетъ реальное воплощеніе этихъ началъ въ опредѣленныхъ законахъ и учрежденіяхъ, которыхъ напрасно было бы искать у себя дома. „Узналъ онъ, разсказываетъ охотникъ, что я бывалъ за границей, и любопытство его разгорѣлось... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ

зданій, большихъ городовъ, Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку:— „Что, у нихъ это тамъ есть такъ же, какъ у насъ, аль иначе?.. Ну, говори, батюшка,—какъ же?..—„А! ахъ, Господи, Твоя воля!“ восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа; Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что „дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ“.— Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и не зачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели,—убѣжденіе, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ, и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо-то ему и нравится, что разумно—то ему и подавай, а откуда оно идетъ ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ“...

Эту умѣлую постановку вопросовъ, этотъ порядокъ въ нихъ, эту „простую, умѣлую рѣчь русскаго мужика“ Тургеневъ справедливо ставитъ въ связь съ „исключительностью положенія Хоря“: „благодаря своей фактической независимости Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другого рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положеніе“. Непредубѣжденному читателю остается только изъ данныхъ, добытыхъ авторомъ, построить выводъ: Хорь, „понималъ свое положеніе“ и „просто и умно“ говорилъ, потому что былъ фактически независимъ; слѣдовательно, а) надо быть свободнымъ, чтобы понимать и в) тотъ кто „понимаетъ свое положеніе“, имѣетъ право дѣйствовать согласно съ своими убѣжденіями, т.-е. свободно; слѣдовательно, русскій крѣпостной крестьянинъ не дитя неразумное, чтобы нуждаться въ „отеческой власти“, онъ—совершеннолѣтній и долженъ быть свободнымъ, отвѣтственнымъ за свои слова и дѣйствія, гражданиномъ. Это совершеннолѣтіе „вчерашняго раба— одинъ изъ основныхъ догматовъ того „символа вѣры“, который исповѣдывали „кузнецы-граждане“, ковавшіе крестьянскую реформу. „Я не боюсь послѣдовательной реакціи“, писалъ 19 мая 1861 года одинъ изъ славныхъ дѣятелей крестьянской реформы, Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. А. Милютину. „Чтобы убѣдиться въ ея

невозможности,—продолжаетъ Самаринъ,—достаточно бросить бѣглый взглядъ на народъ; онъ—безъ преувеличенія—преобразился съ ногъ до головы. Новое положеніе развязало ему языкъ и разорвало окружавшій его заколдованный кругъ. Его языкъ, манеры, походка—все измѣнилось. Сегодня онъ не рабъ; вчера лишь освобожденный, онъ выше государственнаго крестьянина, конечно, не въ экономическомъ отношеніи, а какъ гражданинъ, сознающій, что у него есть права, которыя онъ долженъ и можетъ защищать самъ... Бывшій крѣпостной, при столкновеніи съ помѣщикомъ, думаетъ про себя: посмотримъ, чья возьметъ, на чью сторону станетъ правительство. Въ этой борьбѣ за право крестьянинъ впервые является, какъ субъектъ права, независимый и свободный отъ опеки. Такимъ путемъ должно совершаться его гражданское воспитаніе".

Честь и слава писателю, который въ „подавленныхъ и трепетныхъ рабахъ" увидѣлъ людей—гражданъ и художественной репродукціей крѣпостного быта доказалъ право „вчерашняго раба" быть свободнымъ членомъ свободнаго государства.

Таковъ Хорь—человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ.

II.

„Богатырь сермяжный“.

Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ...
А. В. Кольцовъ.

Всегда оставаясь строго объективнымъ художникомъ, Тургеневъ тщательно обрисовываетъ типъ „человѣка положительнаго“; но личныя симпатіи писателя влекутъ его къ тѣмъ образамъ, которые ближе подходятъ подъ идеальный складъ его глубоко-поэтической натуры. Такихъ образовъ больше среди положительныхъ типовъ „Записокъ Охотника“, любовно и нѣжно чертитъ ихъ художникъ своей творческой кистью, и тѣснятся они въ нашу душу какой-то сладкой и вмѣстѣ грустной, страстной мелодіей.

Вотъ Бирюкъ,—типъ, въ которомъ есть черты, сближающія его и съ энергичными и дѣятельными натурами, и съ мечтательными идеалистами.

„Я ѣхалъ съ охоты, вечеромъ, одинъ,—разсказываетъ И. С. Тургеневъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли... Дорога вилась передо мною, между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ... Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями“... Въ такихъ обстоятельствахъ встрѣчаетъ Тургеневъ лѣсника Ѳому, по прозвищу „Бирюка“.

„Рѣдко мнѣ случалось, говоритъ онъ видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ

подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною"...

Не знаю какъ вамъ, а мнѣ этотъ угрюмый великанъ напомнилъ другой художественный образъ; мнѣ вспоминается „Бова-силачъ" Кольцова, и невольно просится въ голову сближеніе, хочется сказать вмѣстѣ съ Кольцовымъ этому русскому богатырю-страдальцу:

Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами...

Природа мать щедро наградила тебя силушкой молодецкою. Эта мощь—духовная и физическая—невредимымъ пронесла тебя на протяженіи тысячелѣтняго рабства:

Не осилили тебя сильные,
Такъ дорѣзала осень черная,
Знать, во время сна къ безоружному
Силы вражія понахлынули,
Съ богатырскихъ плечъ сняли голову
Не большой горой, а соломинкой...

Вспомните эту душу надрывающую сцену:

— Такъ ты Бирюкъ,—повторилъ я:—я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю,—отвѣчалъ онъ угрюмо:—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ—и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ... да... умерла, прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

— Съ прохожимъ мѣщаниномъ обѣжала,—произнесъ онъ съ жестокой улыбкой. Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ.—На, дай ему, проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.—Вотъ и его бросила,—продолжалъ онъ вполголоса, указывая на ребенка...

... Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій

запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Улитой,—проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико...

Не правда ли, вамъ понятно теперь, отчего этотъ богатырь „почернѣлъ весь", затуманился, одичалъ, замолкъ...

И ему, какъ „несоразмѣрному" Касьяну, „задачи въ жизни не вышло"... Люди, въ которыхъ такъ мало справедливости, подкрались къ нему, сломали его семейное счастье, и стоитъ онъ, поникъ подъ неожиданно обрушившимся ударомъ людской неправды, и не ратуетъ... Онъ ушелъ отъ людей и, несмотря на свою богатырскую силу, производитъ впечатлѣніе „овцы безпредѣльной"...

„Должность свою справляю: даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится"... „И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не пойдетъ", и „всѣ боялись его, какъ огня"... Да, Бирюкъ не вѣритъ въ людей, потому что лучшія человѣческія чувства поруганы въ немъ этими же самыми людьми... Онъ живетъ теперь справедливостью „должности", а правда человѣческая, оскорбленная, ушла въ глубины его чистаго, могучаго сердца. И, точно святыню, хранитъ онъ эту правду въ тайникахъ своей души, и не понять его людямъ, которые выросли подъ гнетомъ вѣковѣчной несправедливости... Бирюкъ потому и отдался весь во власть суровой морали долга или „должности" (какъ онъ выражается), что не вѣрилъ уже въ возможность осуществленія при данныхъ условіяхъ другой, высшей правды, а люди, судя по себѣ, не признавали въ немъ этой послѣдней, боялись его, какъ огня, какъ звѣря, не прочь были отнести его въ разрядъ, „душегубцевъ, кровопійцъ, азіатовъ, пьющихъ кровь христіанскую"... „Вязанки хворосту не дастъ утащить, въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться,—силенъ, дескать, и ловокъ, какъ бѣсъ"... И это вовсе не изъ желанія подслужиться барину или, тѣмъ болѣе, насолить мужику, нѣтъ, у него, „и щемитъ, и ноетъ, болитъ ретивое"; и за этимъ усиленно-тщательнымъ справленіемъ своей должности скрывается дума о „прожитомъ счастьи", чувствуется желаніе уйти отъ „горести печали" и въ суровомъ неуклонномъ испол-

неніи долга потопить „жалобу на безвременье“, съ которымъ никакъ не хотѣло мириться сильное несговорчивое сердце. „Пусть не видятъ люди прожитого счастья“. Припомните эту тяжелую сцену съ мужикомъ.

„Мужикъ... сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены... Дѣвочка улеглась на полу, у самыхъ его ногъ, и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ,—заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ:—а Ѳома Кузьмичъ!

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... съ голодухи... отпусти.

— Знаю я васъ,—угрюмо возразилъ лѣсникъ:—ваша вся слобода такая—воръ на ворѣ.

— Отпусти,—твердилъ мужикъ:—приказчикъ... разорены, вокакъ... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти,—повторилъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ:—отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во-какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!

— Говорятъ нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бѣднякъ потупился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. „Ну, на, ѣшь, на, подавись, на",—началъ онъ прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ.—„На, душегубецъ окаянный, пей христіанскую кровь, пей"...

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ!—заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ.—Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ!.. не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ, ты... да я тебя!..

— А мнѣ что? Все едино—пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби—одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ—все едино. Пропадай все: жена, дѣти,—околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся.

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей,—подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ; бей, на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него.) Бей, бей!

— Молчать!—загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома,—закричалъ я:—оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать,—продолжалъ несчастный.—Все едино—околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Да постой, недолго тебѣ чваниться! Затянутъ тебѣ глотку, постой!

Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ!—крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку, но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью!—закричалъ онъ ему вслѣдъ:—да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ,—промолвилъ я наконецъ:—удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ,—перебилъ онъ меня съ досадой:— не извольте только сказывать“.

Видите, какъ трудно болѣзненно сжавшемуся сердцу Бирюка открыться для любви... Только на голосъ отчаянія, на изступленные вопли безысходной нужды отозвалось оно, и то спряталось за внѣшнюю суровость. И только другая, въ другихъ условіяхъ выросшая, добрая русская душа поняла, что подъ грубой и суровой наружностью Бирюка скрывается „славный малый“, что подъ „мокрой замашной рубахой“ билось оскорбленное, но чуткое къ скорби другого сердце...

III.

„Странный старикъ“.

„И не одинъ я грѣшный... много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ“...

Идемъ далѣе по ряду „сермяжныхъ героевъ“: какой поразительный контрастъ! Точно въ сказкѣ—повернулась волшебная палочка, и разомъ все перемѣнилось... Отъ „лиловой тучи“, „бушующихъ деревьевъ“, „сверкающей молніи“ и слѣда не осталось. „Погода была прекрасная... По ясному небу едва-едва неслись высокія и рѣдкія облака, изжелта-бѣлыя, какъ весенній запоздалый снѣгъ, плоскія и продолговатыя, какъ опустившіеся паруса. Ихъ узорчатые края, пушистые и легкіе, какъ хлопчатая бумага, медленно, но видимо измѣнялись съ каждымъ мгновеніемъ: они таяли, эти облака, и отъ нихъ не падало тѣни“. Волшебникъ писатель ведетъ васъ съ собою въ лазурное царство свѣта, молодости и счастья. Вмѣстѣ съ нимъ вы бросаетесь „подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ раскинулъ свои легкія вѣтки“, ложитесь на спину и глядите вверхъ. „Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень. Гдѣ-нибудь, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя, круглыя облака,—и вотъ, вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ—

все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее, трепещущее лепетаніе, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь—вы глядите: и нельзя выразить словами, какъ радостно и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше, и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины"...

Не правда ли, читатель, зачаровала васъ эта „спокойная, сіяющая бездна", эта „глубокая, чистая лазурь"?!... Теперь вы уже не властны надъ собой, васъ тянетъ къ „высокому, свѣтлому небу", вамъ страстно хочется „прильнуть къ мечтѣ"... Вся отдавшись во власть этого возвышеннаго порыва, ваша душа невольно влечется къ высокому и прекрасному, и вдругъ эта тщедушная фигурка „страннаго старика", съ которымъ знакомитъ васъ охотникъ. „Вообразите себѣ карлика лѣтъ пятидесяти, съ маленькимъ, смуглымъ и сморщеннымъ лицомъ, острымъ носикомъ, карими едва замѣтными глазками и курчавыми, густыми, черными волосами, которые, какъ шляпка на грибѣ, широко сидѣли на крошечной его головкѣ. Все тѣло его было чрезвычайно тщедушно и худо, и рѣшительно нельзя передать словами, до чего былъ необыкновененъ и страненъ его взглядъ". Какимъ-то тягостнымъ недоумѣніемъ отдается въ вашей восторженной душѣ „маленькое, смуглое и сморщенное лицо" Касьяна; вы готовы сказать: „только-то", и отвернуться... Но, помимо вашей воли, васъ тянетъ что-то къ этому „необыкновенному и странному взгляду", васъ чаруетъ этотъ удивительно сладкій, молодой и почти женскій голосъ", этотъ языкъ „обдуманно-торжественный и странный"... И подъ обаяніемъ этого взгляда, зачарованные этимъ голосомъ вы подходите ближе къ „необнаковенному" старику; недоумѣніе смѣняется любовью, что только и даетъ силу открывать сокровенную поэзію въ самыхъ, на первый взглядъ, обыкновенныхъ и даже смѣшныхъ предметахъ и существахъ; любовь родитъ вниманіе: пристальнѣе всматриваетесь вы въ „юродивца" и начинаете понимать и цѣнить то „вѣчное", что „сквозитъ и тайно свѣтитъ" въ его, на видъ неказистой, фигурѣ, что возноситъ его высоко надъ окружающей его повсе-

дневностью; вслѣдствіе чего она эта обыденщина, безпощадно и неодолимо могущественная, когда соприкасается съ посредственностью, рѣшительно не властна и безсильна принизить до себя, до своей пошлости такихъ „несоразмѣрныхъ“ людей, какъ Касьянъ.

Для людей посредственности, для тѣхъ,

Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
Кто страннымъ снамъ не предавался,—

Касьянъ — юродивецъ, овца безпредѣльная, чудной человѣкъ, глупый человѣкъ, хотя и необыкновенный, непостоянный такой, несоразмѣрный даже; эти люди привыкли мѣрить жизнь своимъ небольшиимъ аршиномъ, оцѣнивать людей и ихъ дѣйствія по шаблону; никакъ не могутъ они понять того, кого этимъ аршиномъ не измѣрить, кто подъ этотъ шаблонъ не подходитъ. Для такихъ людей всякая жизнь и дѣятельность сводится къ формѣ, и тѣмъ, чья жизнь въ установившіяся рамки не укладывается, они готовы отказать въ человѣческомъ достоинствѣ; не желаютъ знать они, что чѣмъ глубже и полнѣе духовная жизнь человѣка, тѣмъ она индивидуальнѣе, тѣмъ сложнѣе, „несоразмѣрнѣе“ человѣческое „тамъ внутри“, тѣмъ менѣе поддается оно традиціонной мѣркѣ, и, слѣдовательно, тѣмъ цѣннѣе въ общей суммѣ человѣческихъ силъ, созидающихъ историческій прогрессъ (если разумѣется дѣятельность такой личности направлена къ осуществленію, — а не къ разрушенію, — вѣчныхъ идеаловъ человѣка). Послушайте, какъ одинъ изъ такихъ судей „рѣшительныхъ и строгихъ“ думаетъ и говоритъ о Касьянѣ.

— Скажи, пожалуйста, Ерофей,—заговорилъ я:—что за человѣкъ этотъ Касьянъ?

Ерофей не скоро мнѣ отвѣтилъ: онъ вообще человѣкъ былъ обдумывающій и неторопливый; но я тотчасъ могъ догадаться, что мой вопросъ его развеселилъ и успокоилъ.

— Блоха-то?—заговорилъ онъ, наконецъ, передернувъ вожжами:—чудной человѣкъ: какъ есть юродивецъ; такого чудного человѣка и не скоро найдешь другого. Вѣдь, напримѣръ, вѣдь онъ ни дать, ни взять нашъ вотъ саврасый: отъ рукъ отбился тоже... отъ работы то-есть. Ну, конечно, что онъ за работникъ, въ чемъ душа держится,—ну, а все-таки... Вѣдь онъ сызмальства такъ. Сперва онъ со дядьями со своими въ извозъ ходилъ: они у него были троечные; ну, а потомъ, знать, наскучило—бросилъ.

Сталъ дома жить, да и дома-то не уживался: такой безпокойный,—ужъ точно блоха. Баринъ ему попался, спасибо, добрый—не принуждалъ. Вотъ, онъ такъ съ тѣхъ поръ все и болтается, что овца безпредѣльная. И вѣдь такой удивительный, Богъ его знаетъ: то молчитъ, какъ пень, то заговоритъ, а что заговоритъ, Богъ его знаетъ. Развѣ это манеръ? Это не манеръ. Несообразный человѣкъ, какъ есть. Поетъ, однако хорошо. Этакъ важно,—ничего, ничего.

— А что, онъ лѣчитъ, точно?

— Какое лѣчитъ?.. Ну, гдѣ ему! Таковскій онъ человѣкъ! Меня, однако, отъ золотухи вылѣчилъ... Гдѣ ему! глупый человѣкъ, какъ есть,—прибавилъ онъ, помолчавъ“.

Если вы прислушаетесь къ тону этого приговора, то согласитесь, что, несмотря на всю рѣшительность въ смыслѣ разжалованія Касьяна въ глупые люди, Ерофей никакъ не можетъ овладѣть предметомъ своего сужденія, онъ не поддается его неповоротливой и неглубокой мысли, и нашъ доморощенный судья, легко и безапелляціонно осудившій Касьна съ точки зрѣнія вѣками установленнаго „манера“, становится рѣшительно втупикъ, когда подходитъ къ тому, что собственно и составляетъ суть жизни этой „овцы безпредѣльной“,—къ его постоянно напряженной душевной работѣ въ области вѣчныхъ, коренныхъ вопросовъ бытія, безотрывныхъ думъ надъ „загадкою жизни“: „И вѣдь такой удивительный, Богъ его знаетъ: то молчитъ, какъ пень, то вдругъ заговоритъ, а что заговоритъ, Богъ его знаетъ“.

Въ эту интимную, внутреннѣйшую область душевной жизни Касьяна и вперилъ свой проникновенный взоръ писатель-художникъ, и „чудной человѣкъ“ Ерофея предстаетъ предъ нами чуднымъ въ художественномъ воспроизведеніи Тургенева.

Касьянъ—человѣкъ не отъ міра сего, потому что этотъ міръ совершенно не соотвѣтствуетъ его идеаламъ, противорѣчитъ со всѣмъ его существомъ. Несложно и для поверхностнаго взгляда бѣдно даже его міросозерцаніе, не великъ и не многорѣчивъ его катехизисъ. Вотъ это своеобразное credo—его исповѣданіе вѣры:

1) „Всѣ подъ Богомъ ходимъ“.
2) „Кто вѣруетъ, спасется“.
3) „Справедливъ долженъ быть человѣкъ и Богу угоденъ“.
4) „Нравственно чистъ“.
5) Идеалъ жизни—полнота и внутренняя гармонія духовной жизни, „довольство“.

Съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ, „правды“ въ людяхъ нѣтъ, ее только „ищутъ“ такіе же „хрестьяне“; а пока не нашли, они уходятъ въ себя, въ свою восторженную вѣру, въ свою нѣжную, страстную, всепрощающую любовь, въ свои поэтическія грезы.

Но послушаемъ эту замѣчательно цѣльную и глубокую, при всей видимой ея отрывочности и простотѣ, философію въ изложеніи самого Касьяна. Не останавливайтесь только на ея формѣ, въ которой, конечно, не мало наивности, вдумайтесь въ ея смыслъ, и вы замѣтите въ этомъ „ребенкѣ“ „уже вовсе не дѣтскую способность къ широкохватающимъ обобщеніямъ“, какъ выражается о немъ одинъ критикъ (Миллеръ), замѣтите ту „особаго рода разумность, которую такъ любитъ скрывать самъ народъ въ своихъ сказкахъ подъ кажущейся глупостью любимаго ихъ героя— Иванушки“.

„— Баринъ, а баринъ!—промолвилъ вдругъ Касьянъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Я съ удивленіемъ приподнялся; до сихъ поръ онъ едва отвѣчалъ на мои вопросы, а то вдругъ самъ заговорилъ.

— Что тебѣ?—спросилъ я.

— Ну, для чего ты пташку убилъ?—началъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.

— Какъ для чего?.. Коростель—это дичь: его ѣсть можно.

— Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ.

— Да вѣдь ты самъ, небось, гусей или курицъ, напримѣръ, ѣшь?

— Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой,—и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла... А человѣку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлѣбъ—Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Касьяна. Слова его лились свободно; онъ не искалъ ихъ, онъ говорилъ съ тихимъ одушевленіемъ и кроткою важностью, изрѣдка закрывая глаза.

— Такъ и рыбу по-твоему грѣшно убивать?—спросилъ я.

— У рыбы кровь холодная,—возразилъ онъ съ увѣренностью:—рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится; рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая... Кровь,—продолжалъ онъ, помолчавъ:—святое дѣло кровь!

Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ... Охъ, великій!

Онъ вздохнулъ и потупился. Я, признаюсь, съ совершеннымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на страннаго старика. Его рѣчь звучала не мужичьей рѣчью: такъ не говорятъ простолюдины, и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ обдуманно-торжественный и странный... Я не слыхалъ ничего подобнаго.

— Скажи, пожалуйста, Касьянъ,—началъ я, не спуская глазъ съ его слегка раскраснѣвшагося лица, — чѣмъ ты промышляешь?

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ на мой вопросъ. Его взглядъ безпокойно забѣгалъ на мгновеніе.

— Живу, какъ Господь велитъ,—промолвилъ онъ наконецъ,— а чтобы, то-есть, промышлять — нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразуменъ я больно, съ мальства; работаю, пока мочно, — работникъ-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глупы. Ну, весной соловьевъ ловлю.

— Соловьевъ ловишь?.. А какъ же ты говорилъ, что всякую лѣсную и полевую и прочую тамъ тварь не надо трогать.

— Убивать ее не надо, точно; смерть и такъ свое возьметъ. Вотъ, хоть бы Мартынъ-плотникъ: жилъ Мартынъ-плотникъ, и недолго жилъ, и померъ; жена его теперь убивается о мужѣ, о дѣткахъ малыхъ... Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить. Смерть и не бѣжитъ, да и отъ нея не убѣжишь; да помогать ей не должно... А я соловушекъ не убиваю,—сохрани Господи! Я ихъ не на муку ловлю, не на погибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселіе.

— Ты въ Курскъ ихъ ловить ходишь?

— Хожу я и въ Курскъ, и подалѣ хожу, какъ случится. Въ болотахъ ночую да въ залѣсьяхъ, въ полѣ ночую одинъ, во глуши: тутъ кулички разсвистятся, тутъ зайцы кричатъ, тутъ селезни стрекочутъ... По вечеркамъ замѣчаю, по утренничкамъ выслушиваю, по зарямъ обсыпаю сѣткой кусты... Иной соловушко такъ жалостно поетъ, сладко... жалостно даже.

— И продаешь ты ихъ?

— Отдаю добрымъ людямъ.

— А что жъ ты еще дѣлаешь?

— Какъ дѣлаю?

— Чѣмъ ты занятъ?

Старикъ помолчалъ.

— Ничѣмъ я этакъ не занятъ... Работникъ я плохой. Грамотѣ однако разумѣю.

— Ты грамотный?

— Разумѣю грамотѣ. Помогъ Господь да добрые люди.

— Что ты семейный человѣкъ?

— Нѣту-ти, безсемейный.

— Что такъ?.. Перемерли, что ли?

— Нѣтъ, а такъ: задачи въ жизни не вышло. Да это все подъ Богомъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; а справедливъ долженъ быть человѣкъ,—вотъ что! Богу угоденъ, то-есть.

— И родни у тебя нѣтъ?

— Есть... да... такъ...

Старикъ замялся.

— Скажи, пожалуйста,—началъ я,—мнѣ послышалось, мой кучеръ у тебя спрашивалъ, что, дескать, отчего ты не вылѣчилъ Мартына? Развѣ ты умѣешь лѣчить?

— Кучеръ твой справедливый человѣкъ, — задумчиво отвѣчалъ мнѣ Касьянъ,—а тоже не безъ грѣха. Лѣкаркой меня называютъ... Какая я лѣка́рка!.. И кто можетъ лѣчить? Это все отъ Бога. А есть... есть травы, цвѣты есть—помогаютъ, точно. Вотъ, хоть череда, напримѣръ, трава добрая для человѣка; вотъ, подорожникъ тоже; объ нихъ и говорить не зазорно; чистыя травки—Божьи. Ну, а другія не такъ: и помогаютъ-то онѣ, а грѣхъ; и говорить о нихъ грѣхъ. Еще съ молитвой развѣ... Ну, конечно, есть и слова такія... А кто вѣруетъ—спасется,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Ты ничего Мартыну не давалъ?—спросилъ я.

— Поздно узналъ—отвѣчалъ старикъ.—Да что!—кому какъ на роду написано. Не жилецъ былъ плотникъ Мартынъ, не жилецъ на землѣ: ужъ это такъ. Нѣтъ, ужъ какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ другого, и хлѣбушекъ тому не въ прокъ,—словно что его отзываетъ... Да, упокой Господь его душу!

— Давно васъ переселили къ намъ?—спросилъ я послѣ небольшого молчанія. Касьянъ встрепенулся.

— Нѣтъ, недавно: года четыре. При старомъ баринѣ мы все жили на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а вотъ опека переселила. Старый баринъ у насъ былъ кроткая душа, смиренникъ, — царство ему небесное! Ну, опека, конечно, справедливо разсудила; видно, ужъ такъ пришлось.

— А вы гдѣ прежде жили?

— Мы съ Красивой Мечи.

— Далеко это отсюда?

— Верстъ сто.

— Что жъ тамъ лучше было?

— Лучше... лучше. Тамъ мѣста привольныя; рѣчныя, гнѣздо наше, а здѣсь тѣснота, сухмень... Здѣсь мы осиротѣли. Тамъ у насъ, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холмъ, взойдешь—и Господи, Боже мой, что это? а?.. И рѣка-то, и луга, и лѣсъ; а тамъ церковь, а тамъ опять пошли луга. Далече видно, далече. Вотъ, какъ далеко видно... Смотришь, ахъ ты, право! Ну, здѣсь, точно, земля лучше: суглинокъ, хорошій суглинокъ, говорятъ крестьяне; да съ меня хлѣбушка-то всюду вдоволь народится.

— А что, старикъ, скажи правду: тебѣ, чай, хочется на родинѣ-то побывать?

— Да, посмотрѣлъ бы. А впрочемъ, вездѣ хорошо. Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ. Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вотъ, какъ пойдешь, какъ пойдешь,—подхватилъ онъ, возвысивъ голосъ:—и полегчитъ, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется-то ладнѣе. Тутъ, смотришь, трава какая растетъ; ну, замѣтишь, — сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну, напьешься,—замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя... А то, за Курскомъ пойдутъ степи, этакія степныя мѣста, вотъ удивленіе, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божья-то благодать! И идутъ онѣ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости... И вотъ, ужъ я бы туда пошелъ... Вѣдь я мало-ли куда ходилъ! И въ Ромёнъ ходилъ, и въ Синбирскъ славный-градъ, и въ самую Москву золотыя-маковки; ходилъ на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видалъ, добрыхъ хрестьянъ, и въ городахъ побывалъ честныхъ... Ну, вотъ, пошелъ бы я туда... и вотъ... и ужъ и... И не одинъ я грѣшный... много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... да!.. А то, что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ, — вотъ оно что“...

Подъ какимъ же вліяніемъ сложилась эта оригинальная личность и образовалось ея міросозерцаніе?

Физическій уродъ, предметъ насмѣшки (Блоха, лѣкарка) и вмѣстѣ человѣкъ „болѣзненно-чуткой души“, Касьянъ ушелъ отъ этого міра, потому что всей глубиной своего чистаго, прозрачнаго сердца почувствовалъ „несправедливость“ людскую: „справедливости нѣтъ въ человѣкѣ“, и онъ вноситъ тягостную для сердца Касьяна дисгармонію даже и въ природу: „пташку стрѣляетъ для потѣхи“, „рощу сводятъ,—Богъ имъ судья“. Это сердце жизнерадостное, готовое обнять весь міръ своею любовью, дрожитъ и сжимается при вѣсти о смерти. Вспомните, какое впечатлѣніе произвело на Касьяна извѣстіе о смерти Мартына, какъ испугалъ его выстрѣлъ охотника. „Услышавъ выстрѣлъ, Касьянъ быстро закрылъ глаза рукой и не шевельнулся, пока я не зарядилъ ружья и не поднялъ коростеля. Когда же я отправился далѣе, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ упала убитая птица, нагнулся къ травѣ, на которую брызнуло нѣсколько капель крови, покачалъ головой, пугливо взглянулъ на меня... Я слышалъ, послѣ, какъ онъ шепталъ: „Грѣхъ!.. Ахъ, вотъ это грѣхъ!“ Смерть фактъ тяжелой, неизбѣжной необходимости: „смерть и такъ свое возьметъ... Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить... Да помогать ей не должно“... а люди помогаютъ ей... Богъ имъ судья.

Ему „задачи въ жизни не вышло“, какая-то драма имѣла мѣсто въ его жизни,—драма, живой свидѣтельницей которой осталась Аннушка; „да это все подъ Богомъ“, но люди не оказали справедливости Касьяну, и онъ ушелъ отъ нихъ къ природѣ, которая ожила, запѣла, заговорила подъ вдохновеннымъ чувствомъ юродивца, заговорила языкомъ его вѣрованій, чувствованій, неопредѣленныхъ, но сильныхъ порывовъ къ общечеловѣческому довольству и справедливости. Какъ хорошо и привольно чувствовалъ себя Касьянъ въ этихъ степныхъ раздольныхъ мѣстахъ среди родниковъ, пташекъ: и солнышко-то на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется ладнѣй. „Мы пошли. Вырубленнаго мѣста было съ версту. Я, признаюсь, больше глядѣлъ на Касьяна, чѣмъ на свою собаку. Не даромъ его прозвали Блохой. Его черная, ничѣмъ не прикрытая головка (впрочемъ, его волосы могли замѣнить любую шапку) такъ и мелькала въ кустахъ. Онъ ходилъ необыкновенно проворно и словно все подпрыгивалъ на ходу, безпрестанно нагибался, срывая какія-то травки, совалъ ихъ за пазуху, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и все поглядывалъ на меня и на мою собаку, да такимъ пытливымъ, страннымъ взглядомъ. Въ низкихъ кустахъ, „въ мело-

чахъ", и на ссѣчкахъ часто держатся маленькія сѣрыя птички, которыя то и дѣло перемѣщаются съ деревца на деревцо и посвистываютъ, внезапно ныряя на лету. Касьянъ ихъ передразнивалъ, перекликался съ ними; поршокъ полетѣлъ, чиликая, у него изъ-подъ ногъ,—онъ зачиликалъ ему вслѣдъ; жаворонокъ сталъ спускаться надъ нимъ, трепеща крылами и звонко распѣвая,— Касьянъ подхватилъ его пѣсенку". Здѣсь, среди природы, онъ забывалъ о людской несправедливости, здѣсь охватывала его дѣтски-наивная, но чистая, глубокая и мощная вѣра, и одухотворенный ею — этой вѣрой въ непоколебимую, вѣчную силу добра и правды, онъ со всею страстностью своей непосредственной натуры отдается исканію этой правды среди людей и посильному служенію ей. Смерть—одна изъ величайшихъ неправдъ, не должно помогать ей, и Касьянъ лѣчитъ, заговариваетъ, читаетъ проповѣдь добра и справедливости охотнику, для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и на веселіе ловитъ соловьевъ... Но душой своей онъ тамъ, въ дивныхъ краяхъ, „гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣтвяхъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости..."

И подъ обаяніемъ этого дивнаго образа безграничной любви вѣрится „въ русскую силу, въ русской души красоту", вѣрится въ неотразимую мощь этой души человѣческой, которая до самыхъ тайныхъ глубинъ своихъ проникнута чувствомъ людской несправедливости и вмѣстѣ носитъ въ себѣ неизсякаемый источникъ какой-то неземной, дѣтски-наивной, но и сильной своей непосредственностью правды. Вѣрится, что эти любовь и правда пришли бы въ среду людей, дали бы новые, лучшіе устои для человѣческихъ отношеній, если бы не блуждали одинокими и затерянными среди нихъ эти овцы безпредѣльныя, но... Богъ имъ судья: рощи сводятъ, пташекъ убиваютъ, кровь свѣту показываютъ, смерти помогаютъ, нѣтъ справедливости въ людяхъ... И Касьяны блуждаютъ, какъ овцы безпредѣльныя, не признанные; для большинства они—какіе-то несоразмѣрные, чудные люди, и развѣ только болѣе чуткое меньшинство преклонится предъ ними, какъ людьми „необнаковенными".

IV.

„Край родной долготерпѣнья“.

Край родной долготерпѣнья—
Край ты русскаго народа!

Ѳ. Тютчевъ.

„Maitre, nous devons aller tous à votre école“, такъ писала Тургеневу Жоржъ-Зандъ, когда прочитала въ переводѣ „Живыя мощи“. Тэнъ видитъ въ „Живыхъ мощахъ“ „образецъ воспроизведенія истины народнаго пониманія жизни“, а Брандесъ называетъ этотъ разсказъ „самой выдающейся“ изъ всѣхъ „монографій несчастья“, которыя занимаютъ такое видное мѣсто въ творчествѣ Тургенева. Такъ, вопреки опасеніямъ поэта, „гордый взоръ иноплеменный“ понялъ и оцѣнилъ, что сквозитъ и тайно свѣтитъ въ этой „муміи“ съ „жестокой каменной неподвижностью“, въ этой „совершенно обнаженной душѣ, лишенной плоти“. И все же русскому читателю ближе, роднѣе, понятнѣе эта, по выраженію французскаго критика, „жалкая развалина, въ которой живетъ возвышенная душа, просвѣтленная страданіемъ, божественно смиренная и въ то же время нисколько, въ своемъ абсолютномъ отреченіи отъ всего земного, не утратившая своей примитивной, „мужицкой простоты“. „Не побрезгуйте, не погнушайтесь несчастьемъ“ Лукерьи и вы, и я увѣренъ, что „русской души красота“ откроется и вашему сердцу, какъ открылась она „золотому сердцу“ писателя-народолюбца. „Солнце только что встало; на небѣ ни одного облака; все кругомъ блестѣло сильнымъ двойнымъ блескомъ: блескомъ молодыхъ утреннихъ лучей и вчерашняго ливня... Ахъ, какъ было хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они, навѣрно, унесли капли росы, и пѣсни ихъ казались орошенными росою. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно—всею грудью“... Такъ начинаетъ Тургеневъ

свое описаніе встрѣчи съ Лукерьей. „Край родной долготерпѣнья“ предстаетъ читателю въ великолѣпномъ освѣщеніи: „все кругомъ блестѣло сильнымъ двойнымъ блескомъ“; „икона стариннаго письма“ вставлена въ дивную раму родной природы. Этотъ рѣзкій для грубаго слуха диссонансъ—единственный въ своемъ родѣ шедевръ, въ которомъ не знаешь, чему больше удивляться: „блеску ли молодыхъ утреннихъ лучей“, „серебряному бисеру звонкихъ голосовъ“ „трепещущихъ жаворонковъ“, „ясному небу“ или— „жестокой, каменной неподвижности“ лежавшаго на подмосткахъ „живого, несчастнаго существа“, или этому неподражаемому сочетанію жизни и смерти, свѣта и тѣни, вольной радости и терпѣливыхъ слезъ...

„На склонѣ неглубокаго оврага, возлѣ самаго плетня, виднѣлась пасѣка; узенькая тропинка вела къ ней, извиваясь змѣйкой между сплошными стѣнами бурьяна и крапивы, надъ которыми высились Богъ вѣсть откуда занесенные остроконечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинкѣ; дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ называемый омшаникъ, куда ставятъ ульи на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмостки, и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура... Я пошелъ было прочь...

— Баринъ, а баринъ! Петръ Петровичъ! — послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сиплый, какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ! Подойдите, пожалуйста! — повторилъ голосъ. Онъ доносился до меня изъ угла съ тѣхъ, замѣченныхъ мною, подмостковъ.

Я приблизился—и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо; но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать, ни взять—икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губъ почти не видать,—только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами, какъ палочками, двѣ крошечныхъ руки тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое, но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по метал-

лическимъ его щекамъ, я вижу, силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ?—прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ.—Да и гдѣ узнать! Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей, въ Спасскомъ, водила... Помните, я еще запѣвалой была?

— Лукерья!—воскликнулъ я.—Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, баринъ,—я. Я—Лукерья.

Я не зналъ, что сказать, и какъ ошеломленный глядѣлъ на это темное, неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвенными глазами. Возможно ли? Эта мумія—Лукерья, первая красавица во всей нашей дворнѣ, — высокая, полная, бѣлая, румяная,—хохотунья, плясунья, пѣвунья".

Да, какой необычайный, страшный жизненный путь. Точно „двухпудовыя лапы" „святой дѣвственницы",—подвиги которой Лукерья знаетъ въ передачѣ русскаго начетчика и предъ которой она преклоняется, какъ передъ святой мученицей,—„жестокая, каменная неподвижность" сковала въ несчастной страдалицѣ все земное вплоть до „мысленнаго грѣха". И невольно вспоминаются слова таинственнаго голоса, который звалъ Іоанну отъ „холмовъ, полей родныхъ, пріютно мирнаго, яснаго дола" на „пажити кровавыя войны":

Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!
Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя...
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать,
Не быть тебѣ душой семьи родныя,
Цвѣтущаго младенца не ласкать...

„Тихо и слабо, но безъ остановки", Лукерья разсказала печальную повѣсть несчастной любви, въ самомъ началѣ „сломавшейся жизни". „—А бѣда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, баринъ, не погнушайтесь несчастьемъ моимъ, сядьте вонъ на кадушечку, поближе, а то вамъ меня не слышно будетъ... вишь, я какая голосистая стала!.. Ну, ужъ и рада же я, что увидала васъ!..

... — Про бѣду-то мою разсказать? Извольте, баринъ. Случилось это со мной уже давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова—помните, такой изъ себя статный былъ, кудрявый,—еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ? Да васъ уже тогда въ деревнѣ не было; въ

Москву уѣхали учиться. Очень мы съ Василіемъ слюбились; изъ головы онъ у меня не выходилъ; а дѣло было весною. Вотъ, разъ, ночью... ужъ и до зари недалеко... а мнѣ не спится: соловей въ саду таково удивительно поетъ сладко!.. Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветъ меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: Луша!.. Я глядь въ сторону, да знать съ просонья оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ—да о́-землю хлопъ! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри—въ утробѣ—порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ.

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумляло меня собственно то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе.

— Съ самаго того случая,—продолжала Лукерья,—стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже полно и ногами владѣть: ни стоять, ни сидѣть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни ѣсть не хочется: все хуже да хуже. Матушка ваша, по добротѣ своей, и лѣкарямъ меня показывала, и въ больницу посылала. Однако облегченья мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лѣкарь даже сказать не могъ, что за болѣзнь у меня за такая. Чего они со мной только ни дѣлали: желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали—и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ конецъ... Вотъ и порѣшили господа, что лѣчить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣкъ не способно... Ну, и переслали меня сюда—потому тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

Лукерья опять умолкла и опять силилась улыбнуться...“

Тяжелый, крестный путь!.

„Сперва очень томно было“; видно, не мало слезъ было пролито, если и теперь изрѣдка врывающаяся въ „плетеный сарайчикъ“ жизнь находила въ этой муміи довольно слезъ: „откуда бралось“... Помните, какъ Лукерья поетъ „вѣчную память“ свѣтлому призраку счастья, ослѣпительно ярко блеснувшему и вмигъ умчавшемуся. „Лукерья собралась съ духомъ... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чи-

стый и вѣрный звукъ... За нимъ послѣдовалъ другой, третій. „Во лузяхъ“ пѣла Лукерья. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма, колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Охъ, не могу!—промолвила она вдругъ:—силушки не хватаетъ... Очень ужъ я вамъ обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня—и ея темныя вѣки, опушенныя золотыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье они заблистали въ полутьмѣ... слеза ихъ смочила.

Я не шевелился попрежнему.

— Экая я!—проговорила вдругъ Лукерья съ неожиданной силой и, раскрывъ широко глаза, постаралась смигнуть съ нихъ слезу.—Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случалось... съ самаго того дня, какъ Поляковъ Вася у меня былъ, прошлой весной. Пока онъ со мной сидѣлъ да разговаривалъ—ну, ничего; а какъ ушелъ онъ—поплакала я-таки въ одиночку! Откуда бралось!.. Да вѣдь у нашей сестры слезы не купленыя. Баринъ,—прибавила Лукерья:—чай, у васъ платочекъ есть... Не побрезгуйте, утрите мнѣ глаза“.

Теперь начало разсказа, гдѣ Тургеневъ говоритъ о дождѣ, что онъ не переставалъ „съ самой утренней зари“, получаетъ особенный смыслъ; чтобы выяснить его, я позволю себѣ небольшое отступленіе. Однажды, въ осенній дождливый вечеръ, возвратясь домой на извозчичьихъ дрожкахъ, Ѳ. И. Тютчевъ сказалъ встрѣтившей его дочери: „j'ai fait quelques rimes“, и, пока его раздѣвали, продиктовалъ ей чудный гимнъ слезамъ:

Слезы людскія, о, слезы людскія!
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую ночною порой.

„Здѣсь,—говоритъ И. С. Аксаковъ,—почти нагляденъ для насъ тотъ истинно поэтическій процессъ, которымъ внѣшнее ощущеніе капель частаго осенняго дождя, лившаго на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяется въ ощущеніе слезъ и облекается

въ звуки, которые сколько словами, столько же музыкальностью своею воспроизводятъ въ насъ и впечатлѣніе дождливой осени, и образъ плачущаго людского горя"...

Для Лукерьи „съ самой утренней зари" начался этотъ дождь, и не переставалъ. Тяжелы были латы, но имъ не сдавить сразу могучихъ порывовъ молодой души. Недалеко уже было до Петровокъ, а Лукерья все еще не забыла того времени,

Когда раскрывалась грудь надеждѣ
И мечтамъ о счастіи земномъ,

когда она веселая была, „бой-дѣвка"; еще помнитъ и поетъ „старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочныя"; еще всплываетъ въ ея памяти среди другихъ воспоминаній эта роскошная, „до самыхъ колѣнъ" коса. „Помните, баринъ,—сказала она, и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ и на губахъ:—какая у меня была коса! Помните,—до самыхъ колѣнъ! Я долго не рѣшалась... Этакіе волосы!.. Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!.. Такъ я ужъ ихъ обрѣзала... Да..." Предъ вами одна изъ величайшихъ трагедій, въ ней „горя рѣченька бездонная":

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла...

„Отъ нея никакого не видать безпокойства,—докладывалъ охотнику хуторской десятникъ:—ни ропота отъ нея не слыхать, ни жалобъ. Сама ничего не требуетъ, а напротивъ, за все благодарна, тихоня, какъ есть тихоня..." „Привыкла, обтерпѣлась—ничего; инымъ еще хуже бываетъ", такъ просто говоритъ Лукерья объ ужасномъ пути страданій, слезъ, душевной истомы,—пути, которымъ она пришла къ „полеживанію безъ всякой думочки", кромѣ одной: „послалъ Онъ мнѣ крестъ—значитъ меня Онъ любитъ". Присмотримся однако ближе къ душевной жизни этой страдалицы, чтобы понять и оцѣнить, что „сквозитъ и тайно свѣтитъ въ наготѣ ея смиренной".

„...Кто другому помочь можетъ? Кто ему въ душу войдетъ? Самъ себѣ человѣкъ помогай!.." Такъ, сильные характеры не ищутъ сочувствія своему горю на сторонѣ, и чѣмъ тяжелѣе ударъ, чѣмъ глубже рана, тѣмъ дальше уходятъ они въ себя, тѣмъ недоступнѣе душевныя муки для постороннихъ глазъ. Вспомните Бирюка. Такіе люди или сломятъ душевный недугъ,

уйдутъ отъ „горя горинскаго“, или сами сломятся, но не погнутся; къ нимъ принадлежитъ и Лукерья.

„Словно у меня что внутри оборвалось... Стала я сохнуть, чахнутъ; чернота на меня нашла. Все хуже да хуже...“ Возврата нѣтъ туда, гдѣ молодость, любовь и счастье; Лукерья поняла это: только слабыя души даютъ мечтамъ обольщать себя, „не думать, а пуще того не вспоминать“, рѣшила Лукерья, и ей удалось устоять въ своемъ рѣшенiи. Правда, думы и воспоминанiя о свѣтлой, прекрасной зарѣ любви и счастья, такъ ярко загорѣвшейся и такъ неожиданно погасшей, жили въ ней до самой смерти, но жили на такой неизмѣримой глубинѣ, что только чрезвычайныя обстоятельства, какъ приходъ Васи или посѣщенiе барина, который зналъ прежнюю Лукерью, „первую красавицу во всей дворнѣ,—высокую, полную, бѣлую, румяную,—хохотунью, плясунью, пѣвунью“ и самъ „втайнѣ вздыхалъ“ по ней,—только они могли вызвать на поверхность душевной жизни Лукерьи ея тяжкiя думы, ея томныя, горькiя чувства; тогда „хотѣлось ей всю душу вылить“, и она давала волю слезамъ. Тяжело доставались несчастной эти рѣдкiя душевныя бури; но это были мгновенья, да и ихъ мы знаемъ только два. Чѣмъ же Лукерья жила?

„Вы, вотъ, не повѣрите, а лежу я иногда такъ то одна... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ кромѣ меня нѣту. Только одна я—живая“. Этой жизнью внѣ окружающей обстановки, жизнью гдѣ-то внутри себя и живетъ Лукерья. Мiръ человѣческихъ отношенiй, обычныхъ тревогъ и радостей для нея не существуетъ; быть одной ей „не страшно, даже лучше“. „Думается мнѣ,—говоритъ Лукерья:—будь около меня люди, ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья“. Зато тѣмъ ближе стала для нея природа и тѣмъ свободнѣе она себя чувствовала среди созданiй своей глубокой, доходящей до какого-то ясновидѣнiя, вѣры. — И такъ ты все лежишь, да лежишь? — спрашиваетъ охотникъ.—И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?

— А что будешь дѣлать? Лгать не хочу—сперва очень томно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась—ничего; инымъ еще хуже бываетъ.

— Это какимъ же образомъ?

— А у иного и пристанища нѣтъ! А иной—слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землю роется—я и то слышу. И запахъ я всякiй чувство-

вать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду—мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить?—многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ; а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говоритъ: тебя, молъ, исповѣдывать нечего: развѣ ты въ своемъ состоянiи согрѣшить можешь? Но я ему отвѣтила: а мысленный грѣхъ, батюшка?— Ну, говоритъ, а самъ смѣется это грѣхъ не великiй.

— Да я, должно быть, и этимъ самымъ мысленнымъ грѣхомъ не больно грѣшна,—продолжала Лукерья:—потому я такъ себя прiучила: не думать, а пуще того—не вспоминать. Время скорѣй проходитъ.

Я, признаюсь, удивился.

— Ты все одна да одна, Лукерья; какъ же ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли? Или ты все спишь?

— Ой, нѣтъ, баринъ! Спать-то я не всегда могу. Хоть и большихъ болей у меня нѣтъ, а ноетъ у меня тамъ, въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать какъ слѣдуетъ. Нѣтъ... а такъ, лежу я себѣ, лёжу-полеживаю—и не думаю; чую, что жива, дышу—и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка-насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка—мнѣ очень прiятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ, въ углу, гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно! Одна влетитъ къ гнѣздышку—припадетъ, дѣтокъ накормитъ—и вонъ. Глядишь—ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ— только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ ну пищать да клювы разѣвать... Я ихъ на слѣдующiй годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшнiй охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какiе вы, господа, охотники, злые!

— Я ласточекъ не стрѣляю,—поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ,—начала опять Лукерья:—вотъ смѣху-то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки, что-ли, за нимъ гнались,— только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ!.. Сѣлъ близехонько—и долго-таки сидѣлъ,—все носомъ водилъ и усами дергалъ,—настоящiй офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значитъ,

что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогѣ оглянулся—да и былъ таковъ! Смѣшной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, молъ, не забавно? Я, въ угоду ей, посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже: потому темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать завсегда охота была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ, для разсѣянности, принесъ календарь, да видитъ, что пользы нѣтъ, взялъ да унесъ опять. Однако хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещитъ али мышь гдѣ скрестись станетъ.—Вотъ тутъ-то хорошо! не думать!

— А то я молитвы читаю,—продолжала, отдохнувъ немного, Лукерья.—Только не много я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ онъ мнѣ крестъ—значитъ, меня Онъ любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче нашъ, Богородицу, акафистъ Всѣмъ Скорбящимъ,—да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!"

Слушая этотъ разсказъ Лукерьи о томъ, какъ она лежитъ-полеживаетъ и не думаетъ, вся отдавшись впечатлѣніямъ живущей и растущей природы, вспоминаешь слова поэта о поэтѣ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Въ глубокую и чуткую душу простой крестьянки легко и свободно входятъ безконечно разнообразные отклики жизни и, привольно укладываясь въ глубинѣ скорбнаго, но могучаго въ самой скорби духа, они слагаются въ великій гимнъ матери природѣ. Вдумавшись въ эту исповѣдь, вамъ станетъ ясно, что Лукерья ушла отъ людей, но не перестала быть человѣкомъ,—больше того, она выросла духовно, потому что стала выше того, чему обычно люди покорствуютъ, въ ней нѣтъ эгоизма. Забыть свое горе и радоваться радостью другого, превратиться въ „живыя мощи" и восторженно внимать всякому проявленію жизни и здороваго роста — развѣ это не подвигъ? Развѣ это не побѣда „Богомъ убитой"?

Но еще шире, еще напряженнѣе, еще своеобразнѣе религіозная жизнь Лукерьи, и эти три дивные разсказа ея о своихъ

снахъ-видѣніяхъ, неподражаемо-художественно переданные писателемъ, говорятъ о результатахъ гигантской работы духа, совершенной въ безвѣстной тиши одинокаго страданія.

„— Вотъ, вы, баринъ, спрашивали меня,—заговорила опять Лукерья: – сплю ли я? Сплю я, точно, рѣдко, но всякій разъ сны вижу,—хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я—потянуться хочу хорошенько—анъ я вся какъ скованная. Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился! Хотите, разскажу вамъ? Ну, слушайте. Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, спѣлая, какъ золотая!.. И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая—все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ, когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту самую рожь сжать до-чиста. Только очень меня отъ жары растомило, и мѣсяцъ меня слѣпитъ, и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупные! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася придти обѣщался—такъ вотъ, я себѣ вѣнокъ сперва совью; жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промежъ пальцевъ таютъ да таютъ, хоть ты что! И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ я слышу—кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таково, и зоветъ: Луша! Луша!.. Ай, думаю, бѣда—не успѣла! Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь—по самымъ верхушкамъ колосьевъ катитъ ко мнѣ скорехонько—только не Вася, а самъ Христосъ! И почему я узнала, что это Христосъ—сказать не могу,—такимъ Его не пишутъ, а только Онъ! Безбородый, высокій, молодой, весь въ бѣломъ,—только поясъ золотой,—и ручку мнѣ протягиваетъ. „Не бойся,—говоритъ,—невѣста Моя разубранная, ступай за Мной; ты у Меня въ царствѣ небесномъ хороводы водить будешь и пѣсни играть райскія". И я къ Его ручкѣ какъ прильну! – Собачка моя сейчасъ меня за ноги... но тутъ мы взвились! Онъ впереди... Крылья у него по всему небу развернулись, длинныя, какъ у чайки,—и я за нимъ. И собачка должна отстать отъ меня. Тутъ только я поняла, что это собачка—болѣзнь моя и что въ царствѣ небесномъ ей уже мѣста не будетъ.

Лукерья умолкла на минуту.

— А то еще видѣла я сонъ,—начала она снова:—а быть можетъ, это было мнѣ видѣніе—я ужъ не знаю. Почудилось мнѣ, будто я въ самой этой плетушкѣ лежу и приходятъ ко мнѣ мои покойные родители—батюшка да матушка—и кланяются мнѣ низко, а сами ничего не говорятъ. И спрашиваю я ихъ: зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ кланяетесь? А затѣмъ, говорятъ, что такъ, какъ ты на семъ свѣтѣ много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и съ насъ большую тягу сняла. И намъ на томъ свѣтѣ стало много способнѣе. Со своими грѣхами ты уже покончила; теперь наши грѣхи побѣждаешь. И сказавши это, родители мнѣ опять поклонились—и не стало ихъ видно: однѣ стѣны видны. Очень я потомъ сомнѣвалась, что это такое со мной было. Даже батюшкѣ на духу разсказала. Только онъ такъ полагаетъ, что это было не видѣніе, потому что видѣнія бываютъ одному духовному чину".

Дайте себѣ трудъ остановиться мыслью на этихъ дерзновенныхъ утвержденіяхъ. Ихъ совершенно свободно высказываетъ Лукерья, само воплощенное смиреніе,—та самая Лукерья, которая о своихъ страданіяхъ тѣлесныхъ и мукахъ душевныхъ только и находится сказать: „Эхъ, баринъ! Что вы это? Какое такое терпѣніе? Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было, точно, великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ! А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ѣли... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ: была нѣкая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всѣхъ жителевъ они мучили и убивали; и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявись тутъ, между тѣми жителями, святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только, прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ смертью огненною за свой народъ помереть. И агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ! А я что!"

Лукерья разсказа охотнику и еще одинъ сонъ. „Вижу я, что сижу я этакъ на большой дорогѣ подъ ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платкомъ окутана—какъ есть странница! И идти мнѣ куда-то далеко-далеко, на богомолье. И проходятъ мимо меня все странники; идутъ они тихо, словно нехотя, все въ одну сторону; лица у всѣхъ унылыя, и другъ на дружку всѣ очень похожи. И вижу я: вьется, мечется

между ними одна женщина, цѣлой головой выше другихъ, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто всѣ другіе отъ нея сторонятся, а она вдругъ верть—да прямо ко мнѣ. Остановилась и смотритъ; а глаза у ней, какъ у сокола, желтые, большіе и свѣтлые-пресвѣтлые. И спрашиваю я ее: кто ты? А она мнѣ говоритъ; „Я смерть твоя". Мнѣ что бы испугаться, а я напротивъ—рада-радехонька, крещусь! И говоритъ мнѣ та женщина, смерть моя: „Жаль мнѣ тебя, Лукерья, но взять я тебя съ собою не могу. Прощай!" Господи! какъ мнѣ тутъ грустно стало!.. „Возьми меня", говорю, „матушка, голубушка, возьми!" И смерть моя обернулась ко мнѣ, стала мнѣ выговаривать... Понимаю я, что назначаетъ она мнѣ мой часъ, да невнятно такъ, неявственно... Послѣ, молъ, Петровокъ... Съ этимъ я проснулась. Такіе-то у меня бываютъ сны удивительные".

Подумайте только, что такъ говоритъ Лукерья, „бой-дѣвка", сама жизнь когда-то, и вы поймете величіе подвига, который сдѣлалъ для нея смерть желанной „матушкой-голубушкой",—въ 28 или 29 лѣтъ, не забудьте. Страхъ смерти, противъ которой, по выраженію Касьяна, „ни человѣку, ни твари не слукавить", не имѣетъ власти надъ этой „муміей": „мнѣ чтобы испугаться, а я напротивъ—рада-радехонька, крещусь". И это не равнодушіе умирающаго, у котораго холодѣютъ члены и тупѣетъ чувство жизни,—нѣтъ, въ ея „хорошихъ, удивительныхъ снахъ" замирающая земная жизнь блекнетъ и засыхаетъ, чтобы смѣниться „царствомъ небеснымъ", гдѣ „болѣзни уже мѣста не будетъ", гдѣ съ самимъ Христомъ она, „невѣста разубранная", „хороводы водить будетъ и пѣсни играть райскія".

Уже звучатъ въ ея „звона и шума" полныхъ ушахъ „райскіе напѣвы", уже несутся они изъ прекраснаго далека, еще невѣдомые и неуловимые, но дивные и плѣнительные, и рѣютъ въ этомъ „вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисеръ изъ голосовъ"...

„Смерть пришла-таки за ней... и „послѣ Петровокъ"... Въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ"... и „говорила, что звонъ шелъ... „сверху". Вѣроятно, она не посмѣла сказать: съ неба"...

„Скучныя пѣсни земли", такъ долго „томившія" эту „желаніемъ чуднымъ полную" душу, замѣнились, наконецъ, „звуками

небесъ". И слагались они, эти „звуки небесъ", въ дивную симфонію радости и счастья, и билось ими въ послѣдній разъ чистое сердце „страдалицы забытой". Великимъ подвигомъ безмѣрнаго страданія, „святыми муками" освятилась ея „душа высокая" и, вся озарившись, свѣтомъ любви,—той любви, которая „сильнѣе смерти и страха смерти",—легко и свободно поднялась она надъ „міромъ печали и слезъ"...

... Какъ сладко, умирая,
Вздохнула ты. Какъ тихо умерла!..

V.

Всходы.

Равнодушно слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей,
Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?

Н. А. Некрасовъ.

Тургеневъ не былъ „равнодушнымъ". Въ его „золотое сердце" съ силой втѣснялись людская боль, человѣческія страданія. Услышалъ онъ и „тихій плачъ и жалобы дѣтей" рабовъ.

Среди „милліоновъ живыхъ мертвецовъ" проникновенный взглядъ писателя съ особенной любовью останавливался на тѣхъ, кто всего болѣе нуждался въ ласкѣ и участіи,—на крестьянскихъ дѣтяхъ. Тургеневъ на себѣ самомъ испыталъ всю горечь нераздѣленной дѣтской любви, всю тяжесть одинокаго безсилія нѣжнаго дѣтскаго сердца передъ злобой и суровымъ безсердечіемъ людей. Самъ не имѣвшій семьи, Иванъ Сергѣевичъ любилъ дѣтей, какъ не любятъ, быть можетъ, иные отцы. За годъ до смерти, уже больной, онъ писалъ маленькой дѣвочкѣ, дочери своего друга: „Какъ бы я былъ радъ ходить съ тобой, какъ въ прошломъ году, по рощѣ и отыскивать прелестные подберезники! Съ большимъ удовольствіемъ разсказалъ бы тебѣ сказку и послалъ бы тебѣ одну главу; но голова моя — настоящій пустой боченокъ, изъ котораго вылито все вино, и стоитъ онъ кверху дномъ, такъ что и новое вино въ него набраться не можетъ... Если же поправлюсь, то напишу тебѣ сказку *„о пустомъ боченкѣ"*... Сердце этого „ребенка", какъ назвалъ Ивана Сергѣевича одинъ изъ заграничныхъ его друзей („онъ былъ любезенъ съ людьми, какъ ребенокъ"), никогда не оставалось пустымъ: слишкомъ чутко и отзывчиво оно было и не знало тѣхъ условныхъ граней, которыя въ человѣкѣ заурядномъ низводятъ безпредѣльно-вели-

кую силу любви до степени болѣе или менѣе узкихъ и часто несвободныхъ отъ эгоизма сочувствій. Ему дороги были и крестьянскія дѣти, его сердцу была понятна суровая доля тѣхъ, кому „сгибнуть ничто не мѣшало, кому были „знакомы рано труды"...

Образы дѣтей въ „Запискахъ Охотника" немногочисленны; но они такъ выразительны, эти дѣтскія личики, такъ много говорили и говорятъ сердцу читателя.

Умираетъ крестьянинъ, обгорѣвшій въ овинѣ; охотникъ заходитъ къ нему. „Темно въ избѣ, душно, дымно,—разсказываетъ онъ. — Спрашиваю, гдѣ больной?" — „А вонъ, батюшка, на лежанкѣ", отвѣчаетъ мнѣ нараспѣвъ пригорюнившаяся баба. Подхожу — лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, дышитъ тяжко. „Что, какъ ты себя чувствуешь?" Завозился больной на печи, подняться хочетъ, а весь въ ранахъ, при смерти. „Лежи, лежи, лежи... Ну, что? какъ?" — „Вѣстимо плохо", говоритъ. „Больно тебѣ?" Молчитъ. „Не нужно ли чего?" Молчитъ. „Не прислать ли тебѣ чаю, что ли?"—„Не надо". Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса,—гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу, за столомъ подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозится на нее"... [1]) Въ такой, или подобной, безпросвѣтно-мрачной обстановкѣ, въ безысходной нуждѣ начинала свою жизнь не одна крестьянская дѣвочка. Время шло, дѣвочка росла, и „суровая доля крестьянки", точно непосильная ноша, давила ее, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и ниже пригибала ее эта тяжесть безпрерывнаго труда, ужаснаго рабства.

Случилось охотнику быть у помѣщика Мардарія Аполлоновича Стегунова. „Пойдемте-ка на балконъ,—приглашаетъ помѣщикъ гостя,—вишь вечеръ какой славный".—Мы вышли на балконъ, сѣли и начали разговаривать. Мардарій Аполлонычъ взглянулъ внизъ и вдругъ пришелъ въ ужасное волненье.

— Чьи это куры? чьи это куры? — закричалъ онъ: — чьи это куры по саду ходятъ?.. Юшка! Юшка! поди узнай сейчасъ, чьи это куры по саду ходятъ?.. чьи это куры? Сколько разъ я запрещалъ, сколько разъ говорилъ!

Юшка побѣжалъ.

— Что за безпорядки! — твердилъ Мардарій Аполлонычъ: — это ужасъ!

---

[1]) Разсказъ „Смерть"

Несчастныя куры, какъ теперь помню, двѣ крапчатыя и одна бѣлая съ хохломъ, преспокойно продолжали ходить подъ яблонями, изрѣдка выражая свои чувства продолжительнымъ крехтаньемъ, какъ вдругъ Юшка, безъ шапки, съ палкой въ рукѣ, и трое другихъ совершеннолѣтнихъ дворовыхъ, всѣ вмѣстѣ дружно ринулись на нихъ. Пошла потѣха. Курицы кричали, хлопали крыльями, прыгали, оглушительно кудахтали; дворовые люди бѣгали, спотыкались, падали; баринъ съ балкона кричалъ, какъ изступленный: „лови, лови! лови, лови! лови, лови, лови!.. Чьи это куры? чьи это куры?“ Наконецъ, одному дворовому человѣку удалось поймать хохлатую курицу, придавивъ её грудью къ землѣ, и въ то же время черезъ плетень сада, съ улицы, перескочила дѣвочка лѣтъ одиннадцати, вся растрепанная и съ хворостиной въ рукѣ.

— А вотъ, чьи куры! — съ торжествомъ воскликнулъ помѣщикъ: — Ермила кучера куры! вонъ онъ свою Наталку загнать ихъ выслалъ... Небось, Параши не выслалъ, — присовокупилъ помѣщикъ вполголоса и значительно ухмыльнулся.—Эй, Юшка! брось курицъ-то: поймай-ка мнѣ Наталку.

Но прежде чѣмъ запыхавшійся Юшка успѣлъ добѣжать до перепуганной дѣвчонки, — откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку и нѣсколько разъ шлепнула ее по спинѣ.

— Вотъ тэкъ, э вотъ тэкъ,—подхватилъ помѣщикъ:—те-те-те! те-те-те!.. А куръ-то отбери, Авдотья,—прибавилъ онъ громкимъ голосомъ и съ свѣтлымъ лицомъ обратился ко мнѣ: — какова, батюшка, травля была, ась? Вспотѣлъ даже, посмотрите.

И Мардарій Аполлонычъ расхохотался“ [1]).

Разъ, возвращаясь вечеромъ съ охоты, охотникъ былъ застигнутъ въ лѣсу страшною грозой, разразившейся ливнемъ. Случайно повстрѣчавшійся ему лѣсникъ, Бирюкъ, предложилъ „барину“ провести его въ свою избу. „Мы ѣхали довольно долго, — разсказываетъ Тургеневъ, наконецъ, мой проводникъ остановился. „Вотъ, мы и дома, баринъ“, промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я поднялъ голову и при свѣтѣ молніи увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь. „Сичасъ, сичасъ!“ раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ

---

1) Разсказъ „Два помѣщика“.

ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину,—сказалъ онъ ей,—а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка взглянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ,—сердце во мнѣ заныло: невесело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь?—спросилъ я дѣвочку.

— Одна,—произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова,—прошептала она.

... Ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ.—На, дай ему,—проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.

... Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мое дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ, изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Улитой,—проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико".

И невольно, при видѣ этихъ скорбныхъ, „съ молчаливымъ испугомъ", дѣтскихъ личекъ, вспоминается грустно-величественный гимнъ русской крестьянкѣ другого „печальника горя народнаго", Н. А. Некрасова:

---

[1]) Разсказъ „Бирюкъ".

Три тяжкія доли имѣла судьба;
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться;
Вторая—быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.
Вѣка протекали—все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.
Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла,—
Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся—воплощенный испугъ,
Ты вся—вѣковая истома!
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ.
... Мало словъ, а горя—рѣченька,
Горя—рѣченька бездонная...

Такъ, „въ золотую пору малолѣтства", когда „все живое счастливо живетъ, не трудясь, съ ликующаго дѣтства дань забавъ и радости беретъ", крестьянскія дѣти уже „дружились съ суровой долей, не знали игръ веселыхъ, не знали дней веселыхъ"; ихъ дѣтство — „глушь безпросвѣтная, даль безотрадная: все то зачахло да сгибло безъ времени"... Какъ же не пожалѣть о нихъ тѣмъ, кому „красное дѣтство дано играть и расти на волѣ!.." Нашъ великій писатель, который на смертномъ одрѣ завѣщалъ „жить и любить людей", видѣлъ эти „дѣтскія слезы, безвинныя слезы" и всею силою своей нѣжной и мощной души полюбилъ „печальныя личики" несчастныхъ дѣтей рабовъ. И такова сила этой вдохновенной любви, такъ она—эта любовь—свѣтла и прекрасна, что, освѣщенные и согрѣтые ею, образы дѣтей невольно втѣсняются въ нашу душу, и становится въ ней свѣтлѣй и привѣтнѣй, и просится она къ тѣмъ, кто не зналъ и не знаетъ ласки и привѣта, у кого не было и нѣтъ „дѣтства веселаго", и рвется любить ихъ любовью брата, чтобы „чужіе стоны, чужая скорбь" были „близки, какъ свои"...

И какъ не любить ихъ, этихъ неповинныхъ въ своей суровой долѣ дѣтей! Послушайте, что разсказываетъ Тургеневу Лу-

керья о крестьянской дѣвочкѣ-сироткѣ. На его вопросъ: „кто за ней ходитъ?“ Лукерья говоритъ: „А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ѣсть-то, почитай, что не ѣмъ ничего, а вода — вонъ она, въ кружкѣ-то: всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть, сиротка; нѣтъ, нѣтъ—да и навѣдается, спасибо ей. Сейчасъ тутъ была... Вы ее не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носитъ; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ-то. Садовыхъ у насъ нѣтъ,— были да перевелись... Но вѣдь и полевые цвѣты хороши; пахнутъ еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что пріятнѣе?“ [1]). Развѣ не золотое сердце у этой „дѣвочки-сиротки“?..

А вотъ и еще одна дѣвочка, съ которой случилось встрѣтиться писателю. Разъ, въ сопровожденіи крестьянина Касьяна, онъ отправился на „ссѣчки“ (срубленное мѣсто въ лѣсу): „тамъ часто водятся тетерева“. „Жара заставила насъ, наконецъ, войти въ рощу,—разсказываетъ Тургеневъ.—Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Касьянъ присѣлъ на толстый конецъ срубленной березы“. Они разговорились. Вдругъ Касьянъ „вздрогнулъ и умолкъ, пристально всматриваясь въ чащу лѣса. Я обернулся и увидѣлъ маленькую крестьянскую дѣвочку лѣтъ восьми, въ синемъ сарафанчикѣ, съ клѣтчатымъ платкомъ на головѣ и плетенымъ кузовкомъ на загорѣлой, голенькой рукѣ. Она, вѣроятно, никакъ не ожидала насъ встрѣтить; какъ говорится, наткнулась на насъ и стояла неподвижно въ зеленой чащѣ орѣшника, на тѣнистой лужайкѣ, пугливо посматривая на меня своими черными глазами. Я едва успѣлъ разглядѣть ее: она тотчасъ нырнула за дерево.

— Аннушка! Аннушка! подь сюда, не бойся,—кликнулъ старикъ ласково.

— Боюсь,—раздался тонкій голосокъ.

— Не бойся, поди ко мнѣ.

Аннушка молча покинула свою засаду, тихо обошла кругомъ,—ея дѣтскія ножки едва шумѣли по густой травѣ,—и вышла изъ чащи подлѣ самаго старика. Это была дѣвочка не восьми лѣтъ, какъ мнѣ показалось сначала, по небольшому ея росту, но тринадцати или четырнадцати. Все ея тѣло было мало и худо,

---

[1]) Разсказъ „Живыя мощи“.

но очень стройно и ловко, а красивое личико поразительно сходно съ лицомъ самого Касьяна... Тѣ же острыя черты, тотъ же странный взглядъ, лукавый и довѣрчивый, задумчивый и проницательный, и движенья тѣ же... Касьянъ окинулъ ее глазами; она стояла къ нему бокомъ.

— Что, грибы собирала?—спросилъ онъ.

— Да, грибы,—отвѣчала она съ робкой улыбкой.

— Много нашла?

— Много. (Она быстро глянула на него и опять улыбнулась.)

— И бѣлые есть?

— Есть и бѣлые.

— Покажь-ка, покажь... (Она спустила кузовъ съ руки и приподняла до половины широкій листъ лопуха, которымъ грибы были покрыты.)—Э!—сказалъ Касьянъ, нагнувшись надъ кузовомъ,—да какіе славные! Ай да Аннушка!

— Ну, Аннушка ступай, ступай съ Богомъ. Да смотри...

— Да зачѣмъ же ей пѣшкомъ идти?—прервалъ я его.—Мы бы ее довезли.

Аннушка загорѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, ухватилась обѣими руками за веревочку кузова и тревожно поглядѣла на старика.

— Нѣтъ, дойдетъ,—возразилъ онъ тѣмъ же равнодушно-лѣнивымъ голосомъ.—Что ей?.. Дойдетъ и такъ... Ступай.

Аннушка проворно ушла въ лѣсъ. Касьянъ поглядѣлъ за нею вслѣдъ, потомъ потупился и усмѣхнулся. Въ этой долгой усмѣшкѣ, въ немногихъ словахъ, сказанныхъ имъ Аннушкѣ, въ самомъ звукѣ его голоса, когда онъ говорилъ съ ней, была неизъяснимая, страстная любовь и нѣжность" [1]).

И вѣрится, подъ обаяніемъ этихъ милыхъ дѣтскихъ личекъ, „поднимающихъ къ любви, къ беззавѣтной любви, очи, полныя скорбной мольбой",—вѣрится, что „вернется на землю любовь

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды...

Познакомимся теперь съ крестьянскими мальчиками въ „Запискахъ Охотника".

---

1) Разсказъ „Касьянъ съ Красивой Мечи".

Разъ поздно вечеромъ, возвращаясь съ охоты, Тургеневъ сбился съ пути и, послѣ долгихъ блужданій по неизвѣстнымъ мѣстамъ „почти совсѣмъ потонувшимъ во мглѣ“, вышелъ на лугъ, извѣстный подъ названіемъ „Бѣжина луга“ [1]). „Вернуться домой не было никакой возможности, ноги подкашивались отъ усталости“, и охотникъ рѣшилъ подойти къ показавшимся невдалекѣ огонькамъ, около которыхъ копошились какіе-то люди, принятые имъ за гуртовщиковъ. Оказалось, что онъ ошибся. „Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ клячонкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ“.

Охотникъ сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили его, откуда онъ, помолчали, посторонились. „Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ, разсказываетъ Тургеневъ, и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника и разомъ исчезнетъ;—острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновеніе, въ свою очередь добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ... Темное, чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума. Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали“. Охотникъ

---

[1]) Разсказъ „Бѣжинъ лугъ“.

„притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились“.

Съ колыбели налегла на этотъ дѣтскій міръ „непроглядная тьма суевѣрій“, съ колыбели облегли его гнетъ, нужда и горе; но „выведенные—тоже почти съ колыбели на открытое поле жизни и предоставленные почти совершенно самимъ себѣ“, эти мальчики бодры, находчивы, умны и энергичны. Провозвѣстникъ любви, разума и свободы, Иванъ Сергѣевичъ съ такою любовью слушаетъ эти „звонкіе дѣтскіе голоса“, эту нехитрую бесѣду, и такъ правдиво и сердечно передаетъ ее, что настроеніе писателя невольно сообщается и читателямъ,—особенно тѣмъ, для кого еще не миновала „юности гордой и свѣтлой пора“, у кого „душа очерствѣть“ и „сердце остыть“ не успѣли...

Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Ильюша, Павлуша, Костя и Ваня.

Ѳедя—мальчикъ лѣтъ четырнадцати, стройный, „съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной полувеселой, полуразсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги—не отцовскіе“. Ѳедя—душа, центръ этого дѣтскаго кружка, очевидно, по своему привилегированному положенію: ему „приходилось быть запѣвалой, самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство“; онъ возобновляетъ прерванный разговоръ, руководитъ имъ и, вообще, всѣмъ этимъ маленькимъ обществомъ. Къ другимъ мальчикамъ Ѳедя относится покровительственно, но признаетъ нравственное и умственное превосходство Павлуши и говоритъ съ нимъ немного заискивающимъ тономъ; пытается иногда подражать безстрашію Павлуши (такъ, напр., насмѣшливо перебиваютъ Ильюшу вопросомъ: „а ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли?“), но сбивается съ этого ему несвойственнаго тона, вѣритъ въ „нечисть“ и порой трруситъ не менѣе другихъ. Добрый мальчикъ—вспомните его разговоръ съ Ваней; но это стремленіе быть первымъ, этотъ покровительственный тонъ,—кто знаетъ, въ чемъ выразится это расположеніе дѣтской души, основанное на внѣшнемъ, матеріальномъ превосходствѣ его родителей, къ чему

приведетъ оно, когда Ѳедя выраститъ и самъ станетъ богатымъ человѣкомъ?..

Лицо *Ильюши* „было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови его не расходились,—онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то и дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку". Умственно недалекій, нравственно неразвитый, Ильюша и своею внѣшностью, и своими рѣчами производитъ впечатлѣніе большого человѣка изъ маленькихъ: онъ лучше всѣхъ мальчиковъ знаетъ деревенскія повѣрья, высказываетъ сужденія по тѣмъ или другимъ вопросамъ съ увѣренностью человѣка, уже постигшаго всю несложную мудрость темнаго и бѣднаго крестьянскаго обихода. Жизнь рано выучила его и развила въ немъ практическую сметку: на немъ были новые лапти и онучи, опрятная свитка; это—человѣкъ себѣ на умѣ и не прочь играть роль. Но, видно, наука жизни не даромъ тогда удавалась: не по-дѣтски сухой, практическій характеръ разсказовъ Ильюши обличаетъ въ немъ сухого, не способнаго глубоко и искренно чувствовать мальчика; уже дѣтскіе годы вытравили въ его душѣ, или изсушили, ея лучшіе порывы:

Такъ тощій плодъ до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

У *Павлуши* „волосы были всклокоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый,—что и говорить!—а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ". Павлуша сильный характеръ и свѣтлый умъ. На видъ ему было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, а онъ держится выше своихъ товарищей, „царитъ", и это объясняется присущей ему внутренней мощью духа. Онъ—человѣкъ дѣла, энергичный, рѣшительный, увѣрен-

ный въ себѣ. „Я невольно полюбовался Павлушей",—говоритъ Тургеневъ. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновенье (когда вернулся съ развѣдки, произведенной вслѣдствіе поднятой собаками тревоги). Его некрасивое лицо, оживленное быстрой. ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью, Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... „Что за славный мальчикъ!" думалъ я, глядя на него".—Павлуша критически - насмѣшливо относится къ наивно-фантастическимъ разсказамъ ребятокъ и трезво цѣнитъ дѣйствительность. И товарищи относятся почтительно къ Павлушѣ, признавая его умственное превосходство и нравственную мощь.

Чувствуешь исключительность этой дѣтской, но не по-дѣтски глубокой и серьезной натуры; чувствуетъ и Павелъ свое одиночество, постоянно какъ-то удаляясь отъ своихъ сверстниковъ; и вмѣстѣ какое-то темное, печальное предчувствіе тревожитъ, и заключительныя строки разсказа о ранней смерти Павлуши предвосхищаются читателемъ, какъ будто ждешь чего-то нехорошаго для этого „славнаго мальчика". Въ *этомъ* обществѣ, въ *такой* средѣ, гдѣ „бредутъ по житейской дорогѣ въ безразсвѣтной, глубокой ночи, безъ понятья о правѣ, о Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи", гдѣ душно жить, гдѣ „сгибнуть ничто не мѣшаетъ",—здѣсь онъ не жилецъ: слишкомъ мала и узка эта среда для него, онъ переросъ ее... Но выхода къ другой жизни для него нѣтъ, и Павлуша гибнетъ въ тискахъ ужасной крѣпостной неволи съ ея рабствомъ и невѣжествомъ. „Бойкій и смышленый Павлуша не теряется ни при какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, которыя кажутся ему естественными; но лишь только онъ чего не понимаетъ, онъ предается суевѣрному страху и теряетъ свою энергію. При такомъ (суевѣрно-боязливомъ) отношеніи къ природѣ, счастье человѣка крайне непрочно: оно легко разрушается какимъ-нибудь самымъ ничтожнымъ обстоятельствомъ". Несмотря на подвижность характера и сильный, ясный умъ, Павлуша все же „не могъ избавиться отъ силы суевѣрія. Убѣжденный, что онъ слышалъ голосъ покойнаго Васи и что, слѣдовательно, ему самому придется умереть въ этомъ году, онъ по своему отважному характеру уже дѣлается безразсуднымъ въ своихъ поступкахъ, наталкиваясь на разныя опасности, съ одной мыслью, что все равно не избѣжишь смерти („своей судьбы не минуешь"), если уже было предвѣщаніе. Очень понятно, что при подобномъ направленіи

онъ долженъ былъ наткнуться на такой случай, который сломилъ ему голову". И въ самомъ Павлушѣ есть эта грусть, это гнетущее настроеніе печали, возникающее изъ неяснаго, быть можетъ, сознанія, что при настоящихъ условіяхъ—рабство, невѣжество, сила суевѣрія—онъ не властенъ надъ своей судьбой. Вы помните эту, душу надрывающую сцену:

— А вотъ Павлуша идетъ,—молвилъ Ѳедя.

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что ребята,—началъ онъ помолчавъ:—неладное дѣло.

— А что?—торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты, что ты?—пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: „Павлуша, Павлуша, подь сюда". Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи!—проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ,—прибавилъ Ѳедя.— А мы только что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная,—съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пущай!—произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять:—*Своей судьбы не минуешь*.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Что это?—спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ посвистываютъ.

— Куда же они летятъ?

— А туда, гдѣ говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза".

Да, тамъ, за теплыми морями, далеко, далеко за предѣлами крѣпостного рабства, Павлуша „миновалъ" бы свою „судьбу"... А здѣсь... „Смотри, какой здѣсь видъ", говоритъ Пушкинъ:

Избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса...
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка...
... Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ...

Оттого-то здѣсь, какъ говорится въ пѣснѣ *„Лихача-Кудрявича“* Кольцова,

Зла бѣда
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ.
Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...
И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все изъ рукъ вонъ плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

Здѣсь и Павлуша не миновалъ своей судьбы: „Я къ сожалѣнію, долженъ прибавить, заканчиваетъ свой разсказъ Тургеневъ, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!...“

Костя—мальчикъ лѣтъ десяти. Онъ „возбуждалъ мое любопытство, говоритъ Тургеневъ, своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснуш-

кахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ,—на его языкѣ, по крайней мѣрѣ,—не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго, и одѣтъ довольно бѣдно". Нѣжная, задушевная грусть проходитъ чрезъ всѣ разсказы Кости, такіе немудреные и вмѣстѣ такіе милые и по-своему серьезные. Сказывается въ этихъ „большихъ, черныхъ, жидкимъ блескомъ блестѣвшихъ глазахъ", въ этихъ милыхъ, но грустью тяжелой и думою черной обвитыхъ рѣчахъ, сказывается какой-то нерѣшенный—не только не высказанный вопросъ; чувствуется въ этомъ „задумчивомъ и печальномъ взорѣ" болѣзненно тонкая психическая организація, до которой грубой, заскорузлой отъ вѣкового рабства, рукой коснулась неумолимо жестокая, безстрастная дѣйствительность въ видѣ „невеселаго, все молчащаго" слободского плотника Гаврилы, утопленнаго въ „бучилѣ" ворами лѣсника Акима, обманутой Акулины - „дурочки" („съ тѣхъ поръ и рехнулась"), утонувшаго Васи и безутѣшной отъ горя матери его Ѳеклисты... „—А помнишь Васю?..—печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю?—спросилъ Ѳедя.

— А вотъ того, что утонулъ,—отвѣчалъ Костя:—въ этой вотъ самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! и-ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ онъ, Вася, съ нами, съ ребятками, лѣтомъ въ рѣчку купаться,—она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто наземь и станетъ его кликать: „Вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, мой соколикъ!" И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ,—глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку,—помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ,—вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится"...

Костя—это нѣжное растеньице, которому жить бы и расти тамъ, гдѣ никогда зимы не бываетъ; а здѣсь, едва показавшись

на свѣтъ, оно уже побито холодомъ суровой крестьянской жизни. „Съ умомъ, не по-дѣтски печалью развитымъ, и съ чуткой, болѣзненно-чуткой душой", Костя въ десять лѣтъ уже знаетъ ее, эту жизнь, и знаетъ съ оборотной стороны: безвинныя страданья, безвинныя слезы (ему и русалочки жаль) больно поразили его нѣжное, любящее сердечко, и оно сжалось подъ дѣйствіемъ холодной необходимости фактовъ, даже какъ будто примирилось съ ней; но въ глубинахъ дѣтской души,—невѣдомыхъ другимъ и открытыхъ для проницательнаго взора писателя,—кроется затаенный, самому мальчику, быть можетъ, не совсѣмъ ясный, протестъ: откуда эта скорбь въ человѣкѣ? Зачѣмъ эти напрасно загубленныя жизни? эти слезы, эти безумныя, горькія жалобы Богу?.. И всѣ рѣчи Кости—точно одинъ нескончаемый, дѣтски чистый вопль-плачъ, горькая жалоба Богу, безконечно-грустный зовъ о любви, ласкѣ, привѣтѣ, свѣтлой радости... Этотъ „зовъ безотвѣтный", эти „дѣтскія слезы" поистинѣ „жгутъ и терзаютъ грудь" читателя, „людского сожалѣнья" просятъ; и хочется сказать вмѣстѣ съ поэтомъ этому милому, несчастному ребенку:

Дитя мое... Мой мальчикъ дорогой,
О, какъ бездушенъ онъ, вашъ жалкій, вашъ жестокій,
Вашъ нищій чувствомъ міръ земной!
И такъ довольно въ немъ печали и страданья.
И такъ довольно въ немъ и жертвъ, и палачей:
Къ чему жъ ему еще безвинныя страданья
Дѣтей измученныхъ, безпомощныхъ дѣтей?..

Наконецъ, *Ваня*. „Я сперва было и не замѣтилъ (его),—говоритъ Тургеневъ:—онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикурнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лѣтъ семь".

„Вы помните эту дивную сценку:

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки,—раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся.

Онъ выставилъ свое свѣтлое личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня,—ласково заговорилъ Ѳедя:—что твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова,—отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю".

Ваня—это маленькое, чистое, нѣжное сердечко, милое и наивное дитя; онъ еще не задумывается надъ окружающей его грязной и темной дѣйствительностью, потому что для него еще „Божьи звѣздочки, что пчелки роятся"...

„Вы читаете „Бѣжинъ лугъ",—говоритъ С. А. Венгеровъ,—и чѣмъ дальше вы въ него вникаете, тѣмъ чаще и чаще начинаетъ подыматься ваша грудь и вы кончаете очеркъ въ какомъ-то упоеньи. Это чтеніе подняло въ душѣ вашей цѣлый рой сладкихъ ощущеній; подобно величественной сонатѣ Бетховена, оно пробудило разныя неопредѣленныя стремленья; долго, долго длится ваше очарованіе"... Но вотъ вы освободились отъ него, и „рой сладкихъ ощущеній" смѣняется какой-то тоскливой, давящей грустью отъ печальнаго настоящаго этихъ дѣтей и гнетущей тревогой за ихъ темное будущее: вѣдь Вася утонулъ, Павлуша убился. Что ждетъ въ жизни остальныхъ дѣтей? И подъ тяжестью этого вопроса вы невольно обращаетесь къ писателю, прося у него отвѣта. Иванъ Сергѣевичъ даетъ этотъ отвѣтъ только не словами, а цѣлой картиной, изумительно яркой, захватывающей и поднимающей душу читателя,—картиной разсвѣта и пробужденія природы: „... Полились кругомъ меня,—говоритъ онъ,—по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимъ холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади—по длинной пыльной дорогѣ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана — полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ на-

встрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ мимо меня, прогоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ"...

Не сама ли это „заря просвѣщенной свободы"?..

День встаетъ багрянъ и пышенъ,—
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ...

VI.

Горькое время—горькія пѣсни.

Душа народная!
Возсмѣйся жъ, наконецъ!

Н. А. Некрасовъ.

„Пѣвцы“ — это одинъ изъ самыхъ характерныхъ аккордовъ „великой скорбной симфоніи“; только, чтобы понять его, необходимо дополнить поставленное авторомъ заглавіе: здѣсь не только поютъ, но и пьютъ. Пѣть и пить—излюбленное средство отъ горя горемыки-народа. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ помнить себя, онъ поетъ и пьетъ,—въ пѣснѣ выливаетъ свое горе, виномъ заливаетъ жгучую тоску.

Не заказано вѣтру свободному
Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ;
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны въ лѣсахъ:
Споконъ вѣку дождемъ разливаются
Надъ родной стороной небеса,
Гнутся, стонутъ, подъ бурей ломаются
Споконъ вѣку родные лѣса;
Споконъ вѣку работа народная
Подъ унылую пѣсню кипитъ...

Да, „споконъ вѣку“: еще начальная лѣтопись знаетъ и о пѣсняхъ и о томъ, что „Руси есть веселіе пити“. Давно, давно побратались вино и пѣсня; жизнь закрѣпила этотъ союзъ. „Вѣка протекали—все къ счастью стремилось, все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось“, а Русь святая поетъ и пьетъ, какъ прежде: гдѣ пьютъ, тамъ поютъ, гдѣ поютъ, тамъ пьютъ. „Царевъ кабакъ“ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ былъ театромъ русскаго народа; на убогой сценѣ, по всей „матушкѣ-Руси“ разселившихся „Притынныхъ“ умѣстились и народная опера, и мужицкая драма.

Въ одинъ изъ этихъ „Притынныхъ“ и вводитъ насъ Турге-

невъ, чтобъ мы увидѣли и поняли, откуда пошла русская пѣсня и за что полюбилъ русскій мужикъ „зелено вино“.

Предъ нами „убогая Русь“. „Небольшое сельцо Колотовка, принадлежащее нѣкогда помѣщицѣ, за лихой и бойкій нравъ прозванной въ околоткѣ Стрыганихой (настоящее имя ея осталось неизвѣстнымъ), а нынѣ состоящее за какимъ-то петербургскимъ нѣмцемъ, лежитъ на скатѣ голаго холма, сверху донизу разсѣченнаго страшнымъ оврагомъ, который, зіяя какъ бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой серединѣ улицы, и пуще рѣки—черезъ рѣку можно по крайней мѣрѣ навести мостъ,—раздѣляетъ обѣ стороны бѣдной деревушки. Нѣсколько тощихъ ракитъ боязливо спускаются по песчанымъ его бокамъ; на самомъ днѣ, сухомъ и желтомъ, какъ мѣдь, лежатъ огромныя плиты глинистаго камня. Невеселый видъ, нечего сказать, а между тѣмъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ хорошо извѣстна дорога въ Колотовку: они ѣздятъ туда охотно и часто.

У самой головы оврага, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той точки, гдѣ онъ начинается узкой трещиной, стоитъ небольшая четвероугольная избушка, стоитъ одна, отдѣльно отъ другихъ. Она крыта соломой, съ трубой; одно окно, словно зоркій глазъ, обращено къ оврагу и въ зимніе вечера, освѣщенное извнутри, далеко виднѣется въ тускломъ туманѣ мороза и не одному проѣзжему мужичку мерцаетъ путеводною звѣздою. Надъ дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка—кабакъ, прозванный „Притыннымъ“.

Уже здѣсь достаточно ясно обозначилось то роковое, что порождало „Притынные“ около „Колотовокъ“. Черезъ страницу вниманіе вдумчиваго читателя останавливаетъ какъ будто случайно оброненное замѣчаніе писателя о женѣ цѣловальника, что она пьяницъ-крикуновъ не любитъ: „выгоды отъ нихъ мало, а шуму много; *молчаливые*, *угрюмые* ей скорѣе по сердцу“. Еще ниже вы узнаете о томъ, что „въ Колотовкѣ, какъ и *во многихъ* другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣніемъ ключей и колодцевъ, *пьютъ какую-то жидкую грязцу* изъ пруда... Но кто же назоветъ это отвратительное пойло водою?“ Еще черезъ нѣсколько строкъ Тургеневъ скажетъ вамъ о „бурыхъ, *полуразметанныхъ крышахъ* домовъ“, о „*выжженномъ*, *запыленномъ выгонѣ*, по которому *безнадежно скитаются худыя*, длинноногія курицы“, о „*черномъ*, словно раскаленномъ *прудѣ*, съ каймой изъ *полувысохшей грязи* и сбитой на бокъ плотиной, возлѣ которой, на мелко истоптанной, пепеловидной землѣ, овцы, едва дыша и

чихая отъ жара, печально тѣснятся другъ къ дружкѣ и съ унылымъ терпѣньемъ наклоняютъ головы какъ можно ниже"...

Если вспомнить, что это писалось тогда, когда „въ отвѣтъ стенаніямъ народа мысль русская стонала въ полутонъ", если вспомнить, что сознательные читатели безъ труда выравнивали эти полутоны въ тонъ „гнусной рассейской дѣйствительности", то станетъ совершенно понятнымъ, что хотѣлъ сказать Тургеневъ этой прелюдіей къ пѣснѣ Якова-Турка, который „былъ по душѣ художникъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, а по званію черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца". „Худой и стройный", онъ „смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя выразительныя губы, все его рицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго".

„... Яковъ открылъ свое лицо, оно было блѣдно, какъ у мертваго, глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Ивановича такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ; за вторымъ—третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала", пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе; онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе—онъ дрожалъ, но той, едва за-

мѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, навстрѣчу низкому, багровому солнцу; я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня... Я оглянулся — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго; Николай Иванычъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленье, если бъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ, словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его...

— Яша,—проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо и смолкъ. Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ всталъ и тихо подошелъ къ Якову. „Ты... твоя... ты выигралъ", произнесъ онъ наконецъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты"...

Почему же Яковъ-Турокъ выигралъ? Что дало его пѣснѣ такую остроту, что она врѣзалась въ самую глубь души, туда, куда не доходятъ обычныя, условныя отличія, гдѣ люди—просто люди, гдѣ человѣческое свѣтитъ и теплится въ каждомъ изъ людей,—богатъ ли онъ, бѣденъ ли, аристократъ или нищій, дворянинъ или мужикъ?

Я позволю себѣ по этому поводу сдѣлать маленькую экскурсію въ ту область народнаго творчества, которой коснулся Тургеневъ въ этомъ очеркѣ.

Извѣстенъ отзывъ Пушкина о русской народной пѣснѣ; она „грустный вой“:

Отъ ямщика до перваго поэта
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта—
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

—

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Гоголь также называетъ русскую пѣсню „тоскливою“, „рыдающею“, „хватающею за сердце“: „почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоихъ (поэтъ обращается къ Россіи) тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ, отъ моря до моря пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца?“

Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой!..

Некрасовъ.

„Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?“ спрашиваетъ путникъ, утомленный однообразіемъ русской степи, дальней дорогой, вѣтромъ-„перекати-поле“, туманомъ и удрученный какой-то тайной тоской (стихотвореніе Полонскаго: „Дорога“).

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
Про черный день мы пѣсню бережемъ!

„Повита эта русская пѣсня, по выраженію Л. А. Мея, непогодою-невзгодою, омыта-крещена въ крови, въ слезахъ“:

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою, невзгодою повитая,

Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей.

Да, суровая русская природа одна не объясняетъ всего въ этой тоскливой, „хватающей за душу" русской пѣснѣ; кажется, наоборотъ, въ этой невеселой сѣверной природѣ русскій человѣкъ находитъ отзвукъ своему настроенію; онъ любитъ эту природу, какъ ни бѣдна она, любитъ сыновней любовью

песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,

любитъ ее веселую и разубранную, любитъ грустную и развѣнчанную... Не ее винить русскому человѣку за эту пѣсню-стонъ, отъ „чернаго дня" пошла эта пѣсня, и только свѣтлые дни положатъ конецъ ей, „во крови, въ слезахъ крещеной-омытой".

Бросьте взглядъ на тысячелѣтнюю исторію русскаго народа. „Въ лѣто 6370 изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: „поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ варягамъ къ Руси и рѣша: „вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣть нами"... Вотъ начальный фактъ русской исторіи, какъ онъ записанъ въ лѣтописи... Этотъ „нарядъ" получила русская земля, но—какой дорогой цѣной: невеселыя годины утомляющей чредой смѣняли одна другую.

И тогда жъ въ тѣ злые дни Олега
Сѣялось крамолой и растилось
На Руси отъ внуковъ Гориславны;
Погибала жизнь Дажьбожьихъ внуковъ,
Сокращались вѣки человѣковъ...
Въ тѣ дни рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трупахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину...
Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорятъ: то мое и это!

Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе!..
Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ,
Человѣчьи головы кидаютъ!
Не цѣпами молотятъ, мечами,
Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
Охъ, не житомъ сѣяны, костями,
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своими русскими костями...

„О стонати русской землѣ, помянувши первую годину и первыхъ князей", и она возстонала этимъ стономъ, который у насъ пѣсней зовется... За первой годиной княжескихъ усобицъ не замедлила татарская неволя; о ней такъ просто и вмѣстѣ такъ выразительно говоритъ былина-пѣсня о Щелканѣ-Дудентьевичѣ, который

Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены нѣтъ,
Того самого съ головой возьметъ.

А за этой годиной третья—эпоха московскихъ князей „собирателей", которые за своими мудрыми хозяйственными расчетами забывали права и потребности русскаго человѣка. А за ними—Грозный, Борисъ Годуновъ, смутное время, расколъ, эпоха Петра, придворныхъ смутъ и временщиковъ и т. д., и т. д., и все это на безпросвѣтно-мрачномъ фонѣ народнаго рабства.

Эти бѣдныя селенья,

говоритъ Тютчевъ,

Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
...Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ благословляя.

„Удрученный ношей крестной“, прошелъ русскій народъ свою тысячелѣтнюю исторію, и чѣмъ же другимъ, кромѣ стона, могъ отозваться онъ на вѣковѣчный гнетъ и страданія. Такимъ именно, удрученнымъ ношей крестной, но безконечно терпѣливымъ, видѣлъ Иванъ Сергѣевичъ съ самаго ранняго дѣтства свой край родной—свой родной народъ.

Вотъ та историческая подпочва, на которой выростала русская государственность, подъ постояннымъ воздѣйствіемъ которой конструировалось русское общество и сложился укладъ русской семьи.

Понятно теперь, что ударить по „русскимъ струнамъ“ пѣсня рядчика не могла. „Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особымъ стараньемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносчивой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку бы они много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, ténor leger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько;
Я посѣю, молода-молоденька,
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушала его съ большимъ вниманіемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣньи, и не даромъ село Сергіевское, на большой орловской дорогѣ, славится по всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; ему не доставало поддержки хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачемъ начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: „Лихо... Забирай, шельмецъ!.. Забирай, вытягивай, аспидъ!

Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты этакая, песъ!.. Погуби Иродъ твою душу!" и пр. Николай Ивановичъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ,— а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ"...

Рядчикъ—это артистъ, „служитель чистаго искусства", для котораго красота—все. Такимъ людямъ нельзя отказать въ болѣе или менѣе развитомъ эстетическомъ чувствѣ: они тонко чувствуютъ и красиво воспроизводятъ свои эмоціи; но они не любятъ и не умѣютъ слушать и возсоздавать диссонансы жизни: зло, страданія, боль—не ихъ сфера. И оттого ихъ пѣсни — „для немногихъ" и только развѣ изрѣдка и ненадолго — для всѣхъ. Такъ во всѣхъ литературахъ, у всѣхъ народовъ, такъ особенно въ русской литературѣ, у русскаго народа. У насъ всегда считалось постыднымъ „въ годины горя красу долинъ, небесъ и моря и ласку милой воспѣвать"...

Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

И эта точка зрѣнія, какъ показываетъ выше набросанный очеркъ народной пѣсни, сложилась въ народной поэзіи и ужъ оттуда усвоена нашими писателями, въ художественномъ образованіи которыхъ народное творчество занимаетъ, какъ извѣстно, такое видное мѣсто. А такъ какъ „година горя" началась невѣдомо когда, и конца ей все не видно, то пѣсня веселая, не отражая мотивовъ скорбной жизни, попрежнему не пользуется успѣхомъ. Ténor léger долженъ былъ проиграть, ему не по плечу была тяжелая ноша крѣпостной Руси. Его „залихватская" пѣсня выразила только отдѣльные, и то рѣдкіе, и не характерные мо-

менты народной жизни и, слѣдовательно, народной психики. Она и захватила слушателей только на моментъ, да и то не глубоко. „Общій слитный крикъ“, поднявшійся до степени „неистоваго взрыва“,—это только необходимый вздохъ, не снявшій тяжести съ души и, слѣдовательно, не облегчившій ея.

Иначе подѣйствовала „заунывная“ пѣсня Якова-Турка: она „стрѣлой вонзилась въ душу слушателя“. Его слушали люди разныхъ положеній, разныхъ темпераментовъ, но всѣ — русскіе, и этого было довольно, чтобы „русская, правдивая, горячая душа“, наполнившая пѣсню, захватила сердца всѣхъ посѣтителей „Притыннаго“ и въ унисонъ съ ней зазвучали „русскія струны“...

Яковъ побѣдилъ...

Это одинъ моментъ картины, въ художественномъ отношеніи самый цѣнный; но въ ней есть и другой: ему отводится меньше мѣста въ картинѣ, онъ менѣе ярокъ, зато въ немъ несомнѣнно выразилась гражданская скорбь писателя, которая должна была отдаться энергичнымъ протестомъ въ чуткой къ народному горю душѣ читателя, потревожить его совѣсть, его силу „на правый поставить путь“. Это сцена „кабацкаго питья“.

„Изъ ...ярко освѣщеннаго кабака несся нестройный, смутный гамъ, среди котораго, мнѣ казалось, я узнавалъ голосъ Якова. Ярый смѣхъ по временамъ поднимался оттуда взрывомъ. Я подошелъ къ окошку и приложился лицомъ къ стеклу. Я увидѣлъ невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно — все, начиная съ Якова. Съ обнаженной грудью сидѣлъ онъ на лавкѣ и, напѣвая осиплымъ голосомъ какую-то плясовую, уличную пѣсню, лѣниво перебиралъ и щипалъ струны гитары. Мокрые волосы клочьями висѣли надъ его страшно поблѣднѣвшимъ лицомъ. Посрединѣ кабака Обалдуй, совершенно „развинченный“ и безъ кафтана, выплясывалъ въ перепрыжку передъ мужикомъ въ сѣроватомъ армякѣ; мужичокъ, въ свою очередь, съ трудомъ топоталъ и шаркалъ ослабѣвшими ногами и, безсмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изрѣдка помахивалъ одной рукой, какъ бы желая сказать: „куда ни шло“. Ничего не могло быть смѣшнѣй его лица; какъ онъ ни вздергивалъ кверху свои брови, отяжелѣвшія вѣки не хотѣли подняться а такъ и лежали на едва замѣтныхъ, посоловѣлыхъ, но сладчайшихъ глазкахъ. Онъ находился въ томъ миломъ состояніи окончательно подгулявшаго человѣка, когда всякій прохожій, взглянувъ ему въ лицо, непремѣнно скажетъ: „хорошъ, братъ, хо-

рошъ!“ Моргачъ, весь красный, какъ ракъ, и широко раздувъ ноздри, язвительно посмѣивался изъ угла; одинъ Николай Ивановичъ, какъ и слѣдуетъ истинному цѣловальнику, сохранялъ свое неизмѣнное хладнокровіе. Въ комнату набралось много новыхъ лицъ; но Дикаго Барина я въ ней не видалъ“. Такъ пилъ тотъ, кто пѣлъ, пили тѣ, кто слушалъ.

Въ этомъ конкретномъ случаѣ связи „пѣтья“ и питья писатель демонстрируетъ то „роковое“, что дѣлаетъ русскихъ пѣвцовъ—и не изъ народа только—пьяницами. „Шопенгауэръ указываетъ на способность музыки выражать всѣ движенія нашего духа, „но совсѣмъ внѣ условій дѣйствительности и безъ ея мученій („aber ganz ohne Wirklichkeit und fern von ihrer Qual“), чѣмъ и объясняется невыразимое впечатлѣніе, производимое музыкой на нашу душу“. И конечно, если на всѣхъ дѣйствіе музыки таково, то избранными, кому доступна „гармонія жизни“, кто живетъ ею, ея созвучія особенно сильно и тонко чувствуются. А между тѣмъ, рѣдкіе изъ нихъ такъ же „стройно жили“, какъ „стройно пѣли“. Большинству пришлось извѣдать горечь рѣзкаго контраста между гармоніей внутри и страшными диссонансами вовнѣ, между „звуками небесъ“, которыхъ полна душа высокая и чистая, и „скучными пѣснями“ въ „мірѣ печали и слезъ“. Отдаваясь въ душѣ человѣка консонансами эмоцій, идей и движеній, музыка тѣмъ самымъ повышаетъ ея чувствительность и, слѣдовательно, все, что не звучитъ въ унисонъ съ гармоніей духа, воспринимается имъ, какъ диссонансъ. И чѣмъ тоньше психическая организація, музыкальнѣе человѣческая душа, тѣмъ болѣе рѣжущій характеръ получаютъ противорѣчія жизни. И больно становится отъ нихъ, и страстно хочется освободиться отъ этой боли; но

Жизнь смѣется,—въ глаза говоритъ:
Не лелѣй никакихъ упованій,
Передъ разумомъ сердце смири,
Въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій
И въ сознаньи безсилья—умри!..

И Яковъ-Турокъ былъ „по душѣ художникомъ во всѣхъ смыслахъ этого слова; а по званію—черпальщикъ на бумажной фабрикѣ у купца“. Волею „жестокаго фатума“ онъ оказался придавленнымъ громадной тяжестью рабства и безправія. Вспомните нашъ „старый порядокъ“, начертите эту „живую пирамиду преступленій, злоупотребленій“, и вамъ станетъ понятенъ весь ужасъ такого существованія. Здѣсь нѣтъ иныхъ положеній, кромѣ двухъ:

или ты засѣлъ на другого, и благоденствуешь, или другіе на тебя засѣли, и благоденствуютъ. Само собой разумѣется, что это благоденствіе все же относительное, какъ относительны въ этой пирамидѣ понятія „вверху" и „внизу": второй рядъ на первомъ, но на второмъ—третій, на третьемъ—четвертый и т. д. Конечно, чѣмъ ниже, тѣмъ больнѣе, чѣмъ выше, тѣмъ легче; и поэтому здѣсь знаютъ только одну цѣль—сбросить съ себя грузъ повинностей и тогда всею тяжестью своею сытаго и привилегированнаго положенія давить на тѣхъ, кто остается внизу, кто родился для того, чтобы на своей спинѣ носить чужую тяжесть: эти только стонутъ и умираютъ. О ней, объ этой ужасной пирамидѣ, говоритъ Огаревъ:

И сверху внизъ все давитъ, давитъ,
И тѣсно, тяжело дышать,
И хочется бѣжать, бѣжать,
Куда нибудь уйти скорѣе
Отъ этой жизни пытки злѣе,
Изъ этой грязи вѣковой,
Отъ этой родины святой!

И бѣжали: интеллигенты, люди обезпеченные, эмигрировали, а „голытьба", если она не шла на Волгу, на большія дороги,— въ кабакъ; для нея была

Одна открыта торная
Дорога къ кабаку.

Въ „избѣ кабацкой" повстрѣчались и крѣпко обнялись пѣсня-кручина и „зелено вино";

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину...

Ужасно это объятье: смертью дышитъ огненная пасть зеленаго змія; но „куда ни шло", лишь бы забыться... Такъ пилъ тотъ, кто пѣлъ; пили тѣ, кто слушалъ.

Такъ, конечно, слѣдуетъ, понимать замыселъ художника; такъ именно и поняла его цензура, которая вернула автору корректуру разсказа, „всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную": сцена „питья кабацкаго" была совершенно выброшена [1]).

---

[1]) „Пѣвцы,—говоритъ г. Грузинскій, испытали такія измѣненія, которыя вторгались уже иногда въ самый художественный замыселъ автора. Такъ, *выброшена была тяжелая сцена разгула въ кабакѣ* вечеромъ послѣ состязанія,

Удивительно стильной и выразительной концовкой заключаетъ свой разсказъ Тургеневъ.

„Я... быстрыми шагами сталъ спускаться съ холма, на которомъ лежитъ Колотовка. У подошвы этого холма разстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечерняго тумана, она казалась еще необъятнѣй и какъ будто сливалась съ потемнѣвшимъ небомъ. Я сходилъ большими шагами по дорогѣ вдоль оврага, какъ вдругъ гдѣ-то далеко въ равнинѣ раздался звонкій голосъ мальчика. „Антропка! Антропка-а-а!..“— кричалъ онъ съ упорнымъ и слезливымъ отчаяніемъ, долго, долго вытягивая послѣдній слогъ.

Онъ умолкалъ на нѣсколько мгновеній и снова принимался кричать. Голосъ его звонко разносился въ неподвижномъ, чутко-дремлющемъ воздухѣ. Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ имя Антропки, какъ вдругъ съ противоположнаго конца поляны, словно съ другого свѣта, пронесся едва слышный отвѣтъ:

— Чего-о-о-о-о?

Голосъ мальчика тотчасъ съ радостнымъ озлобленіемъ закричалъ:

— Иди сюда, чортъ, лѣші-і-і-ій!

— Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣмъ?—отвѣтилъ тотъ спустя долгое время.

— А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-и-тъ,—поспѣшно прокричалъ первый голосъ.

Второй голосъ болѣе не откликнулся, и мальчикъ снова принялся взывать къ Антропкѣ. Возгласы его болѣе и болѣе рѣдкіе и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсѣмъ темно, и я огибалъ край лѣса, окружающаго мою деревеньку и лежащаго въ четырехъ верстахъ отъ Колотовки...

„Антропка-а-а! все еще чудилось въ воздухѣ, наполненномъ тѣнями ночи“.

Невольно вспоминаются слова Некрасова:

хотя она несомнѣнно входила въ намѣренія художника и углубляла мысль разсказа; кромѣ того путемъ мелкихъ сокращеній ослаблено было многое въ загадочной фигурѣ Дикаго Барина: смягчено его вліяніе на окружающихъ, совсѣмъ нѣтъ о громадныхъ силахъ, угрюмо покоившихся въ немъ, и о какомъ-то взрывѣ ихъ въ его прошломъ, уничтожены догадки о его происхожденіи, и самому ему пришлось назваться „Дикаремъ“ вмѣсто Дикаго Барина. Наконецъ, сильно смягчены или выброшены всѣ черты бѣдности и разоренія деревушки Колотовки... Нечего уже говорить о томъ, что устранены всѣ упоминанія о дворянахъ и становомъ“. (Научное Слово, VII, 1903. „Къ исторіи „Записокъ Охотника“ Тургенева“, стр. 101).

Не русскій—взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную музу...

и еще:

... Свою, вахлацкую,
Родную хоромъ грянули,
Протяжную, печальную—
Иныхъ покамѣстъ нѣтъ.
Не диво ли? Широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу въ ней тьма темъ,
А ни въ одной-то душенькѣ
Споконъ вѣковъ до нашего
Не загорѣлась пѣсенка
Веселая и ясная,
Какъ ведряный денекъ:
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже въ пѣснѣ скажешься,
Но какъ?.. Душа народная!
Возсмѣйся жъ, наконецъ!..

Заключеніе.

Анненковъ разсказываетъ, что гр. Растопчина, получивъ книгу „Записки Охотника“, замѣтила Чаадаеву: „Voila un livre incendiaire“.—„Потрудитесь перевести фразу по-русски,—отвѣчалъ Чаадаевъ, такъ какъ мы говоримъ о русской книгѣ“. Оказалось, что въ русскомъ переводѣ фразы—„зажигающая книга“—нестерпимое преувеличеніе. И точно—преувеличеніе: нѣтъ, не страшнымъ заревомъ пожара прошли въ сознаніи русскаго общества эти Калинычи, Касьяны, Бирюки, Лукерьи; мягкимъ, но сильнымъ, насыщеннымъ свѣтомъ „прекрасной зари“ рѣяли эти дивные образы, такіе прекрасные и вмѣстѣ живые, въ очарованной душѣ, чуткой къ чужому горю, къ не-своей радости. Въ „Запискахъ Охотника“ И. С. Тургеневъ

Спустился въ темныя пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Плѣняющей печальной красотой,
И подсмотрѣлъ цвѣты
Средь грязной тины,
Средь грубости—любви порывъ святой.

И подъ дѣйствіемъ этой „печальной красоты“, этого „порыва любви святой“ что-то подымалось въ душѣ читателя такое, послѣ чего невозможно было оставаться въ прежней мерзости и неправдѣ, послѣ чего страстно желалось „скорѣй омыть себя водою покаянья“ и „страданьями купить благодать свободы“, чтобы „всякъ человѣкъ жилъ въ довольствѣ и справедливости“... „...А вотъ какъ пойдешь, пойдешь!..“ все не переставалъ отдаваться въ глубинѣ души чарующей прелести обдуманно-торжественный и вдохновенно-странный призывъ Касьяна, „...и полегчитъ“... И хотѣлось идти, чтобы „полегчило“, идти туда, къ такому порядку жизни, гдѣ „удовольствіе человѣку, раздолье, благодать Божія“. „Высокія и свѣтлыя творенія“ писателя возсоздавали

русскихъ людей, и сердца ихъ трепетали слезами, „слезами восторга“ и „чувствъ молодыхъ“. Эти „слезы восторга“, эти „чувства молодыя“ толкали общество впередъ. И оно двинулось...

Въ мартѣ 1854 года, незадолго передъ тѣмъ, какъ долгій мирный сонъ русской жизни, силою исторической необходимости, былъ нарушенъ севастопольской канонадой, Хомяковъ въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Россіи“, призывая „родную страну“ „на брань святую за братьевъ“, дерзновеннымъ словомъ пророка обличалъ „раны совѣсти растлѣнной“. Онъ говорилъ:

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ!..
. . . .
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя—увы!—какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Пророкъ-обличитель съ крѣпкой вѣрой въ духовную мощь болѣющей, но не изнемогшей отъ ранъ и язвъ Россіи призываетъ ее „избранную“, хотя и „недостойную избранья“, „скорѣй омыть

Себя слезою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!“

И громъ грянулъ... Потоками крови пролилась грозная туча; но „въ силѣ... обновленной чистоты“, „страданьями купивши благодать свободы“, „раскаявшаяся Россія“, „сурово совѣсть допросивъ“,

Съ душою свѣтлой многодумной
Пошла на Божескій призывъ.

И одинъ за другимъ, внимая святому призыву, выходили на арену великіе „ратники добра“; „грудью своей защищая“ „подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ“, они все громче и громче звали на великое дѣло любви и борьбы за свободу „бѣлыхъ негровъ“. „Пора,—писалъ въ 1857 году одинъ изъ борцовъ за народную волю—Н. Тургеневъ.—Нѣсколько поколѣній жило безъ надежды и умерло безъ отрады подъ незаслуженнымъ игомъ крѣпостного

права. Наконецъ, настало время *искупленія!* Помѣщики, не торгуйтесь. Святымъ пожертвованіемъ искупите Россію". И мощнымъ, призывнымъ гуломъ неслись по землѣ родной голоса народолюбцевъ· Казалось, звали они:

Теперь мы дружно всѣ поднимемъ:
Вотъ и колоколъ готовъ...
И будетъ звонъ его вѣщать намъ
О жизни будущей безмятежной!..
Поднимайте жъ, поднимайте сильнѣй!..

И въ отвѣтъ имъ отовсюду неслось:

Дружно колоколъ мы поднимемъ! Дружнѣй!..
Дружно, дружно! Дружнѣй!
Дружно, дружно! Дружнѣй!..

То былъ дивный, великій моментъ въ жизни русскаго народа,— этотъ „торжественно-тревожный канунъ свободы", это прекрасное утро „восходящаго дня". Вспоминая это „благодатное время надеждъ", Некрасовъ говоритъ о немъ:

... шумя и куда-то спѣша
И какъ будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхаетъ
И, не вѣря себѣ самому,
Богатырскую мощь ощущаетъ,
Ты казалась сильна, молода,
Къ Равенству, Братству, къ Свободѣ стремилась,
Въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда,
Какъ блудница, ты громко винилась,
И казалось намъ въ первые дни:
Повториться не могутъ они..
Приводя наше прошлое въ ясность,
Проклиная безправье, безгласность,
Произволъ и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тѣмъ какъ народъ неразвитый
Ѣлъ кору и молчалъ какъ убитый,
Мы сердечно болѣли о немъ,
Мы взывали: „даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянемъ!
Посмотрите на насъ: мы обжоры,
Мы ходячіе трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!"

„Лучъ духовнаго свѣта озарилъ нашъ народъ,—писалъ о томъ же времени Герценъ:—въ массахъ началось движеніе,—смутное влеченіе къ реформѣ... Скоро я убѣдился, что вижу передъ собою не миражъ, а настоящую правду: корабль Россіи вышелъ изъ стоячей воды, гдѣ онъ такъ долго держался на якорѣ, и пустился въ море. Суждено ли ему, въ самомъ дѣлѣ, выйти на широкій просторъ океана? Признаюсь, я сомнѣвался; но, видя сіяющія лица моихъ друзей, полныхъ надежды, не могъ не повѣрить... Наконецъ, занялась заря,—заря того дня, о которомъ я мечталъ въ годы студенчества и въ годы ссылки... Начинали сбываться мои юношескія мечты, видѣлся восходъ московскаго солнца. Прочь, праздный сонъ! За работу, за работу! Съ удвоенными силами я принялся за дѣло; я зналъ, что сѣмя, брошенное въ такую пору, упадетъ не на безплодную почву"... И вотъ,

Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна!

„Это былъ,—говоритъ счастливый современникъ,—звукъ трубы архангела, возвѣстившій милліонамъ *мертвецовъ*, что приближается день воскресенія, что восходитъ звѣзда утренняя, предваряющая солнце свободы; отъ этой вѣсти не только дрогнули сердца двадцати милліоновъ живыхъ мертвецовъ, но, казалось, взыграли кости поколѣній, давно уже уснувшихъ въ могилахъ; то были *незабвенныя, святыя минуты* въ русской исторіи, подобныя тѣмъ, когда въ ночь предъ пасхальной заутреней русскій народъ въ благоговѣйномъ безмолвіи ждетъ удара колокола и первыхъ звуковъ священной пѣсни воскресенія".

И вдругъ... раздался этотъ долго жданный ударъ: „великое и святое дѣло совершилось", и въ среду „труждающихся и обремененныхъ" понеслась „про желанную свободу дорогая вѣсть":

Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы!
Прощенье прошлому! Забвеніе былого!
Оплотъ коснѣнія и порчи сокрушенъ.
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!

„Милліоны живыхъ мертвецовъ воскресли". Онъ всталъ, этотъ русскій богатырь, въ которомъ вѣка „громадныя силы угрюмо покоились", разогнулъ могучую спину и, осѣнивши себя крест-

нымъ знаменіемъ, бодро вышелъ на „свободный трудъ, залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго“.

„Да, это была удивительная весна,— говоритъ Джаншіевъ, „первый историкъ“ „эпохи великихъ реформъ“,—истинно красная весна воистину незабвеннаго 1861 года!..“ „Благодатный геній свободы“, ...„мощнымъ взмахомъ своего волшебнаго жезла, приносилъ свѣтъ и радость въ эту холодную печальную страну рабства и кнута, возвращая ея многомилліонному обездоленному населенію первоосновныя права человѣка, права, безъ коихъ онъ перестаетъ быть человѣкомъ; въ страну,

Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ

и гдѣ въ весну 61 года общій поилецъ-кормилецъ русской земли, забитый, изстрадавшійся „Иванушка“ впервые вздохнулъ свободно и „дерзнулъ“ *громко засмѣяться*, согрѣтый лучами занимавшейся зари свободы“ [1]... „Рѣдко или лучше никогда еще смертному не доводилось совершить дѣло столь важное и благородное, какъ то, которое совершилъ Александръ II, возвратившій однимъ почеркомъ пера 23-мъ милліонамъ ихъ права“. Такъ *Кельнская Газета* формулировала настроеніе европейскаго Запада по поводу раскрѣпощенія русскихъ крестьянъ. Самъ „царь-освободитель“ день объявленія „воли“ (5 марта) назвалъ „лучшимъ днемъ“ своей жизни; и едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что подъ такой оцѣнкой великаго дня свободы подписались бы всѣ дѣятели этой величайшей изъ великихъ реформъ. „Дожили до этого дня,—писалъ И. С. Тургеневъ, бывшій въ ту пору за границей,—а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ“.

„Кусокъ разбитой цѣпи на бѣлой мраморной плитѣ всего лучше шелъ бы къ вашей славѣ“, говорилъ Тургеневу одинъ изъ многочисленныхъ почитателей его таланта—иностранцевъ, выражая идею памятника великому русскому писателю. Мы знаемъ, Тургеневъ не одинъ разбилъ тѣ цѣпи, которыми „кручены“ были мужицкія руки, не одинъ снялъ желѣзо, которымъ были „кованы“ мужицкія ноги, не одинъ сбросилъ съ пьедестала „кумиръ неволи“, не одинъ „сломилъ ту силу, что умы сковала“... „Растоптали врага“ дружнымъ натискомъ многіе „ратники добра“... А онъ двинулся однимъ изъ первыхъ, красивый, сильный, зача-

---

[1]) Цит. соч., стр. 119—120.

ровывая всѣхъ, кто шелъ за нимъ нѣжными, но мощными звуками „великой скорбной симфоніи". Въ ней, въ этой пѣснѣ любви, „была и неподдѣльная, глубокая страсть и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ ней, и такъ и хватала за сердце, хватала прямо за его русскія струны".

Такое дѣйствіе „поэмы изъ крѣпостного быта" на умы и сердца хорошо понимали тѣ, кому „вѣдать сіе надлежитъ". Изученіе текста разсказовъ, какъ они напечатаны въ „Современникѣ", показываетъ, что „цензура очень многое и урѣзывала въ тургеневскихъ очеркахъ, такъ что читатели „Современника" въ цѣломъ рядѣ разсказовъ мѣстами читали то, что не писалъ Тургеневъ, а мѣстами не читали того, что имъ написано. Когда же въ изданіи 1852 г. авторъ возстановилъ свой подлинный текстъ и книга была напечатана благодаря широкому и просвѣщенному взгляду московскаго цензора, кн. В. В. Львова, цензурное вѣдомство не оставило дѣла безъ вниманія: кн. Львовъ былъ уволенъ, судя по имѣющимся даннымъ, если не прямо за пропускъ „Записокъ Охотника", то и не безъ связи съ этимъ поступкомъ. Мало того, о выпускѣ отдѣльнаго изданія 1852 г. было особое разсужденіе въ цензурномъ вѣдомствѣ, и одинъ изъ цензоровъ писалъ о нихъ въ своемъ докладѣ слѣдующее: „Вникнувъ внимательно въ содержаніе этихъ записокъ и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, невольно придешь къ заключенію, что при изданіи оныхъ г. Тургеневъ, человѣкъ, какъ извѣстно, богатый, конечно, не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія, но, вѣроятно, имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой и напечаталъ помянутую книгу... Мнѣ кажется, что книга Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ добра... Полезно ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу, что крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опоэтизировалъ, что видитъ въ нихъ администраторовъ, раціоналистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ, гдѣ онъ нашелъ такихъ!), что крестьяне эти находятся въ угнетеніи, что помѣщики ведутъ себя неприлично и противозаконно, что исправники и другія власти берутъ взятки или, наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольнѣе, лучше" [1])...

---

[1]) Эта интересная и цѣнная работа сличенія подцензурнаго текста „Записокъ" въ „Современникѣ" и подлиннаго текста въ отдѣльномъ изданіи 1852 г. сдѣлана г. Грузинскимъ („Научное Слово", кн. VII, 1903, цит. ст. „Къ исто-

Да, въ общей освободительной работѣ онъ стоитъ на видномъ, высокомъ посту, — этотъ мощный „заступникъ" рабовъ-людей, и потому едва ли можно преувеличить дѣйствительно огромное значеніе „Записокъ Охотника", которыя были и остались „самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ" (А. Н. Пыпинъ) Тургенева. Скорѣе можно опасаться другого,—что мы не переживемъ этого обаянія „изящной правды" съ тою силой, съ какой втѣснялась она въ сознаніе людей, „рожденныхъ въ двадцать пятомъ году и около того", не ощутимъ въ ней того аромата жизни, тонкаго и сильнаго, который страстно вдыхали современники Тургенева, „прошедшіе черезъ цензуру незабываемыхъ годовъ".

Хотѣлось бы думать, что тому, кто эти строки читаетъ послѣ обзора содержанія „Записокъ Охотника", даннаго на предшествующихъ страницахъ, станетъ ближе, роднѣе это „самое замѣчательное изъ произведеній" Ивана Сергѣевича Тургенева, и онъ душой переживетъ „изящную правду" честныхъ словъ „заступника народнаго": „Если бы я гордился подобными вещами,—говорилъ самъ И. С. Тургеневъ,—я попросилъ бы только объ одномъ: чтобы на моей могилѣ изобразили, что сдѣлала моя книга для освобожденія рабовъ. Да, я попросилъ бы только объ этомъ"...

ріи „Записокъ Охотника" Тургенева"). Вотъ нѣкоторыя цензурныя исправленія:

было у Тургенева (разсказъ „Малиновая вода"):

„Племяннику моему лобъ забрили: на новое платье щеколатъ ей обронилъ...

Исправлено: „племянника моего шибко тормошили"..

У автора: „Жена Власа свиститъ съ голоду въ кулакъ".

Исправлено: „Ждетъ не дождется мужа".

Помѣщику Пѣночкину воспрещено было именоваться *гвардейскимъ* офицеромъ.

Въ разсказѣ „Лебедянь" бѣлокурый офицерикъ, ставшій прихлебателемъ князя, замѣненъ какимъ-то „бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ". Въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда съ самаго начала заботливо вытравлены всѣ слова въ родѣ: „дворянинъ", „помѣщикъ", такъ что изображается съѣздъ просто какихъ-то „гостей"; затѣмъ улучшена наружность двухъ военныхъ (авторъ писалъ: „съ благородными, но нѣсколько изношенными лицами", послѣ цензурнаго туалета осталось: „съ весьма благородными лицами").

II.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

ГЛАВА I.

Раненое сердце.

30 лѣтъ тому назадъ (27 дек. 1877 г.) въ „тяжкихъ, невыносимыхъ мукахъ“, „послѣ тяжелой агоніи, продолжавшейся болѣе полусутокъ“, умеръ Н. А. Некрасовъ, умеръ „печальникъ горя народнаго“.

„Это было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, разъ на всю жизнь,—писалъ о немъ Достоевскій,—и незакрывавшаяся рана эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной до мученія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ отъ насилія, отъ жестокости необузданной воли, что гнететъ нашу русскую женщину, нашего ребенка въ русской семьѣ, нашего простолюдина въ горькой, такъ часто, долѣ его“. Некрасовъ говорилъ ему „со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери“, разсказывалъ о „дѣтскихъ слезахъ, дѣтскихъ рыданіяхъ вмѣстѣ, обнявшись, гдѣ-нибудь украдкой, чтобы не видали, съ мученицей матерью“. Позднѣе Некрасовъ разсказалъ и всѣмъ о ней, о „матери-страдалицѣ“, воспѣлъ „любовь, святыя муки, борьбу“ „подвижницы“.—Воспроизведемъ въ существенномъ эту поэтическую повѣсть; она—документъ чрезвычайной цѣнности: въ воспоминаніяхъ Некрасова о матери ярко обрисовывается начало его жизни и вмѣстѣ начало его „страстной до мученія любви ко всему, что страдаетъ“.

I.

„Тяжелый сонъ“.

Нѣтъ, мой восходъ не лучезаренъ...

Отецъ поэта, сынъ небогатаго ярославскаго помѣщика, служилъ въ арміи. По должности адъютанта ему часто приходилось бывать въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Варшавѣ. Случайно познакомился онъ съ семействомъ богатаго польскаго магната, Андрея Закревскаго, и женился на старшей дочери его, Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли ея родителей. Закревскихъ знала „вся Варшава“, и понятно, что ихъ любви и гордости былъ нанесенъ страшный ударъ; та, „чьей руки искали, какъ славы“, „увлеклась армейскимъ офицеромъ, увлеклась красивымъ дикаремъ“.

Мать писала дочери, „съ слезами заклинаній молила“ „бѣглянку“ вернуться въ семью:

О, дочь моя! Что сдѣлала ты съ нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой странѣ родную предпочла?
...Тамъ свой девизъ: „любить и бить“...
Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди-дикари,
А жены ихъ—безграмотныя дуры...
Сегодня пиръ... Псари, псари, псари!..
Пой, дочь моя! Средь самаго разгара
Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
Валится рабъ... Засмѣйся, всѣмъ смѣшно...

Такъ молила мать. „Звала семья“. „Грозилъ отецъ“. На мольбы и угрозы дочь „молчаньемъ отвѣчала“, „своимъ путемъ пошла безстрашно“... и... „тяжелый крестъ достался ей на долю“:

Въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ,
Но менѣе суровомъ, рождена
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьбу вручила,
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла,
Ужъ онъ не твой...

Лучшія, нѣжныя и чистыя волненія любящаго сердца ударились о суровую, грубую и грязную русскую дѣйствительность „крѣпостной, помѣщичьей полосы“,—той самой, что въ душѣ Тургенева возбуждала „чувства смущенія, негодованія, отвращенія“:

А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, съ мечтательнымъ умомъ,
О, что кругомъ ты видѣла, родная...
Какъ ты была подавлена!..

И разбилось оно, это чистое сердце, о „наслѣдственные нравы“ „властелина“—„угрюмаго невѣжды“, девизъ котораго „любить и бить“...

Но эта измѣна „красиваго дикаря“ была только „началомъ болѣзней“, ими кишѣла наша „старая“, „игомъ рабства клейменная“ Русь, въ которой, волею судьбы, оказалась гуманная и образованная польская панна: „тамъ душно, тамъ пустыня“. „Вся Варшава“, блестящая, аристократическая Варшава, и „въ невѣдомой глуши“ „полудикая деревня“,

Гдѣ жизнь, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства,
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ...
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій!..

и гдѣ, „любя, прощая, чуть дыша, угасаетъ, какъ рабыня, святая женская душа“.

Какой ужасный переходъ! Нужна поистинѣ гигантская сила духа, чтобы остаться въ этой удушающей и „мерзостей полной“ обстановкѣ „гордой, угрюмой, прекрасной“, чтобы за превышающими мѣру человѣческихъ силъ своими страданіями не забыть обязанностей матери и помѣщицы, чтобы всю свою несчастную жизнь отдать на беззавѣтное служеніе еще болѣе несчастнымъ и—„все, что вынести достало силъ, въ предсмертномъ шопотѣ простить губителю“. Тяжелый, крестный путь, но—и величайшій подвигъ самоотверженной любви! „Мать Некрасова,—говоритъ Мельшинъ,—умѣла не только плакать и „легкой тѣнью“ бродить по липовымъ аллеямъ грешневскаго сада; не умѣя бороться активно, она въ высокой степени обладала способностью борьбы пассивной, она была „горда и упорна“ (качество, всецѣло унаслѣдованное и ея сыномъ-первенцемъ). Она могла терпѣть, нести

свой крестъ „въ молчанiи рабы“, но жила и дѣйствовала все-таки по-своему, такъ, какъ подсказывало ей любящее сердце... Осужденная сама на страданiя, за страданiя же полюбила она и свою новую родину“ [1]).

Гремѣлъ рояль,

вспоминаетъ Некрасовъ,

И голосъ твой печальный
Звучалъ, какъ вопль души многострадальной;
Но ты была ровна и весела:
„Несчастна я, терзаемая другомъ,
Но передъ тобой, о женщина-раба!
Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба—завидная судьба!
Несчастна ты, о родина! я знаю:
Весь край въ крови, весь заревомъ объятъ...
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ!“

Такъ, „подвижничества цѣпи“ не угасили духа, не сломили „гордой и упорной души“, не замкнули ее въ узкiй кругъ разочарованiя и безплодныхъ думъ о потерянномъ счастьѣ; и оттого

Не вотще среди безводной степи
Струился ключъ: онъ жаждущихъ поилъ...
И не вотще любовь твоя сiяла...

Въ смутномъ воспоминанiи о матери Некрасова одного изъ старожиловъ родного села поэта барыня представляется существомъ „хрупкимъ, худенькимъ, нѣжнымъ“. „Добрая была барыня,—часто упрашивала мужа простить, если онъ кого хотѣлъ высѣчь“. Правда, „властелинъ“ нерѣдко отказывалъ „доброй барынѣ“ въ исполненiи ея просьбъ, отвѣчалъ на нихъ поучительными сентенцiями, взятыми изъ крѣпостническаго домостроя, въ родѣ слѣдующихъ: „нѣтъ, сама себя раба бьетъ“, или: „если бы на крапиву не морозъ, она и зимой бы жглась“, правда, говоритъ поэтъ, обращаясь къ матери,

Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.
Но лишнiй разъ не сжало чувство страха
Его души—ты то дала рабамъ—
Но лишнiй разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ...

---

[1]) „Очерки русской поэзiи“, изд. 1904 г., стр. 110—111.

Быть можетъ, даръ бѣднѣе капли въ морѣ,
Но—двадцать лѣтъ! Но тысячамъ сердецъ,
Чей идеалъ—убавленное горе,
Границы зла открыты наконецъ!

Но не только крестьянъ,—несчастной матери выпало на долю „грудью своей защищать любимыхъ дѣтей". „Къ дѣтству нисходя, ту жизнь припоминая", Некрасовъ съ восторгомъ и умиленіемъ свидѣтельствуетъ о матери: „была ты нянею моей и ангеломъ-хранителемъ, родная!" Некрасову видится „невѣдомая глушь", „деревня полудикая":

Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба по милости великой
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты...

Въ такихъ ужасныхъ условіяхъ проходила для Некрасова „счастливая невозвратимая пора дѣтства". Вотъ одно изъ воспоминаній его о немъ:

Рога трубятъ ретиво,
Пугая раннiй сонъ дѣтей,
И воютъ псы нетерпѣливо...
До солнца сѣли на коней—
Ушли... Орды вооруженной
Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ,
И бѣдный домъ, какъ осажденный,
Свободно переводитъ духъ.
Мѣняя быстро постъ невольный
На празднословье и вино,
Спѣшитъ забыться рабъ довольный
Но есть одна: ей все равно!
Въ ея душѣ свѣтлѣй не станетъ,
Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнетъ:
И сонъ перерванный не манитъ,
И утро къ жизни не зоветъ.
Скорѣй, затворница нѣмая,
Рыданьемъ душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!
Осаду не надолго сняли...
Вотъ вечеръ—снова рогъ трубитъ.
Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
Но мать остаться имъ велитъ.
Ихъ взоръ уныль, невнятенъ лепетъ...
Опять содомъ, тревога, трепетъ!
А ночью свѣчи зажжены,
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И блѣдный мальчикъ, у стѣны
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотритъ жадно (узнаю
Привычку дѣтскую мою...)
Что слышитъ? Пѣсни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой;
Глядитъ, какъ чаши круговыя
Пустѣютъ быстрой чередой;
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы;
Какъ на тѣни растутъ, киваютъ
Большіе дядины усы...
Смѣются гости надъ ребенкомъ
И чей-то голосъ говоритъ:
„Не правда ль, онъ всегда глядитъ
Какимъ-то травленымъ волченкомъ?
Поди сюда!" Блѣднѣетъ мать;
Волченокъ смотритъ и ни шагу.
„Упрямство надо наказать—
Поди сюда!" Волченокъ тягу...
Ату его!..
Тяжелый сонъ!
Нѣтъ, мой восходъ не лучезаренъ...

Такова тяжелая обстановка, въ которой прошло дѣтство Некрасова. „Грубыя черты“ этой „жизни безобразной“, по собственному признанію писателя, ложились на его душу. Но рядомъ съ этими „грубыми чертами“ прошли глубокія борозды идей и настроеній матери-страдалицы. Тамъ, гдѣ отецъ, „темное царство“ кулака и кнута, невѣжества и „жестокихъ нравовъ“, здѣсь—чистая и свѣтлая лазурь любви и разума; ядовитымъ порокомъ дышалъ тамъ ребенокъ, а здѣсь „спасалъ живую душу“.

Въ воспоминаніяхъ Некрасова образъ его матери встаетъ предъ нами такимъ умилительно кроткимъ и вмѣстѣ такимъ величаво-прекраснымъ и мощнымъ, что зритель въ чувствѣ какого-то благоговѣйнаго восторга преклоняется передъ нимъ и вѣритъ въ силу и красоту человѣческой души. Смотрите—вотъ она:

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Блѣднолицая, русокудрая, голубоокая
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ.
Подъ грозой величаво безгласная,
Прекрасная...

Этотъ образъ дѣйствительно дышитъ неземной красотой, отъ него вѣетъ чѣмъ-то высокимъ и возвышающимъ, и кажется, что если бы перевести на полотно этотъ, святой красой обвѣянный, „болѣзненно-печальный“ ликъ, онъ глядѣлъ бы на насъ съ холста точно прекрасная мадонна великаго итальянскаго маэстро.

Но эта величавая, святая красота не оставалась равнодушной къ земнымъ тревогамъ и страданіямъ, ей не были скучны скорбныя „пѣсни земли“. Къ мученицѣ-паннѣ такъ идутъ слова, исторгшіяся изъ любящаго сердца ея талантливой соотечественницы:

Нѣтъ, я не стану на той высотѣ,
Гдѣ передъ взоромъ, на міръ устремленнымъ,
Гибнетъ, блѣднѣя, земля въ нищетѣ
Радуги яркой лучомъ отдаленнымъ.
Раненой птицей я буду летать
Низко надъ гибнущей въ мукахъ землею,
Чтобъ милліоны гонимыхъ судьбою
Къ сердцу могла я прижать.

„Стоны и вопли живыхъ мертвецовъ“, среди которыхъ оказалась дочь польскихъ магнатовъ, вдохновляли и животворили этотъ „болѣзненно-печальный“ ликъ, онъ исполнялся нравственной энергіи, духовной мощи, и „легкая тѣнь“ мадонны порой отдѣлялась отъ холста и „гордо и упорно“, женщиной-героиней

шла въ жизнь для непреклонной борьбы со зломъ и неправдой за любовь и правду-царицу.

Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы,

говоритъ Некрасовъ, обращаясь къ матери,

Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна.
...Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты...

Такъ, духовная красота и нравственная мощь соединились въ этой „подвижницѣ“, точно для того, чтобы показать на живомъ человѣкѣ то необходимое, то единое на потребу, безъ чего идеалъ женщины-человѣка немыслимъ. Въ ней, въ этой душѣ, „горящей алмазомъ, раздробленнымъ на тысячу крупицъ въ величьѣ дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ“,—въ ней поражаетъ эта неистощимая, безгранично-могучая сила самоотверженной любви, той любви, которая „сильнѣе смерти и страха смерти“, той любви, которая умѣетъ не только терпѣть и страдать, но и дѣятельно сострадать, или, какъ говоритъ Некрасовъ, „погибать за великое дѣло любви“. Ея страдальческая жизнь дѣйствительно даетъ „урокъ желѣзной воли“.

Но этими стихійными, если можно такъ выразиться, силами не исчерпывается полнота человѣческаго духа, который есть жизнь и, слѣдовательно, движеніе. Эти природой данныя силы, чтобы найти достойное человѣка примѣненіе, должны получить надлежащее развитіе, и тутъ рядомъ съ природой выступаетъ новый факторъ жизни—образованіе. Только оно одно обезпечиваетъ человѣку свѣтлую и прекрасную, но и трудно достижимую возможность быть человѣкомъ; только съ нимъ, истинно-гуманнымъ образованіемъ, человѣческое существо души нашей не ветшаетъ, не покрывается „плѣсенью и тиной“ житейскихъ мелочей, только на этомъ фундаментѣ стоятъ „недвижными“ тѣ вѣчныя истины, безъ которыхъ жизнь человѣческая—„безсмысленный водоворотъ“.

Мать Некрасова получила прекрасное образованіе; съ свѣточемъ мысли и знанія она твердой поступью шла въ потемкахъ русской жизни. Некрасовъ вспоминаетъ:

...Я книги перебралъ, которыя съ собой
Родная привезла когда-то издалека,
Замѣтки на поляхъ случайныя читалъ.
Въ нихъ жилъ пытливый умъ, вникающій глубоко...
...О, мать-страдалица!..
Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
И голосъ твой мнѣ слышался впотьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ...
Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
Когда кругомъ насилье ликовало
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела...

Такъ, „свѣтъ души высокой сіялъ“ для ребенка „средь полночи глубокой“. „То, какъ говорилъ онъ о своей матери,—писалъ вскорѣ послѣ смерти Некрасова Достоевскій, вспоминая начало своего знакомства съ поэтомъ,—та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождала уже и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись, гдѣ-нибудь украдкой, чтобъ не видали, съ мученицей-матерью, съ существомъ столь любившимъ его“. И дѣйствительно плѣнительная, многострадальная тѣнь мученицы-матери, воплотившей идеалъ любви и правды, эта священная для памяти сына тѣнь ангеломъ-хранителемъ рѣяла всю жизнь надъ Некрасовымъ и, по его собственному свидѣтельству, спасала въ немъ его живую душу:

И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты

И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты,—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!
И счастливъ я...

Такъ, здѣсь, гдѣ „что-то всѣхъ давило“ „и только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ, свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ“, здѣсь, въ „краю родимомъ“, начало того „рокового“, что позднѣе выросло въ цѣлую драму и „опутало“ душу писателя, „довременно убитую“, „довременно-растлѣнную“, „мертвящими оковами“. Но здѣсь же родилась и выросла его „сильная и любвеобильная“ душа, рвавшаяся къ „обиженнымъ, униженнымъ“...

Уже тогда „въ сердцѣ мальчика съ любовью къ бѣдной матери любовь ко всей вахлачинѣ слилась“, уже тогда онъ „твердо зналъ“, что „будетъ жить для счастія убогаго и темнаго родного уголка“.

II.

Пробужденіе.

Нѣтъ, въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ!

Дѣтство тревожное и скорбное смѣнила юность „мятежная и суровая". Не стало свѣтлѣе на душѣ у Некрасова въ эти дни, „извѣстные подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ", и воспоминанья о нихъ наполняютъ грудь его „и злобой и хандрой". Не радостенъ былъ этотъ разсвѣтъ мысли для Некрасова, острой болью въ чуткой душѣ отозвались первыя думы о жизни. Онъ узналъ, отчего плакала мать, скрывая „межъ вѣтвей въ аллеѣ дальней" свой ликъ „болѣзненно-печальный"; узналъ, что жизнь ея сгубилъ отецъ—„угрюмый невѣжда"; узналъ, что съ матерью, „страдалицей безгласной", „и горе и позоръ судьбы ея ужасной" дѣлила сестра; что „изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей", „гонимая стыдомъ", она „жребій свой вручила тому, котораго не знала, не любила"... Это узнать не легко, не легко видѣть, какъ гибнутъ въ „глухомъ и вѣчномъ гулѣ подавленныхъ страданій" дорогіе люди, еще тягостнѣе знать, что губитъ ихъ родной отецъ, и мучительно тяжко только видѣть и знать и не имѣть возможности что-либо слѣлать.

Не стало легче жить и потомъ, когда изъ „деревни полудикой" Некрасовъ оказался въ столицѣ среди „громадъ красивыхъ", съ паспортомъ „недоросля изъ дворянъ". Ему не было еще 17 лѣтъ. Юность „всегда мила, всегда ясна.. не бѣдняку". А Некрасову пришлось знакомиться съ столичной жизнью „въ пріютахъ нищеты печальныхъ". Отецъ хотѣлъ видѣть сына военнымъ, сынъ предпочелъ „фронтовой шагистикѣ интеллектуальную карьеру". Разгнѣванный отецъ объявилъ ослушнику сыну, чтобы онъ не разсчитывалъ ни на одну копейку родительской помощи, и Некрасовъ сталъ въ ряды интеллигентнаго пролетаріата. „Ровно

три года,—разсказывалъ Некрасовъ,—я чувствовалъ себя постоянно каждый день голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газету, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь бывало для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь". Долгое и постоянное голоданіе разрѣшилось, наконецъ, болѣзнью, настолько серьезной, что Некрасовъ былъ приговоренъ къ смерти. Молодой и крѣпкій организмъ однако справился съ болѣзнью, только жить стало еще труднѣе: хозяинъ, какой-то отставной унтеръ-офицеръ, которому задолжалъ Некрасовъ за время болѣзни, взялъ за долгъ его „чемоданъ, книги и остальныя вещички" и отказалъ ему въ квартирѣ. „Мнѣ стало лучше,—разсказываетъ Некрасовъ,—и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти къ одному знакомому студенту медику. Добравшись кое-какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ: говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ... Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласилъ меня съ собой куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій островъ, въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный, полуразвалившійся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собрались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 копеекъ".

Юноша мечталъ увидѣть въ столицѣ „друзей народа и свободы", „городъ шумный" рисовался ему „ареной дѣятельной силы, пытливой мысли и труда"; но „безпріютнаго" не порадовалъ онъ: „опоясанный гробами", онъ показался ему „глубокимъ омутомъ", гдѣ гибло все, что „зелено и блѣдно, несчастно, голодно и бѣдно, что ходитъ, голову склоня". Некрасову пришлось отказаться на

время отъ исполненія еще въ дѣтствѣ данной клятвы—служить несчастному народу, чья жизнь текла „рѣкою рабства и тоски"; изо дня въ день онъ велъ срочную, плохо оплачиваемую журнальную работу, лишь бы не умереть съ голода. „Восемь лѣтъ боролся онъ съ нищетой, видѣлъ лицомъ къ лицу голодную смерть, въ 24 года уже былъ надломленъ работой изъ-за куска хлѣба", и эта „грязная положительность", по свидѣтельству Бѣлинскаго, сдѣлала то, что Некрасовъ „никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ". „Истый сынъ своей родины, Ярославскаго Поволжья" (Скабичевскій), онъ „прикинулъ" эти „дворцы, и храмы и мосты"; и постигнулъ „родство роковое межъ этимъ блескомъ и собой"; онъ понялъ, что это величіе „фасада" достигается насчетъ „заботы трудной и недовольной нищеты" такихъ же безпріютныхъ, какъ и онъ, и еще яснѣе стала ему его жизненная задача, наполнявшая его сердце „тревогой смутной"—„отъ ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови" итти „въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви". „Разница межъ добромъ и зломъ" дѣлалась ему все понятнѣе; гордый и упорный, онъ шелъ, пусть и спотыкаясь, туда, гдѣ, вдохновенные и сильные, сомкнулись въ небольшой дружинѣ „ратники добра".

Во главѣ ея „воиномъ-застрѣльщикомъ" шелъ „неистовый Виссаріонъ", Некрасовъ сталъ его восторженнымъ ученикомъ и послѣдователемъ. „Жаль, что вы сами не знали этого человѣка,—говорилъ Некрасовъ Добролюбову, вспоминая свои отношенія къ великому критику.—Я съ каждымъ годомъ все сильнѣе чувствую, какъ важна для меня его потеря. Я чаще сталъ видѣть его во снѣ, и онъ живо рисуется передъ моими глазами. Ясно припоминаю, какъ мы съ нимъ вдвоемъ часовъ до двухъ ночи бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для меня новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Вы вотъ вступили въ литературу подготовленнымъ, съ твердыми принципами и ясными цѣлями. А я?.. Заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду! Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ... Что бы ему пожить подольше! Я бы былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ теперь!" Въ какомъ направленіи шло вліяніе Бѣлинскаго, объ этомъ Некрасовъ го-

ворить въ извѣстныхъ стихахъ, обращенныхъ къ „многострадальной тѣни“ „учителя“:

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
„Чернорабочій я—не бѣлоручка!“
Говаривалъ ты намъ и напроломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стоишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя...

„Бѣлинскій его угадалъ съ самаго начала,—говоритъ Достоевскій,—и, можетъ быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи“. Оно—это настроеніе—энергично толкнуло молодого писателя и понесло его прочь отъ „дороги стяжанья“, отъ „тропки торной“ къ „работѣ упорной“ для блага тѣхъ,

Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи!..

И сталъ думать поэтъ:

Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣе,
Прекраснѣе терноваго вѣнка...

Нѣтъ въ жизни праздника тому,
Кто не трудится въ будень.

Годы юности и молодости Некрасова—именно такое время—„будень“ русской исторіи. Его Некрасовъ такъ ярко изобразилъ въ бесѣдѣ между Мишей и Пальцовымъ, участниками „Медвѣжьей охоты“:

Миша.

Еще не скоро выйдетъ звѣрь...
Покамѣстъ приведемъ-ка въ ясность
То время, какъ слова „свобода“, „гласность“,
Которыми набили мы теперь
Оскому, какъ незрѣлыми плодами,
Не слышались и въ шутку между нами,
Когда считался звѣремъ либералъ,
Когда слова „общественное благо“
И произнесть нужна была отвага,
Которою никто не обладалъ!
Когда одни житейскія условья
Сближали насъ, а попросту расчетъ,
И лишь въ одномъ сливались всѣ сословья,
Что дружно налегали на народъ...

Пальцовъ.

Великій вѣкъ, когда блисталъ
Среди безгласныхъ поколѣній
Администраторъ - генералъ
И откупщикъ—кабачный геній!

Миша.

Ты, думаю, охоту на двуногихъ
Засталъ еще въ ребячествѣ своемъ.
Слыхалъ ты вопли стариковъ убогихъ
И женщинъ, засѣкаемыхъ кнутомъ?
Я думаю, ты былъ не полугода
И не забылъ порядки тѣхъ временъ,
Когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа
Мысль русская стонала въ полутонъ?

Пальцовъ.

Великій вѣкъ—великихъ мѣръ!
„Не разсуждать—повиноваться!“
Девизъ былъ общій; самъ Гомеръ
Не могъ Омиромъ называться.

Миша.

Припомни, какъ въ то время золотое
Учили насъ? Раздолье-то какое!
Сынъ барина, чиновника, князька
Настолько норовилъ образоваться,
Чтобъ на чужія плечи забираться
Умѣть—а тамъ дорога широка!
Три фазиса дворянское развитье
Прекрасные являло намъ тогда:
Въ дни юности—кутежъ и стеклобитье,
Наука жизни—въ зрѣлые года
(Которую не въ школахъ европейскихъ—
Мы черпали въ гостиныхъ и лакейскихъ)
И, наконецъ, завѣтная мечта—
Почетныя, доходныя мѣста...

Припомнилъ ты то время золотое,
Котораго исчадье мы прямое,
Припомнилъ?—Ну, такъ полюбуйся имъ!

Какъ яблоню качаетъ проходящій,
Весь занятый минутой настоящей,
Желаніемъ однимъ руководимъ —
Набрать плодовъ и далѣ въ путь пуститься,
Не думая, что много ихъ свалится,
Которыхъ онъ не сможетъ захватить,
Которые напрасно будутъ гнить:
Такъ русское общественное древо,
Кто только могъ, направо и налѣво
Раскачивалъ, спѣша набить карманъ,
Не думая о томъ, что будетъ далѣ...
Мы всѣ тогда жирѣли, наживали,
Всѣ... кромѣ, разумѣется, крестьянъ...

Въ это-то „время лихое“, въ эту темную„ ночь, когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо“, съ свѣточемъ идеала въ сознаніи вышелъ молодой писатель на арену жизни. Не сразу онъ разобрался въ потемкахъ „гнусной расейской дѣйствительности“; и не мудрено, въ ней и болѣе опытные теряли не разъ направленіе. И онъ „долго бродилъ, какъ слѣпой: кипѣлъ, желалъ, тратилъ силы“; но зрѣла гордая душа, острѣе становился взглядъ, и понялъ юноша свой жизненный долгъ и сказалъ самому себѣ:

...ты не Пушкинъ. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать.

Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать...
...ты, поэтъ, избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ!
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, что вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! Служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви...
Поэтомъ можешь ты не быть.
Но гражданиномъ быть обязанъ.

И въ сознаніи своего „гражданскаго“ долга молодой писатель „безъ отвращенья, безъ боязни пошелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни, въ суды, въ больницы“...

И сталъ онъ „печальникомъ горя народнаго“, „вѣщимъ пѣвцомъ страданій и труда“ (Плещеевъ).

ГЛАВА II.

Заступникъ народный.

Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ, плохой я гражданинъ:
Но жгучее святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
Люблю тебя, пою твои страданья...

Еще въ началѣ своего поэтическаго поприща Некрасовъ опредѣлилъ основные мотивы своей музы,

неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,
Той Музы плачущей, болящей и скорбящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей...
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ—и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею... Но тотъ же скорбный тонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ.

Съ дѣтства начался этотъ „прочный и кровный союзъ" съ „Музой мести и печали":

Чрезъ бездны темныя Насилія и Зла,
Труда и Голода она меня вела,—
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила.

И у „дверей гроба" Некрасовъ ее же видѣлъ—„эту блѣдную, въ крови, кнутомъ изсѣченную Музу".

Это былъ человѣкъ „больной совѣсти", по опредѣленію одного изъ „совѣстливыхъ": „Некрасовъ никогда, въ сущности, не переставалъ чувствовать себя бариномъ-интеллигентомъ, находящимся въ неоплатномъ долгу передъ народомъ" (Мельшинъ). Муза породнила этихъ „героевъ-рабовъ" и стала „сестрой народа и его".

Его чуткую душу избороздило съ раннихъ лѣтъ страданье „матери-страдалицы"; она стала для него и на всю жизнь осталась символомъ страданій „матери-родины", и, переполнившись скорбью народной, разлилась по этимъ бороздамъ глубокимъ „рѣка тоски и рабства". Онъ видѣлъ ее несчастной, какъ только началъ видѣть,—эту „убогую Русь". Тамъ, на берегахъ родимой Волги, онъ „въ первый разъ" услышалъ „вой" народараба, тотъ „стонъ, что у насъ пѣсней зовется".

Я былъ испуганъ, оглушенъ,

разсказываетъ Некрасовъ,

Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ—
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,
Усѣлись—развели костеръ,
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
—Когда-то въ Нижній попадемъ?—
Одинъ сказалъ:—когда бъ попасть
Хоть на Илью... „Авось придемъ",—
Другой съ болѣзненнымъ лицомъ
Ему отвѣтилъ.—Эхъ, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы лямку; какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть,
Такъ лучше было бы еще...
Онъ замолчалъ и навзничь легъ...

И съ тѣхъ поръ не покидалъ Некрасова этотъ „выражающій укоръ, спокойно безнадежный взоръ". И горько-горько онъ рыдалъ, и называлъ онъ родную рѣку „рѣкою рабства и тоски", и клялся онъ, и не было забвенья „обѣтамъ юношескихъ лѣтъ". И съ тѣхъ поръ, „гдѣ народъ, тамъ и стонъ" слышался чуткому уху народолюбца.

„Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,

Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ
У подъѣзда судовъ и палатъ".

И „въ отвѣтъ стенаніямъ народа" застонала мысль его искренняго вдохновеннаго печальника; онъ сказалъ себѣ:

...пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по выжженнымъ лугамъ,
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
И въ мірѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!..
Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ,
Въ то время какъ она ликуетъ и поетъ,—

стало его призваньемъ, и онъ лиру „посвятилъ народу своему":

Пускай наноситъ вредъ врагу не каждый воинъ,
Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...

И сталъ онъ въ пѣснѣ говорить о „суровой средѣ, гдѣ поколѣнья людей живутъ и гибнутъ безъ слѣда и безъ урока для дѣтей", гдѣ „кровавый трудъ, кровавая борьба"; сталъ пѣть страданья „терпѣньемъ изумляющаго" народа, чья „судьба"—„за крошку хлѣба капля пота", чей „удѣлъ,—безграмотство, безпутство, убожество и чувствомъ и умомъ", чья „узда—налоги, трудъ, рекрутство", чья „утѣха—водка съ дурманомъ"...

Правда, пѣсни о горѣ народномъ, о нуждѣ безысходной—не единственный мотивъ скорбной и гнѣвной музы Некрасова; но онѣ, несомнѣнно, самый мощный, самый характерный и потому самый цѣнный мотивъ его лиры. „До сѣдинъ" донесъ онъ „жгучее, святое безпокойство за жребій" народа, его любилъ, его страданья пѣлъ; и, умирая, желалъ „въ такую могилу сойти, чтобы широкіе лапти народные къ ней проторили пути"...

Кто же этотъ народъ—„конекъ обычный" некрасовской музы? „Народъ, сосредоточивающій на себѣ все вниманье, всѣ тревоги и чаянья поэта,—говоритъ Мельшинъ,—есть *совокупность всѣхъ трудящихся массъ населенія* безъ различія классовъ и орудій

труда; на Некрасова нельзя смотрѣть поэтому какъ на пѣвца и адвоката исключительно крестьянскаго горя. Если послѣднее онъ воспѣвалъ, дѣйствительно, всего чаще и охотнѣе, то объясняется это вполнѣ естественно и просто: крестьянство составляло во времена Некрасова (какъ, впрочемъ, и до сихъ поръ составляетъ) подавляющую по своей численности массу русскаго населенія и притомъ являлось главной жертвой царившаго зла. Страданья мужика были, такимъ образомъ, въ глазахъ Некрасова какъ бы символомъ страданій всего русскаго народа... Но всѣ забитые, всѣ обездоленные одинаково имѣли въ немъ своего пѣвца и друга"... [1])—Постараемся намѣтить существенныя черты народной жизни, какъ ее изображаетъ Некрасовъ.

---

[1]) Цит. „Очерки", стр. 172.

I.

Жребій народа.

Въ деревнѣ Босовѣ
Живетъ Якимъ Нагой,
Онъ до смерти работаетъ,
До полусмерти пьетъ.

Не дотерпѣть—пропасть,
Перетерпѣть—пропасть!

„Сторона наша убогая"... „Болото, мохъ, песокъ—куда ни взглянешь"... „Безконечно унылы и жалки эти пастбища, нивы, луга"... „Холмы пологіе съ полями, съ сѣнокосами, а чаще съ неудобною заброшенной землей. Стоятъ деревни старыя, стоятъ деревни новыя, у рѣчекъ, у прудовъ"...—таковъ общій фонъ картины. Здѣсь природа скупа и сурова, рѣдко ласкою теплой и свѣтомъ веселымъ даритъ. Зимой это—„унылая равнина":

Въ бѣломъ саванѣ смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою...
Отъ утра до вечерней поры
Все однѣ предъ глазами картины:
Видишь, какъ, обнажая бугры,
Вѣтеръ снѣгомъ заноситъ лощины;
Видишь, какъ эта снѣжная пыль,
Непрерывной волной набѣгая,
Подъ собой погребаетъ ковыль,
Все губящей зимѣ помогая;
Видишь, какъ подъ кустомъ иногда
Припорхнетъ эта малая пташка,
Что отъ насъ не летитъ никуда—
Любитъ скудный нашъ сѣверъ, бѣдняжка;
Или, щелкая, стая дроздовъ
Пролетитъ и насядетъ на ели;
Слышишь дикіе стоны волковъ
И визгливое пѣнье метели...
Снѣжно—холодно—мгла и туманъ...

Долго, долго борется солнце съ этой „зимой все губящей", и бываетъ нерѣдко, что зиму смѣняетъ „мокрая, холодная весна":

...хоть волкомъ вой!
Не грѣетъ землю солнышко,
И облака дождливыя,
Какъ дойныя коровушки,
Идутъ по небесамъ.
Согнало снѣгъ, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одѣвается
Зеленымъ яркимъ бархатомъ,
И, какъ мертвецъ безъ савана,
Лежитъ подъ нѐбомъ пасмурнымъ
Печальна и нага!

И даже лѣтомъ суровъ „скудный" нашъ сѣверъ. Смотрите:

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная—
Солнце нещадно палитъ.
Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!..

Или вотъ:

изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое,
Скосивши, волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,
Тамъ рать-орда крестьянская
По кочкамъ, по зажоринамъ
Ползкомъ ползетъ съ плетюхами,
Трещитъ крестьянскій пупъ!
Подъ солнышкомъ, безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь...

Такова природа нашей убогой стороны: здѣсь „трудно дышится", и оттого здѣсь всюду „горе слышится".

Въ учебникахъ географіи за рубрикой „страна" обыкновенно слѣдуетъ рѣчь о населеніи. Послушаемъ Некрасова. Въ Россіи есть губерніи: Подтянутая, Испуганная, Безграмотная, Подстрѣ-

,ленная; уѣзды: Терпигоревъ, Недыханьевъ; деревни: Заплатово Дырявино, Разутово, Босово, Знобишино, Горѣлово, Неѣлово— Неуражайка тожъ. Село „кончается“ обыкновенно ригами, амбарами, мельницами, кое-гдѣ кабакомъ, а иногда

низенькимъ
Бревенчатымъ строеніемъ
Съ желѣзными рѣшетками
Въ окошкахъ небольшихъ.

Въ нихъ, въ этихъ Заплатовѣ, Разутовѣ, Знобишинѣ, Неѣловѣ, живутъ „крестьяне-лапотники“; у нихъ „одинъ суровый черный хлѣбъ, да изъ него же гибельный напитокъ“.

Здѣсь мужику, что вышелъ за ворота,
Кровавый трудъ, кровавая борьба:
За крошку хлѣба—капля пота—
Вотъ въ двухъ словахъ его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый трудъ, неблагодарный бой...

Здѣсь самодержавно царитъ „царь-голодъ“.

Водитъ онъ арміи; въ морѣ судами
Правитъ; въ артели сгоняетъ людей;
Ходитъ за плугомъ, стоитъ за плечами
Каменотесовъ, ткачей.

„Этотъ царь безпощаденъ“, и всѣ покорствуютъ ему: гордую голову клонятъ, спину могучую гнутъ, „надрываются подъ зноемъ, подъ холодомъ, мерзнутъ и мокнутъ“...

„Какъ липочка ободранный“, крестьянинъ-лапотникъ „всю жизнь на полосѣ подъ солнцемъ жарится, подъ бороной спасается отъ частаго дождя, живетъ—съ сохою возится, а смерть придетъ..., какъ комъ земли отвалится, что на сохѣ присохъ“... „Горе ты, горе! Нужда окаянная!..“ Сушитъ она мужика-богатыря, и нѣтъ въ немъ ни вида, ни доброты:

Грудь впалая; какъ вдавленный
Животъ; у глазъ, у рта
Излучины, какъ трещины
На высохшей землѣ;
И самъ на землю-матушку
Похожъ онъ: шея бурая,
Какъ пластъ, сохой отрѣзанный,
Кирпичное лицо,
Рука—кора древесная,
А волосы—песокъ.

„Холодно, голодно въ нашихъ селеніяхъ“, а съ голодомъ и холодомъ идутъ ихъ неразлучные спутники болѣзни: „всевозможные тифы, горячки, воспаленья“... „холера, холера, холера“... „цынга“...

Бѣдность гибельнѣй всякой заразы...
Въ нашей улицѣ люди такъ мрутъ,
Что по ней, то и знай, на кладбища,
Какъ въ холеру, тащатъ мертвецовъ:
Холодъ, голодъ, сырыя жилища—
Не робѣй Варсонофій Петровъ!.. (гробовщикъ).

Мрутъ, „какъ мухи“... люди, мретъ и скотина...
Страшны „деревенскія новости“:

Въ Ботовѣ валится скотъ,
А у солдатки Аксиньи
Дѣвочку—было ей съ годъ—
Съѣли проклятыя свиньи;
Въ Шаховѣ свекру сноха
Вилами бокъ просадила—
Было за что... Пастуха
Громомъ въ стадѣ убило.
Ну, ужъ и буря была!
Какъ еще мы уцѣлѣли!

А вотъ Красныя Горки и Починки село—тѣ не уцѣлѣли: „этой же бурей сожгло“.

Въ Горкахъ пожаръ ужъ притихъ,
Ждали: Починокъ не тронетъ!
Смотрятъ, а вѣтеръ на нихъ
Пламя и гонитъ и гонитъ!
Встрѣчу-то попъ со крестомъ,
Дьяконъ съ кадилами вышелъ,—
Не совладали съ огнемъ—
Видно, Господь не услышалъ!..

Пожары деревенскіе—это страшный бичъ, которымъ „царь-голодъ“ немилосердно хлещетъ бѣдноту. Ужасенъ видъ “пожарища“:

Что-то на бѣлой полянѣ чернѣется,
Что-то дымится—сгорѣло селеніе!..
Съ лаемъ собаки на насъ не бросаются,
Думаютъ видно: украсть вамъ тутъ нечего!..
Лошадь дрожитъ у плетня почернѣлаго,
Куры бездомныя съ холоду ежатся,
И на остаткахъ жилья погорѣлаго
Люди, какъ черви на трупѣ, копошатся...

Или вотъ еще душу надрывающая повѣсть о „погорѣломъ мѣстѣ“.

...Бугоръ.
Тамъ угрюмыя сосны стояли
И подъ ними дымился костеръ.
Мы съ Трофимомъ туда побѣжали...

Черезъ пни погорѣлаго бора
Къ неширокой рѣкѣ мы пришли...

Погорѣльцы разбили тутъ станъ.
Къ намъ навстрѣчу ребята бѣжали:
„Не видали вы нашихъ крестьянъ?
Побираться пошли да пропали!“

—Не видали... Весь таборъ притихъ...
Звучно щиплетъ траву лошаденка,
Бабы няньчатъ младенцевъ грудныхъ,
Утѣшаетъ ребятъ старушонка:

—Воля Божья: усните скорѣй!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вамъ накуплю калачей,
Вотъ и деньги... Глядите-ка, сколько!

—„Гдѣ ты, бабушка, денегъ взяла?“
—У оконца, на мѣсячномъ свѣтѣ,
Въ ночи зимнія пряжу пряла.
Побренчали казной ея дѣти...

Старый дѣдъ, словно царь Соломонъ,
Роздалъ имъ кой-какую одежу...
Патріархомъ библейскихъ временъ
Онъ глядѣлъ, завернувшись въ рогожу:

Величавая строгость въ чертахъ,
Черепъ голый, нависшія брови,
На груди и на голыхъ ногахъ
Слѣдъ недавнихъ обжоговъ и крови.

Мой вожатый къ нему подлетѣлъ:
—Здравствуй, дѣдко! „Живите здоровы!“
—Погорѣли? А хлѣбъ уцѣлѣлъ?
Уцѣлѣли лошадки? коровы?

„Хлѣбу было сгорѣть мудрено,—
Отвѣчалъ патріархъ неохотно:—
Мы его не имѣли давно.
Спите, дѣтки, окутавшись плотно!

А къ костру не ложитесь, огонь
Подползетъ—опалитъ волосенки.
Уцѣлѣлъ изъ двѣнадцати конь,
Изъ семнадцати три коровенки".

—Нѣтъ и вашихъ дремучихъ лѣсовъ?
Вѣкъ росли, а въ недѣлю пропали!
„Соблазняли они мужиковъ.
Шутка! сколько у барина крали"!

Молча взялъ онъ ружье у меня,
Осмотрѣлъ, осторожно поставилъ.
Я сказалъ: безпощаднѣй огня
Нѣтъ врага—ничего не оставилъ!

„Не скажи. Разсудила судьба,
Что нельзя же безъ древа-то въ мірѣ,
И оставила намъ на гроба
Эти сосны"... (Ихъ было четыре)...

Жить надо, и на мѣстѣ „старыхъ деревень появляются новыя"; но если не любы крестьянамъ старыя, больнѣй того на новыя деревни имъ глядѣть:

Ой, избы, избы новыя!
Нарядны вы, да строить васъ
Не лишняя копеечка,
А кровная бѣда!

Да, тяжело ты крестьянское горе!

Какъ отъ выстрѣла дымъ расползается
На зарѣ по росистымъ травамъ,
Это горе идетъ—подвигается
Къ тихимъ селамъ, глухимъ деревнямъ!

„Здѣсь одни только камни не плачутъ"... Этотъ плачъ безконечный, этотъ стонъ безпрерывный, поневолѣ вполголоса, только въ пѣснѣ находитъ себѣ полный просторъ. Въ ней „мало словъ, а горя—горя рѣченька бездонная". Ее „сложила" жизнь постылая.

Вся-то пѣсня—два словца,
А запой ее, дѣтинушка,
Не дотянешь до конца;
Эту пѣсенку мудреную
Тотъ до слова допоетъ,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Изъ конца въ конецъ пройдетъ.

Эти „два слова": *холодно, голодно,* точно снѣжный комъ, перекатываются они по „убогимъ и темнымъ роднымъ уголкамъ" и

обрастаютъ безысходной нуждой, безпросвѣтнымъ горемъ. Безпріютнымъ „убогимъ странникомъ“, затерявшимся среди луговъ, лѣсовъ и полей унылой равнины, представляется Некрасову русскій народъ, и, куда бы онъ ни кинулся, всюду за нимъ и около него холодъ и голодъ, а съ ними „счастіе мужицкое, дырявое съ заплатами, горбатое съ мозолями“. „Вѣка протекли“, „все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось“, а „странникъ убогій“ тянетъ все ту же стонущую пѣсню:

Я лугами иду—вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!

Я лѣсами иду—звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!

Я хлѣбами иду—что вы тощи хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду.

Я стадами иду—что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду
Съ голоду, родименькій, съ голоду.

Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно.

Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь-пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!

Ужъ я въ третью: мужикъ! что ты бабу-то бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!

Я въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькій, сь голоду!

ъ жизнь. Конечно, въ такихъ условіяхъ существованія за-
а о завтрашнемъ днѣ настолько тяжело и безослабно давитъ,
не оставляетъ мѣста и времени заботамъ иного, высшаго
дка. Насущныя потребности—потребности живого человѣка,
рый нуждается въ хлѣбѣ, чтобы не умереть съ голода, и въ
тѣ и одеждѣ, чтобы имѣть возможность утолить свой голодъ,—
отребности съ такой настойчивостью заявляютъ о себѣ въ

нашей убогой сторонѣ, что вопросы ума и сердца поневолѣ отходятъ въ туманную даль будущаго,—желаній, надеждъ, а нерѣдко они и просто осутствовали или не успѣвали вытѣснить проклятую злобу дня и подняться на поверхность сознанія. Работа вѣчная, забота вѣчная; гдѣ ужъ тутъ о книжкахъ думать!.. Смотрите, вотъ нищій. У него отнимаютъ послѣдній кусокъ хлѣба; онъ борется за свою корку и, отстоявши ее, спѣшитъ ее съѣсть. Голодъ утоленъ, и, обезсиленный тяжелой борьбой, нищій засыпаетъ... До ученья ли тутъ.

Впрочемъ, это бы еще съ полгоря. Вотъ горе: тѣ, „кому въ удѣлъ судьбою данъ высокій санъ“, не хотятъ брать примѣръ съ солнца, которое, „куда лишь лучъ его достанетъ, былинкѣ ль, кедру ли благотворитъ равно“,—и считаютъ просвѣщеніе привилегіей, отнюдь не распространяющейся на мужика: „читать и разсуждать,“ говорятъ они, „пристрастье“, „не приличное званію“ крестьянина. Въ этомъ мнѣніи на счетъ людей „низшей породы“ не разошлись, а трогательно объединились нѣмецкій баронъ („нѣчто въ родѣ посланника“), фонъ-деръ-Гребенъ, и русскій сановникъ, кн. Воехотскій. Вотъ очень характерная бесѣда по вопросу о правѣ мужика на просвѣщеніе этихъ „мужей совѣта“:

Кн. Воехотскій.

Теперь, баронъ, вы видѣли природу,
Вы видѣли народъ нашъ?

Баронъ.

И не могъ
Не заключить, что этому народу
Пути къ развитью заградилъ самъ Богъ.

Кн. Воехотскій.

Да! да! непобѣдимыя условья!
Но, къ счастію, народъ не выше ихъ:
Невѣжество, безчувственность воловья
Полезны при условіяхъ такихъ.

Баронъ.

Когда природа отвѣчать не можетъ
Потребностямъ, которыя родитъ
Развитіе—оно бѣды умножитъ
И только даромъ страсти распалитъ.

Кн. Воехотскій.

Вы угадали, мысль мою: нелѣпо
Въ такихъ условіяхъ просвѣщать народъ.

Въ болѣе современномъ переводѣ это выходитъ: „безусловно вредно народное образованіе, ибо оно развиваетъ привычку логически мыслить“. Дружными усиліями „непобѣдимыхъ условій“, бароновъ нѣмецкихъ и князей Воехотскихъ задача—отучить народъ мыслить,—какъ извѣстно, блестяще разрѣшена, и тьма невѣжества, суевѣрій и предразсудковъ всякаго рода и до сихъ поръ плотно облегаетъ русскую землю, часто безпросвѣтная, слѣпящая, страшная тьма. Здѣсь „люди темные“ живутъ и „дураками“ помираютъ. Вслушайтесь въ то, что здѣсь говорятъ.

Вотъ „Кузьминское богатое, а пуще того грязное торговое село“. Ярмарка. На площади „товару много всякаго и видимоневидимо народу“. „Хмельно, горласто, празднично, красно, пестро кругомъ“. „На бабахъ платья красныя, у дѣвокъ косы съ лентами“. Среди нихъ одиноко бродитъ „старообрядка злющая“; „на бабъ нарядныхъ глядючи“, она говоритъ своей товаркѣ:

„Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее стоитъ до Петрова.
Съ тѣхъ поръ какъ бабы начали
Рядиться въ ситцы красные,
Лѣса не подымаются,
А хлѣба хоть не сѣй!“

—Да чѣмъ же ситцы красные
Тутъ провинились, матушка?
Ума не приложу!

„А ситцы тѣ французскіе—
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?“

Или вотъ другая картина съ натуры; въ ней Некрасовъ трактуетъ ту же тему о темнотѣ народной, только беретъ это печальное и позорное явленіе нашей жизни въ болѣе широкомъ масштабѣ, и оно получаетъ значеніе всенароднаго бѣдствія. То же село Кузьминское, та же ярмарка. Лавочка съ картинами и книгами; офени запасаются въ ней своимъ товаромъ.

—А генераловъ надобно?
Спросилъ ихъ купчикъ-выжига.
„И генераловъ дай!
Да только ты по совѣсти,
Чтобъ были настоящіе—
Потолще, погрознѣй“.
—Чудные, какъ вы смотрите!—
Сказалъ купецъ съ усмѣшкою:—
Тутъ дѣло не въ комплекціи...
„А въ чемъ же? шутишь, другъ!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда съ ней дѣнемся?
Шалишь! Передъ крестьяниномъ
Всѣ генералы ровные,

Какъ шишки на ели:
Чтобы продать неварачнаго,
Попасть на доку надобно,
А толстаго да грознаго
Я всякому всучу...

А статскихъ не желаете?
„Ну вотъ еще со статскими!“
(Однако взяли—дешево!—
Какого-то сановника—
За брюхо съ бочку винную
И за семнадцать звѣздъ.)
Купецъ со всѣмъ почтеніемъ,
Что любо, тѣмъ и потчуетъ.
(Съ Лубянки—первый воръ!)
Спустилъ по сотнѣ Блюхера,
Архимандрита Фотія,
Разбойника Сипко,
Сбылъ книги: „Шутъ Балакиревъ“,
И „Англійскій милордъ“...
Легли въ коробку книжечки,
Пошли гулять потретики
По царству всероссійскому,
Покамѣстъ не пристроятся
Въ крестьянской лѣтней горенкѣ,
На невысокой стѣночкѣ...
Чортъ знаетъ для чего!

Смѣшно и грустно: этой лубочной мѣшаниной питается русскій мужикъ и до сихъ поръ. Такъ и та убогая грамотность, которая есть, тратится совершенно непроизводительно. „Въ наши великіе, трудные дни книги не шутка: укажутъ онѣ все недостойное, дикое, злое“; но эти книги все еще рѣдко попадаютъ въ деревню.

На что вамъ книги умныя?
Вамъ вывѣски питейныя
Да слово: воспрещается,
Что на столбахъ встрѣчается,
Достаточно читать!

Такъ говорили, такъ еще и теперь говорятъ, и оттого у насъ темно попрежнему, и только кое-гдѣ прорѣзали эту тьму яркія зарницы пробудившейся мысли.

„Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,
Что книга книгѣ розь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго,
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?
Ой, люди, люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великія:
Носили ихъ—прославили
Заступники народные.
Вотъ вамъ бы ихъ потретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги почитать...
И радъ бы въ рай, да дверь-то гдѣ?..

И все еще идутъ темные люди вмѣсто рая свѣтлой и вольной мысли, прекрасныхъ созданій искусства, — въ балаганъ лубочныхъ книжекъ и картинъ. И оттого все еще „тьма вверху бездны“, и родитъ она нравы жестокіе, и ужасы совершаются въ этой безднѣ, кошмарно дикіе, душу леденящіе ужасы. А здѣсь къ нимъ привыкли, говорятъ о нихъ спокойно и даже готовы ви-

дѣть въ нихъ „законъ праведный“, пусть этотъ „законъ“ и превращаетъ человѣка въ звѣря и дѣлаетъ его палачомъ для брата который становится его жертвой. Объ одной такой „случайной жертвѣ судьбы“ разсказываетъ „Матрена Тимоѳеевна“.

Въ тотъ годъ необычайная
Звѣзда играла на небѣ;
Одни судили такъ:
Господь по небу шествуетъ
И ангелы Его
Метутъ метлою огненной
Передъ стопами Божьими
Въ небесномъ полѣ путь;
Другіе то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли бѣду.
Сбылось: пришла безхлѣбица!
Братъ брату не уламывалъ
Куска! Былъ страшный годъ.
Волчицу ту Ѳедотову
Я вспомнила—голодную:
Похожа съ ребятишками
Я на нее была.
Да тутъ еще свекровушка
Примѣтой прислужилася:
Сосѣдкамъ наплела,
Что я бѣду накликала.
А чѣмъ? *Рубаху чистую*
Надѣла въ Рождество.
За мужемъ, за заступникомъ,
Я дешево отдѣлалась;
А женщину одну
Никакъ за то же самое
Убили на смерть кольями:
Сь голоднымъ не шути!..

Вамъ страшно до дрожи въ этой „подземной тюрьмѣ“, а „бѣдные, забитые“ видятъ особый героизмъ въ ихъ „штукахъ“, такъ какъ они давали имъ почувствовать свою силу: „мы не сидѣли сложа руки“... Некрасовъ разсказываетъ случай, относящійся ко времени, когда „затесался къ намъ французъ, да увидалъ, что проку мало, пришелъ въ конфузъ и на попятный тотчасъ драло“.

Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ тремя щенками:
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!
Жена давай вопить, стонать,
Рветъ волоса,—глядитъ да тужитъ!
Жаль стало: топорищемъ хвать—
И протянулась съ мужемъ!
Глядь: дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
Лепечутъ—не поймешь словца—
И въ голосъ бѣдненькія плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? Мы долго толковали,
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...

Какой ужасъ, но вмѣстѣ и какое громадное несчастье, какое страшное народное бѣдствіе: человѣчность эти люди полагаютъ въ звѣрствѣ...

Голодно, холодно, темно живется русскому народу. Съ голоду бока и животы подводитъ, съ холоду руки и ноги коченѣютъ, „черные вороны“ очи выклевываютъ... Крушитъ Русь крещеную „съ нищетой горемычной злая борьба“: „домишки ветхіе и животишки хворые“...

Въ такихъ убійственныхъ условіяхъ сила жизни и сопротивляемость въ борьбѣ неизбѣжно должны были уменьшиться, и дѣйствительно уменьшились: „типъ измельчалъ красивой и мощной славянки“... Богатырь-народъ сталъ рабомъ и продолжаетъ имъ быть даже послѣ того, когда „распалась цѣпь великая“...

Есть у Некрасова картина-символъ: въ ней символизирована „вѣковая истома“ народа-раба; вотъ эта картина:

Подъ жестокой рукой человѣка,
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калѣка,
Непосильную ношу влача.
Вотъ она зашаталась и стала.
„Ну!“ погонщикъ полѣно схватилъ,
(Показалось кнута ему мало)—
И ужъ билъ ее, билъ ее, билъ!
Ноги какъ-то разставивъ широко,
Вся дымясь, осѣдая назадъ,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядѣла... (Такъ люди глядятъ,
Покоряясь неправымъ нападкамъ)
Онъ опять: по спинѣ, по бокамъ,
И впередъ забѣжалъ, по лопаткамъ
И по плачущимъ кроткимъ глазамъ!
Все напрасно. Кляченка стояла,
Полосатая вся отъ кнута,
Лишь на каждый ударъ отвѣчала
Равномѣрнымъ движеньемъ хвоста.
Это праздныхъ прохожихъ смѣшило...
А погонщикъ не даромъ трудился—
Наконецъ-таки толку добился!
Но послѣдняя сцена была
Возмутительнѣй первой для взора:
Лошадь вдругъ напряглась—и пошла
Какъ-то бокомъ, нервически скоро
И погонщикъ при каждомъ прыжкѣ,
Въ благодарность за эти усилья
Поддавалъ ей ударами крылья,
И самъ рядомъ бѣжалъ налегкѣ.

Раскрыть этотъ символъ не трудно; стоитъ прочесть въ пьесѣ „На Волгѣ“ гимнъ-реквіемъ „унылому, сумрачному, бурлаку“.

Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ
Такимъ и нынѣ увидалъ:
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица
Все та жъ покорность безъ конца...
Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ и гибнутъ безъ слѣда
И безъ урока для дѣтей!
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что заповѣдать сыновьямъ.
И, какъ ему,—не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда бъ ты менѣе терпѣлъ?
Какъ онъ, безгласно ты умрешь.
Какъ онъ, безвѣстно пропадешь.
Такъ заметается пескомъ
Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
Не краше узника въ цѣпяхъ,
Твердя постылыя слова,
Отъ вѣка тѣ же: „разъ да два!"
Съ болѣзненнымъ привѣтомъ „ой!"
И въ тактъ мотая головой...

Или въ тѣхъ же размышленіяхъ „О погодѣ" слѣдующее мѣсто:

На спинѣ ли дрова ты несешь на чердакъ,
Черезъ лобъ протянувши веревку,
Грошъ ли просишь, идешь ли въ кабакъ,
Задаютъ ли тебѣ потасовку,—
Ты знакомъ уже намъ петербургскій бѣднякъ,
. . . . угрюмый худой,
Обезсмысленный дикой корыстью,
Страхомъ, голодомъ, мелкой борьбой.

Такъ, съ нищетой и горемъ идетъ „терпѣнье безмѣрное", и „богатырь святорусскій" становится „Аникой—воиномъ", а то и хуже—„холопомъ примѣрнымъ—Яковомъ вѣрнымъ": „всему виною крѣпь".

Въ ней же, въ этой „крѣпи", начало и другого, не менѣе печальнаго конца. Одни подъ ней сгибаются и въ кабалу попадаютъ; другіе, приспособившись къ ней, гнутъ слабыхъ и дѣлаютъ ихъ холопами,—это „кулаки". Они „народились" въ той же нездоровой атмосферѣ кулачнаго права, животныхъ инстинктовъ и рабскаго страха. Какъ плѣсень въ подвалѣ, они расползлись по „домишкамъ ветхимъ", по „животишкамъ хворымъ"... Жить здѣсь значитъ быть „сытыми и одѣтыми", а на копейку мѣдную сытъ и одѣтъ не будешь,—сила въ рублѣ. И вотъ копить, собирать, сколотить изъ копейки рубль—становится правиломъ жизни „неглупыхъ малыхъ". Добрый совѣтъ „стараго Владимира" „не хоронить въ землю", потому что это „не наше", давно забытъ и уступилъ мѣсто лихорадочному стяжанію; и то, что обезпечивало возможность быть „сытыми и одѣтыми"—капиталъ, выдвигается на первый планъ и въ мысли и въ жизни: мысль принизилась до

жизни, а жизнь превратилась въ борьбу имущихъ съ неимущими. А „на войнѣ, какъ на войнѣ“, въ средствахъ не разбираются... И вотъ различіе между „собирать“ и „обирать“ постепенно стирается, хищническіе инстинкты пріобрѣтателя берутъ верхъ надъ мотивами нравственнаго характера, и глохнутъ среди этихъ плевеловъ эгоизма, выросшихъ на каменистой почвѣ ожесточившагося сердца, глохнутъ человѣческіе порывы къ любви и братству. И сталъ братъ брату волкомъ.

Такъ „народился кулакъ“; онъ „по селеньямъ звѣремъ рыщетъ“, „крестьянину съ охотой въ нуждѣ ссужаетъ онъ рубль, а тотъ плати работой“... И снова сгибается едва разогнувшаяся отъ „помѣщичьей крѣпи“, могучая спина... И надъ склонившимися покорно кабальными холопами стоитъ, „подбоченясь картинно“, „толстый, присадистый, красный какъ мѣдь,“ купчина-кулакъ...

„Округа вся въ горсти моей,
Казна надежнѣй цѣпи“,
хвастается „старый Наумъ“.
„Ужъ нѣтъ помѣщичьихъ крѣпей,
Мои остались крѣпи.
...Начальство—други—кумовья,
Стрясись бѣда—поправятъ...
Судью за денежки куплю,
Умилостивлю Бога“...

Встрѣчаясь съ ними, Некрасовъ „вспоминалъ невольно дубъ красивый въ своемъ саду“:

там сѣти ткалъ
Паукъ трудолюбивый,

Съ утра спускался онъ не разъ
По тонкой паутинкѣ,
Какъ по канату водолазъ,
Къ какой-нибудь личинкѣ;

То комара подстерегалъ
И жадно влекъ въ объятья,
А, пообѣдавъ, продолжалъ
Обычныя занятья.

И вывелъ, точно напоказъ,
Паукъ мой паутину.
Какая ткань! Какой запасъ
На черную годину!

Тамъ мошекъ цѣлыя стада
Нашли себѣ могилы,
Попали бабочки туда—
Летуньи пестрокрылы;

Его сосѣдъ, другой паукъ,
Качался тамъ замученъ,
А мой—отъѣлся вонъ изъ рукъ!
Доволенъ, гладокъ, тученъ,

То мирно дремлетъ въ уголку,
То мухою закуситъ...
Живется славно пауку:
Не тужитъ и не труситъ...

Или вотъ кулакъ-подрядчикъ работъ на желѣзной дорогѣ.

Труды роковые
Кончены—нѣмецъ ужъ рельсы кладетъ,
Мертвые въ землю зарыты; больные
Скрыты въ землянкахъ; рабочій народъ

Тѣсной гурьбой у конторы собрался...
Крѣпко затылки чесали они:
Каждый подрядчику долженъ остался,
Стали въ копейку прогульные дни!

Все заносили десятники въ книжку—
Бралъ ли на баню, лежалъ ли больной:
„Можетъ, и есть тутъ теперича лишку,
Да вотъ, поди ты!" Махнули рукой...

Въ синемъ кафтанѣ—почтенный лобазникъ,
Толстый, присадистый, красный какъ мѣдь,
Ѣдетъ подрядчикъ по линіи въ праздникъ,
Ѣдетъ работы свои посмотрѣть.

Праздный народъ разступается чинно...
Потъ отираетъ купчина съ лица
И говоритъ, подбоченясь картинно:
„Ладно... нешто... Молодца!.. Молодца!..

Съ Богомъ, теперь по домамъ, поздравляю!
(„Шапки долой—коли я говорю!")
Бочку рабочимъ вина выставляю
И—*недоимку дарю*!.."

Кто-то „ура" закричалъ. Подхватили
Громче, дружнѣе, протяжнѣе. Глядь,
Съ пѣсней десятники бочку катили...
Тутъ и лѣнивый не могъ устоять!

Выпрягъ народъ лошадей и купчину
Съ крикомъ „ура" по дорогѣ помчалъ...
Кажется, трудно отраднѣй картину
Нарисовать...

Такъ вмѣсто „сѣтей крѣпостныхъ" явились иныя, и, какъ прежде, трудно, а иногда и еще труднѣе народу жить, и, какъ прежде, онъ бѣденъ, а кое-гдѣ и еще беднѣе сталъ. Взгляните на это „селенье незавидное", такихъ еще очень, очень много на „святой Руси":

Что ни изба—съ подпоркою,
Какъ нищій съ костылемъ;
А съ крышъ солома скормлена
Скоту. Стоятъ, какъ остовы,
Убогіе дома.
Ненастной поздней осенью
Такъ смотрятъ гнѣзда галочьи,
Когда галчата вылетятъ
И вѣтеръ придорожныя
Березы обнажитъ...
Народъ въ поляхъ работаетъ...

Та же, копейка мѣдная, то же горе-горькое, та же нужда окаянная... И попрежнему онъ стонетъ-поетъ, и попрежнему горькую пьетъ, въ тоскѣ безысходной, въ горѣ безпросвѣтномъ „водкой съ дурманомъ" „утѣшается". И здѣсь новая бѣда—въ „гибельномъ напиткѣ" нерѣдко исчезаетъ безслѣдно мужицкая сила, и безъ того надорванная, разоряется дотла бѣдное хозяй-

ство, и безъ того разоренное. И что особенно важно, въ винѣ горе не избывается, но забывается или притупляется, а вмѣстѣ съ нимъ слабѣетъ или совсѣмъ уходитъ протестъ.

Не водись ка на свѣтѣ вина,
Тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ
И пожалуй—силенъ сатана!
Натворилъ бы я бѣдъ.

„Осушается“ штофъ и съ нимъ вмѣстѣ сохнутъ „неразумныя и буйныя рѣчи“...

„Въ куражѣ невзначай отъ души отлегнетъ“, позабудется горе, а „на утро раздумье придетъ“... Или и того хуже.

„На послѣдній хватилъ четвертакъ,
Подрался—и проснулся въ части“...

Забурлитъ, зашумитъ, поднимется „горя рѣченька бездонная“ и разольется „моремъ разливаннымъ“..., гдѣ-нибудь на ярмаркѣ: въ будни не до того, а въ праздникъ остается время подумать о своей долѣ; а такъ какъ, думай не думай, горя не избудешь, то „надо выпить“, а выпилъ разъ, захочется въ другой, глядь и напился; да и много ли рабочему, голодному человѣку надо?—и вотъ:

Шумитъ, поетъ, ругается.
Качается, валяется,
Дерется и цѣлуется
У праздника народъ.

И, кажется,

Что все село шатается,
Что даже церковь старую
Съ высокой колокольнею
Шатнуло разъ другой,—
Тутъ трезвому, что голому,
Неловко...

И напивается, и тѣшится честной народъ:

Ей! малый! сладкой водочки!
Наливки! Чаю! Полпива!
Цимлянскаго—живѣй!..

„И море разливанное пойдетъ“... Прислушайтесь къ нему, глухо и невнятно оно шумитъ; но въ рокотѣ пьяныхъ голосовъ звучитъ все та же, тяжелымъ гнетомъ жизни сдавленная, мужицкая душа.

Мѣсто дѣйствія яръ-хмеля—„широкая дороженька, березками обставлена,... по буднямъ малолюдная, печальная и тихая, не та она теперь“:

По всей по той дороженькѣ
И по окольнымъ тропочкамъ,
Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали ѣхали,
Барахталися пьяные,
И стономъ стонъ стоялъ!

Скрипятъ телѣги грузныя,
И, какъ телячьи головы,
Качаются, мотаются
Побѣдныя головушки
Уснувшихъ мужиковъ!

Народъ идетъ—и падаетъ,
Какъ будто изъ-за валиковъ
Картечью непріятеля
Палятъ по мужикамъ!
Ночь тихая спускается,
Ужъ вышла въ небо темное
Луна; ужъ пишетъ грамоту
Господь червоннымъ золотомъ
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную.
Которой ни разумникамъ,
Ни глупымъ не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудитъ! Что море синее,
Смолкаетъ, подымается
Народная молва.

„А мы полтинникъ писарю:
Прошенье изготовили
Къ начальнику губерніи“...

— Эй! Съ возу куль упалъ!

„Куда же ты, Оленушка!
Постой еще дамъ пряничка;
Ты, какъ блоха проворная,
Наѣлась—и упрыгнула,
Погладить не далась!“
— Добра ты, царска грамота,
Да не при насъ ты писана...

„Посторонись, народъ!“
(Акцизные чиновники
Съ бубенчиками, съ бляхами
Съ базара пронеслись.)

— А я къ тому теперича:
И вѣникъ дрянь, Иванъ Ильичъ,
А погуляетъ по полу,
Куда какъ напылитъ!

„Избави Богъ, Парашенька,
Ты въ Питеръ не ходи!
Такіе есть чиновники;
Ты день у нихъ кухаркою,
А ночь у нихъ сударкою,
Такъ это наплевать!“

„Куда ты скачешь, Савушка?“
(Кричитъ священникъ сотскому
Верхомъ съ казенной бляхою).
— Въ Кузьминское скачу,
За становымъ. Оказія:
Тамъ впереди крестьянина
Убили... „Эхъ!.. грѣхи!..“

— Худа ты стала, Дарьюшка!

„Не веретенце, другъ!
Вотъ то, чѣмъ больше вертится,
Пузатѣе становится,
А я, какъ день денской!..“

„Эй! парень, парень глупенькій,
Оборванный, паршивенькій,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-пaааа-чканую!“

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонькій
Большую яму выкопалъ:
— Что дѣлаешь ты тутъ?
„А хороню я матушку!“

— Дуракъ! Какая матушка!
Гляди, поддевку новую
Ты въ землю закопалъ!
Иди скорѣй да хрюкаломъ
Въ канаву лягъ, воды испей!
Авось, соскочитъ дурь!

„А ну, давай потянемся!"

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся, и тужатся,
Кряхтятъ—на скалкѣ тянутся,
Суставчики трещатъ!

На скалкѣ не понравилось:
„Давай теперь попробуемъ
Тянуться бородой!"
Когда порядкомъ бороды
Другъ дружкѣ поубавили,
Вцѣпились за скулы!
Пыхтятъ, краснѣютъ, корчатся,
Мычатъ, визжатъ, а тянутся!
„Да будетъ вамъ, проклятые!"
Не разольешь водой!

Въ канавѣ бабы ссорятся:
Одна кричитъ: домой идти
Тошнѣе, чѣмъ на каторгу!
Другая: врешь, въ моемъ дому
Похуже твоего!
Мнѣ старшій зять ребро сломалъ,
Середній зять клубокъ укралъ,
Клубокъ—плевокъ, да дѣло въ томъ—
Полтинникъ былъ заматанъ въ немъ;
А младшій зять все ножъ беретъ,
Того гляди убьетъ, убьетъ!..

„Ну, полно, полно, миленькій!
Ну, не сердись!" За валикомъ
Неподалеку слышится:
„Я ничего... пойдемъ!"
Такая ночь бѣдовая!
Направо ли, налѣво ли
Съ дороги поглядишь:
Идутъ дружненько парочки...
Не къ той ли рощѣ правятся?
Та роща манитъ всякаго:
Въ той рощѣ голосистые
Соловушки поютъ...

Дорога многолюдная
Что позже—безобразнѣе:
Все чаще попадаются
Избитые, ползущіе,
Лежащіе пластомъ.
Безъ ругани, какъ водится,
Словечка не промолвится,
Шальная, непотребная
Слышнѣй всего она!
У кабаковъ смятеніе,
Подводы перепутались,
Испуганныя лошади
Безъ сѣдоковъ бѣгутъ;
Тутъ плачутъ дѣти малыя,
Тоскуютъ жены, матери:
Легко ли изъ питейнаго
Дозваться мужиковъ?..

Эта „Ночь пьяная" идетъ за днемъ труда и терпѣнья, и не станетъ она трезвѣе до тѣхъ поръ, пока не посвѣтлѣетъ будень русскаго мужика. Однако еще и до сихъ поръ не мало такихъ, которые, какъ Веретенниковъ, ставятъ и рѣшаютъ „пьяный вопросъ" слишкомъ односторонне и поверхностно и потому безрезультатно, хотя бы и руководились они побужденіями филантропическаго свойства:

Умны крестьяне русскіе,
Одно не хорошо,
Что пьютъ до одурѣнія:
Во рвы, въ канавы валятся—
Обидно поглядѣть!

Такъ печаловался мужичкамъ Веретенниковъ, и что-то „въ книжечку хотѣлъ уже писать“, чтобы затѣмъ подѣлиться съ любителями такихъ разсужденій мыслями „о вредѣ народнаго пьянства“. Да „выискался“ пьяненькій мужикъ и разъяснилъ барину пьяный вопросъ: „жалѣть жалѣй, умѣючи: на мѣрочку господскую крестьянина не мѣрь!“

...онъ противъ барина
На животѣ лежалъ,
Въ глаза ему поглядывалъ,
Помалчивалъ—да вдругъ
Какъ вскочитъ! Прямо къ барину—
Хвать карандашъ изъ рукъ!
„Постой башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ!
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ,
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?
Возьмемъ ведерко съ водкою,
Пойдемъ-ка по избамъ;
Въ одной, въ другой навалятся,
А въ третьей не притронутся—
У насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьютъ, а такъ же маются;
Ужъ лучше бъ пили глупые,
Да совѣсть такова...
Чудно смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда,—
И не глядѣлъ бы!.. Видывалъ
Въ страду деревни русскія?
Въ питейномъ, что ль, народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя;
Скажи-ка: чьей, рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
— Эй! богатырь! Соломинкой
Сшибу, посторонись.

„Сладка ѣда крестьянская!
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣстъ!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на ѣду не плачемся...
А чуть работа кончена,
Гляди, стоятъ три дольщика...
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злѣй татарина,
Такъ тотъ и не подѣлится,
Все слопаетъ одинъ!
...А вотъ не сосчитали же,
Поскольку въ лѣто каждое
Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
Крестьянскаго труда?..

„Нѣтъ мѣры хмелю русскому!“
А горя наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
„Вино валитъ крестьянина“—
А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы надорветъ;
Такъ неужли надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,—
Такъ погляди поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое,
Скосивши, волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему

Опасно перейти,
Тамъ рать—орда крестьянская
По кочкамъ, по зажоринамъ
Ползкомъ ползетъ съ плетюхами—
Трещитъ крестьянскій пупъ!

Подъ солнышкомъ, безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь,—
Небось, мы тутъ красивѣе?
Жалѣть—жалѣй умѣючи:
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь.
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и гульбѣ.

У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается.
Пошла по жилкамъ чарочка,
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ,—возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умѣютъ погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!.."
Мужикъ стоялъ на валикѣ,
Притопывалъ лаптишками,
И, помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ,
Любуясь на веселую
Ревущую толпу:
„Эй! царство ты мужицкое,
Безшапочное, пьяное,
Шуми, вольнѣй шуми!"

— Какъ звать тебя, старинушка?
„А что? Запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши: „*Въ деревнѣ Босовѣ*
Якимъ Нагой живетъ,
Онъ до смерти работаетъ,
До полусмерти пьетъ!"

Крестьяне согласились съ Якимомъ:

„Слово вѣрное:
Намъ подобаетъ пить!..
Пьемъ—значитъ силу чувствуемъ!
Придетъ печаль великая,
Какъ перестанемъ пить!..
Работа не свалила бы,
Печаль не одолѣла бы.
Насъ хмель не одолитъ!
Не такъ ли?.."

Такова, въ существенныхъ чертахъ, драма народной жизни, какъ ее изображаетъ Некрасовъ. Въ сторонѣ нашей убогой холодъ, голодъ, болѣзни, невѣжество, рабство, кулачное право, пьянство... Основные моменты этой драмы рѣзко намѣчаются въ „любимыхъ словахъ", которыя выпускалъ дѣдушка Савелій, богатырь святорусскій, „по слову черезъ часъ":

„Погибшіе... пропащіе“...
. . . .
„Эхъ, вы, Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать!“
. . . .
„Не дотерпѣть—пропасть,
Перетерпѣть—пропасть!..“
. . . .
„Эхъ, доля святорусскаго
Богатыря сермяжнаго!
Всю жизнь его дерутъ;
Раздумается временемъ
О смерти—муки адскія
Въ ту-свѣтной жизни ждутъ“.

Скоро ужъ 50 лѣтъ, какъ „нѣтъ помѣщичьихъ крѣпей“,—„въ Россіи нѣтъ раба“, „народъ освобожденъ... но счастливъ ли народъ“?

... Въ послѣдніе года
Сноснѣй ли стала ты, крестьянская „страда“?
И рабству долгому пришедшая на смѣну
Свобода, наконецъ, внесла ли перемѣну
Въ народныя судьбы? въ напѣвы сельскихъ дѣвъ?
Иль такъ же горестенъ нестройный ихъ напѣвъ?..

Суровая русская дѣйствительность отвѣтила уже, отвѣтила еще при жизни Некрасова на эти „тайные вопросы“, которые „кипѣли въ умѣ“ печальника горя народнаго: нѣтъ, народъ не счастливъ, потому что „вмѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“ (среди нихъ Некрасовъ, какъ мы видѣли, отмѣчаетъ особенно власть капитала надъ неимущими). А силъ не прибываетъ: та же „бѣдность“, тотъ же „невѣжества мракъ“; и потому все еще не двинулось „мужицкое счастье“ впередъ, и все еще „пташка малая сильнѣе мужика: окрѣпнутъ крылышки—тю-тю! Куда ни вздумаетъ, туда и полетитъ“... Все еще для большинства идеалъ жизни тотъ же, что указали семь мужиковъ Подтянутой губерніи, уѣзда Терпигорева, Пустопорожней волости, изъ смежныхъ деревень: Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горѣлова, Неѣлова, Неурожайки тожъ:

„Не надо бы и крылышекъ,
Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуду въ день“...
„Да по ведру бы водочки“..
„Да утромъ бы огурчиковъ
Соленыхъ по десяточку“...

„А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску“...
„А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку“...

Все еще не цѣнятъ должнымъ образомъ они, „крестьяне-лапотники“, права первородства и готовы уступить ихъ за чечевичную похлебку. Все еще отдаютъ крылышки за „блага бренныя“ и потому идутъ тропой рабовъ, а не летятъ свободные, сильные, гордые...

Отсюда безотрадныя, горькія думы поэта-„заступника народнаго“ о „новомъ времени“:

Новое время—свободы движенья,
Земства, желѣзныхъ путей.
Что жъ я не вижу слѣдовъ обновленья
Въ бѣдной отчизнѣ моей?
Тѣ же напѣвы, тоску наводящіе,
Съ дѣтства знакомые намъ,
И о терпѣніи новомъ молящіе
Тѣ же попы по церквамъ.
Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжества мракъ...
Гдѣ же ты, тайна довольства народнаго?

II.

Народъ-богатырь.

Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли...

„Мечты! Я вѣрую въ народъ“... За этимъ восклицаніемъ, въ которомъ выразилась могучая, несокрушимая и несокрушенная „вѣра въ народъ“, какъ извѣстно, слѣдуютъ точки. Ихъ надо прочитать, и тогда „мечта“ обрастетъ плотью дѣйствительности и если не раскроется „тайна довольства народнаго“, то обозначатся тѣ линіи жизни, въ направленіи которыхъ она должна раскрыться.

Данныя для опредѣленія этого неизвѣстнаго у Некрасова есть. Народъ въ пониманіи и изображеніи Некрасова не „всероссійскій сфинксъ“, понять „безмолвную рѣчь“ котораго еще не удалось никому и который поэтому все еще ждетъ своего Эдипа,—отношенія Некрасова къ народу проще и жизненнѣе. Извѣстно, какъ создавалъ Некрасовъ свои посвященныя народу произведенія. „Вблизи песчаныхъ береговъ“ „рѣки любимой“ „на лѣто укрывался“ онъ, и, „отдохнувъ, въ столицу возвращался съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ“. Онъ страстно любилъ охоту: „вольный вѣтеръ нивъ сметалъ соръ, навѣянный столицей, съ души“ его, и хоть „на полчаса“ „забывая“ о „молоткѣ надъ мыслью“, онъ „*самъ себя находилъ*“, „а это все, что нужно для поэта“. Комментарій къ этому поэтическому признанію Некрасова даетъ его сестра въ своихъ воспоминаніяхъ о лѣтнихъ поѣздкахъ брата на охоту. „Охота была для него не одною забавою,—говорила сестра Некрасова,—но и средствомъ знакомиться съ народомъ. Каждое лѣто періодически повторялось одно и то же. Поработавъ нѣсколько дней, братъ начиналъ собираться...

„... По разсказамъ происходило вотъ что: въ разныхъ пунктахъ охоты у него были уже знакомцы—мужики-охотники. Онъ до каждаго доѣзжалъ и охотился въ его мѣстности. Поѣздъ, сперва изъ двухъ троекъ, доходилъ до пяти, брались почтовыя лошади, ибо братъ собиралъ своихъ провожатыхъ и уже не отпускалъ ихъ до извѣстнаго пункта.

„По окончаніи утренней охоты выбиралось удобное мѣсто; братъ со всей компаніей завтракалъ, говорилъ самъ мало или дремалъ. Компанія, которая получала не мало водки, была разговорчива—братъ слушалъ или нѣтъ, это его дѣло.

„Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствованія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за „Коробейниковъ“, которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня—и явились „Крестьянскія дѣти“. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно выдумать форму этой идилліи, этотъ сарай съ цвѣтными глазами:

Чу! шопотъ какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрые, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты!

„*Орина мать солдатская*“ сама ему разсказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ, чтобы поговорить съ нею, а то боялся сфальшивить... Кругъ его лѣтней охоты—луга смежныхъ губерній: Ярославской, Костромской, Владимирской. Онъ ихъ хорошо зналъ, и большая часть его типовъ принадлежитъ средней Россіи“.

„Боялся сфальшивить“—это чрезвычайно цѣнное признаніе, открывающее „родную страну“ Некрасова и вмѣстѣ его главный и величайшій взносъ въ уплату долга народу,—долга, который онъ считалъ незаплаченнымъ и неоплатнымъ. Его „поэмы безтолковыя“, его „элегіи не новыя“, его „сатиры, чуждыя красоты, неблагородныя и обидныя“, его „тягучій стихъ“—это безтолковая русская жизнь съ ея вѣчно старыми и вѣчно юными скорбями и страданіями, съ ея безобразіемъ и произволомъ,—тягучая и нудная жизнь, „какъ пѣснь рабовъ, однообразная“... Не розами поросла она, политая потомъ и кровью народа,—крапивой; „крапиву“ и „вплеталъ“ Некрасовъ въ „размашистую гриву“ своего Пегаса. „Неблагородное и обидное“ занятіе, что и говорить:—

крапива грязна и некрасива, да и жжется сильно. Некрасовъ не побоялся, не „побрезговалъ“ и „гордо покинулъ Парнасъ“; „любя и волнуясь“, онъ началъ свою нелегкую работу изображенія „сермяжныхъ героевъ“, не разъ прерывалъ ее „угрюмый и полный озлобленья“,—впрочемъ никогда на крапиву, а или на тѣхъ „друзей народа“, которые сочли его звуки „черной клеветой“, или на тѣхъ враговъ народа, которые не давали ему быть самимъ собой, держали надъ его мыслью, не опуская, молотокъ, а надъ его стихами „ножницы“ [1]).

И однако Некрасовъ устоялъ и отстоялъ своего Пегаса съ крапивой, и розъ не вплелъ въ его „размашистую гриву“. Но это не помѣшало его поэтическому коню [2]) сохранить ту своеобразную красоту, за которую полюбилъ Некрасовъ мужика. Не вѣрно говорить о „романѣ Некрасова съ народомъ“; какой ужъ тутъ романъ—въ деревнѣ Босовѣ съ Якимомъ Нагимъ, который до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ? Время ли, мѣсто ли барскими любвями заниматься тамъ, „гдѣ до солнца идетъ за порогъ съ топоромъ на работу кручина“? Нѣтъ, здѣсь „живой, кровный союзъ“ между „страной безотвѣтной“, „несчастнымъ народомъ“ и „блѣдной, въ крови, кнутомъ изсѣченной Му-

---

[1]) „Вотъ оно, наше ремесло, литература!—говорилъ Некрасовъ доктору Бѣлоголовому.—Когда я началъ свою дѣятельность и написалъ свою первую вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами: прошло съ тѣхъ поръ 37 лѣтъ, и вотъ я, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе и опять-таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами.

Даже вполголоса мы не пѣвали,
Мы—горемыки-пѣвцы!

Чернышевскій (А. Н. Пыпинъ. „Н. А. Некрасовъ“, стр. 247—248) такъ комментируетъ это признаніе Некрасова: „Когда (съ 1856 г.) дошло до крайняго своего предѣла расширеніе цензурныхъ рамокъ, Некрасовъ постоянно говорилъ, что пишетъ меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней: это тяжело, это требуетъ времени, а пока онѣ не подавлены, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ; и когда онѣ подавлены, чувствуешь усталость, отвращеніе отъ дѣятельности, слишкомъ узкой“. Чернышевскій пытался уговаривать Некрасова писать „и безъ возможности напечатать теперь“; Некрасовъ отвѣчалъ, что „его характеръ не таковъ, и потому онъ не можетъ дѣлать такъ; о чемъ онъ думалъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать“.

[2]) „Балетъ“:

Что жъ ты думаешь, Муза моя?
На конекъ ты попала обычный—
На умѣ у тебя мужики...

зой“ [1]),—союзъ, который заключила „больная совѣсть“ большого человѣка, „умѣвшаго любить“ малыхъ сихъ, а скрѣпило, кровью запечатлѣло „сердце не робкое“, „надрывавшееся отъ муки, внемля въ мірѣ царящіе звуки барабановъ, цѣпей, топора“,—сердце, кипѣвшее и исходившее „музыкой злобы“ и страстно рвавшееся къ „гармоніи жизни“, къ наслажденію ея красотой. Сравните эти двѣ пьесы Некрасова—„Утро“ и „Надрывается сердце отъ муки“, и предъ вами страшная драма писателя, который пѣлъ то, что страстно ненавидѣлъ, и страстно любилъ то, что еще не сложилось въ „гармонію жизни“, чтобы мощно и стройно отдаться въ пѣснѣ поэта. Вотъ первое стихотвореніе, которое звучитъ „музыкой злобы“:

Утро.

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Вѣрю—здѣсь не страдать мудрено.
Съ окружающей насъ нищетою
Здѣсь природа сама заодно;

Безконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрыя, сонныя галки,
Что сидятъ на вершинѣ стога;

Эта кляча съ крестьяниномъ пьянымъ,
Черезъ силу бѣгущая вскачь
Въ даль, сокрытую синимъ туманомъ,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и городъ богатый:
Тѣ же тучи по небу бѣгутъ;
Жутко нервамъ—желѣзной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребутъ.

Начинается всюду работа,
Возвѣстили пожаръ съ каланчи;

---

[1]) Поэтическій комментарій къ этому символу—стихотвореніе, записанное со словъ поэта артистомъ М. И. Писаревымъ.

Вчерашній день, часу въ шестомъ,
Зашелъ я на сѣнную:
Тамъ били дѣвушку кнутомъ,
Крестьянку молодую.
Ни звука изъ ея груди,
Лишь бичъ свисталъ, играя...
И Музѣ я сказалъ: „Гляди—
Сестра твоя родная!“

На позорную площадь кого-то
Провели—тамъ ужъ ждутъ палачи.

Проститутка домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель;
Офицеры въ наемной каретѣ
Скачутъ за городъ: будетъ дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спѣшатъ за прилавки засѣсть;
Цѣлый день имъ обмѣривать нужно,
Чтобы вечеромъ сытно поѣсть.

Чу! изъ крѣпости грянули пушки!
Наводненье столицѣ грозитъ...
Кто-то умеръ: на красной подушкѣ
Первой степени Анна лежитъ.

Дворникъ вора колотитъ—попался!
Гонятъ стадо гусей на убой;
Гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ—кто-то покончилъ съ собой...

Такъ глубоко и полно чувствовать и переживать диссонансы жизни могутъ лишь „души сильныя, любвеобильныя“, въ глубинѣ которыхъ, не переставая, звучитъ гармонія жизни, хотя и вырывается оттуда только въ исключительные моменты, такъ какъ ее заглушаетъ „шумъ иной“,—„барабановъ, цѣпей, топора“... Вотъ этотъ, весь искрящійся свѣтомъ золотымъ, весь исполненный „простора свободы“, весь переливающійся „чувствомъ жизни“, изумительно хорошо выраженный,—моментъ „гармоніи жизни“.

... люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смѣшаный шумъ;
Ты ликуешь, на мигъ не смолкая,
Какъ дитя, безъ заботы и думъ.
Въ обаяніи счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана.
Что-то шепчутъ зеленыя травы,
Говорливо струится волна;
Въ стадѣ весело ржетъ жеребенокъ,
Быкъ съ землей вырываетъ траву,
А въ лѣсу бѣлокурый ребенокъ
Чу! кричитъ: „Парасковья, ау!“
По холмамъ, по лѣсамъ, надъ долиной,
Птицы сѣвера вьются, кричатъ,
Разомъ слышны напѣвъ соловьиный
И нестройные писки галчатъ,

Грохотъ тройки, скрипѣнье подводы,
Крикъ лягушекъ, жужжаніе осъ,
Трескъ кобылокъ,—въ просторѣ свободы
Все въ гармонію жизни слилось...

Это не южныя розы, это—сѣверные цвѣты; но ихъ своеобразная, мощная красота не уступитъ нѣжной прелести южнаго цвѣтка, а природа, ихъ возраставшая, по праву можетъ стать рядомъ съ тѣмъ „краемъ, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ“...

И, конечно, наиболѣе дорогимъ и милымъ цвѣткомъ въ этомъ прекрасномъ весеннемъ вѣнкѣ—для поэта, который его завилъ,—былъ этотъ „бѣлокурый ребенокъ“, эта вѣчно-юная „мечта“ поэта, къ которой такъ страстно „прильнулъ“ онъ, которая въ весенне-золотой уборъ облекла его мать-страдалицу, родину-мать, тамъ въ дали голубой и прозрачной „свободную, гордую и счастливую“... Вспомните и другого будущаго богатыря,—Власа, которому „шестой миновалъ“, а онъ ужъ „мужикъ“. Ихъ „два человѣка всего мужиковъ-то, отецъ его да онъ“, а „семья-то большая“; вотъ онъ и „отвозитъ“ „дровишки“—„изъ лѣсу, вѣстимо: отецъ, слышишь, рубитъ“... Не забудьте, въ „сильный морозъ“, „въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ, въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ“... Переживите, какъ только можете, полнѣе и глубже это „настоящее русское“, и предъ вами откроются завѣтныя глубины души народолюбца, въ которыхъ билъ „кастальскій ключъ“, поившій этого изгнанника „въ степи мірской, печальной и безбрежной“; вы увидите тамъ „честныя мысли“, и не только увидите, онѣ сообщатся и вамъ...

На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ будто все это картонное было,
Какъ будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ!
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,
И снѣгъ, до окошекъ деревни лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь—
Все, все настоящее русское было,
Съ клеймомъ нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душѣ такъ мучительно-мило,
Что русскія мысли вселяетъ въ умы,
Тѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ воли,
Которымъ нѣтъ смерти—дави не дави,
Въ которыхъ такъ много и злобы, и боли,
Въ которыхъ такъ много любви!

Да, кто такъ любитъ, такъ научился „мужика уважать", тотъ не будетъ „робѣть за отчизну любезную" и ощутитъ въ своемъ сердцѣ могучую вѣру въ свѣтлое будущее „святорусскаго богатыря":

Вынесъ достаточно русскій народъ...
Вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ!
Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ.

Некрасовъ удивительно глубоко переживаетъ эту вѣру, и она сообщается каждому, кто не чуждъ „мечты". И, конечно, это не „романическая" вѣра,—нѣтъ она идетъ изъ той „глубины душевной", которой „много нужно", „дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія". Оттого повѣсть Некрасова о „романѣ съ народомъ" не потеряла ни своей силы, ни своего значенія. Попробуемъ же разобраться въ элементахъ этой настоящей, не романической любви.

Мы видѣли, эта любовь пошла отъ того „выражающаго укоръ, спокойно безнадежнаго взора", который еще въ дѣтствѣ врѣзался въ „больную совѣсть" Некрасова, и „горькія рыданья" „музы мести и печали"—только исполненіе „обѣтовъ юношескихъ лѣтъ". Но Некрасовъ не только „не погнушался" народа, не только „не побрезговалъ" „лохмотьями жалкой нищеты, изнеможенными чертами" его—„угрюмаго, тихаго и больного", а иногда и грязнаго и пьянаго, но и полюбилъ Якима Нагого, который до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ, и, полюбивши, понялъ своеобразную красоту народной души, и, понявши ее самъ, сумѣлъ дать понять ее и другимъ.

Да, Некрасовъ хорошо понималъ, что одного состраданія къ народу-страдальцу совершенно недостаточно, чтобы герой-рабъ сталъ героемъ-человѣкомъ.

Мы довольно похвалъ расточали
И довольно сплели мы вѣнковъ
Тѣмъ, которые намъ рисовали
Любопытную жизнь бѣдняковъ.
Гдѣ жъ плоды той работы полезной?
Увидавъ, какъ читатель иной
Льетъ надъ книгою слезы рѣкой,
Такъ и хочешь сказать: „другъ любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманныхъ книжонокъ,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтобъ, вскочивъ, накололся ребенокъ!

И ему удалось найти въ „мужикѣ“ то „вѣчно-человѣческое“, которому нѣтъ смерти, дави не дави; оно не только къ состраданію звало (и зоветъ), но и втѣснялось (и втѣсняется) въ общественное сознаніе „проникающими словами“: я—братъ твой!

И, какъ брата, Некрасовъ любитъ и уважаетъ мужика; мужикъ и онъ—несчастныя дѣти одной матери-страдалицы, матери-родины; страданія побратали ихъ. Упорный и гордый пѣвецъ увидѣлъ въ томъ, чьи страданія воспѣть онъ считалъ себя призваннымъ, чьи кости повымахались, чья душа повымоталась,—великое богатырство духа, и увѣровалъ въ него...

Въ минуты унынья, о, родина-мать,
Я мыслью впередъ улетаю,
Еще суждено тебѣ много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Былъ гуще невѣжества мракъ надъ тобой,
Удушливѣй сонъ непробудный,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски безсудной.

Давно ли народъ твой игрушкой служилъ
Позорнымъ страстямъ господина?
Потомокъ татаръ, какъ коня, выводилъ
На рынокъ раба-славянина,

И русскую дѣву влекли на позоръ,
Свирѣпствовалъ бичъ безъ боязни,
И ужасъ народа при словѣ „наборъ“
Подобенъ былъ ужасу казни?

Довольно! Оконченъ съ прошедшимъ расчетъ,
Оконченъ расчетъ съ господиномъ!
Сбирается съ силами русскій народъ
И учится быть гражданиномъ.

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты въ семействѣ покуда раба,
Но мать уже вольнаго сына!

Такъ обозначились и пути къ „счастію народному“. Вотъ они:

Господь! твори добро народу!..
Благослови *народный трудъ*,
Упрочь *народную свободу*,
Упрочь народу *правый судъ!*

Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ *жажду знанья*
И *знанью* укажи *пути!*

И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья,
Господь, Ты ввѣрилъ на Руси!

Коротко:

Доля народа,
Счастье его—
Свѣтъ и свобода
Прежде всего.

Значитъ, путь къ „счастію народному“—свободная и сознательная дѣятельность, направленная къ развитію матеріальныхъ и духовныхъ силъ „святорусскаго богатыря“. Отдѣльные этапы этого пути Некрасову представляются такъ: 1) бѣднякъ станетъ богатымъ; 2) невѣжда—образованнымъ человѣкомъ; 3) рабъ—свободнымъ. И Якимъ Нагой найдетъ этотъ путь, и пойдетъ по нему, и дойдетъ, и отдохнетъ, пусть и не близкій путь!..

Вѣритъ въ это Некрасовъ, потому что „вѣруетъ въ народъ“, въ его матеріальныя и духовныя силы, которыя и уничтожатъ въ концѣ-концовъ „поставленные предѣлы“:

„Клейменый, да не рабъ“.

Прослѣдимъ, какъ Некрасовъ мыслитъ каждый изъ этихъ моментовъ борьбы раба за свободу.

Мужикъ работы не боится: его могучею рукой, „цѣпями крученой“, „поля обширныя“ „съ весны одѣнутся, а осенью раздѣнутся“; „желѣзомъ кованыя ноги“ не знаютъ устали, все ходятъ по чернымъ бороздамъ или по снѣжнымъ сугробамъ. Есть еще сила у „богатыря могучаго“, пусть онъ и ушелъ въ землю по грудь съ натуги, поднимая „тягу страшную“. Есть силы, не погибли онѣ въ „вѣчной заботѣ“, въ многовѣковой „крестьянской страдѣ“. Нѣтъ, „работа не свалила“ мужика.

Эй! возьми меня въ работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты въ лѣто жаркое
Мнѣ пахать пески сыпучіе,
Повели ты въ зиму лютую
Вырубать лѣса дремучіе,—

Только трескъ стоялъ бы до неба,
Какъ деревья бы валилися:
Вмѣсто шапки бѣлымъ инеемъ
Волоса бы серебрилися!

А тому, кто „трудится въ будень“, „въ жизни праздникъ обезпеченъ“. Трудъ, даже въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ для его производительности, „несетъ воздаянье“: „семейство не бьется въ нуждѣ“, „всегда теплая хата“, „хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ, здоровы и сыты ребята, на праздникъ есть лишній кусокъ“.

И уже видится поэту время, когда „перестанетъ ѣсть солому... народъ“. Для Некрасова—это „подведенный итогъ дѣлу“, мудрый и смѣлый, жизненный выводъ изъ наблюденій надъ трудовой крестьянской Русью, которая хоть и ушла въ землю, поднявши тягу земную, но силъ не потеряла. Вѣдь фактически крестьянскій трудъ всегда былъ свободенъ: обдумывалъ и налаживалъ его всегда самъ мужикъ; секвестру подвергались лишь результаты труда. Оттого-то въ „тягѣ земной“ крестьянинъ всегда находилъ источникъ великихъ думъ, высокихъ чувствъ; оттого-то отъ нея пошла его скорбно-могучая, дико-прекрасная пѣсня. Посмотрите, полюбуйтесь на эту неподражаемо-дивную картину мужицкаго трудового счастія.

...жаркое лѣто,
Не вся еще рожь свезена,
Но сжата,—полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковью въ рукѣ.
Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
— Богъ помочь! А гдѣ же Гришуха?—
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
„Въ горохахъ“, сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ.
На небо взглянулъ:—Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
Бѣжитъ!.. у!.. бѣжитъ пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава!
Гришуха черёнъ, какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова.
Крича подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ),
Попотчевалъ бабушку, матку,
Сестренку,—вертится вьюномъ!
Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался, оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ.
Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, съ собой!

Спрыгнула съ мѣшка и упала.
Отецъ ее поднялъ. „Не вой!
Убилась—не важное дѣло!..
Дѣвчонокъ не надобно мнѣ.
Еще вотъ такого пострѣла
Рожай мнѣ, хозяйка, къ веснѣ!
Смотри же!.“ Жена застыдилась:
— Довольно съ тебя одного!
(А знала, подъ сердцемъ ужъ билось
Дитя)... „Ну, Машукъ, ничего!“
И Проклушка сталъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ
Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась...
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,
Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Люди они, и ничто человѣческое имъ не чуждо,—эти Проклъ и Дарья, а не рабы; и трудъ этотъ не рабій. „Удаль молодецкая“ сбережена и, значитъ, не мечта—этотъ „свободный трудъ“ крестьянина, „залогъ (его) домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Густъ еще, страшно густъ мракъ невѣжества надъ глубоконесчастной страной; мы еще до сихъ поръ—„пятно невѣжества“ на свѣтломъ фонѣ общечеловѣческой цивилизаціи; насъ еще не перестали называть варварами и все еще плохо отличаютъ (въ цѣломъ) отъ татаръ; мы все еще въ сосѣдствѣ съ Турціей. А вмѣстѣ и до сихъ поръ не перестали подавлять такъ или иначе „необузданное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, изъемлющему ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ пользы для государства“. Но этотъ мракъ „былъ гуще“, „сбирается съ силами русскій народъ и учится быть гражданиномъ“.

Некрасовъ вѣруетъ въ народъ:

Кто видывалъ, какъ слушаетъ
Своихъ захожихъ странниковъ
Крестьянская семья,
Пойметъ, что ни работаю,
Ни вѣчною заботою
Еще народу русскому
Предѣлы не поставлены:
Предъ нимъ широкій путь!
Когда измѣнятъ пахарю
Поля старозапашныя,
Клочки въ лѣсныхъ окраинахъ
Онъ пробуетъ пахать.
Работы тутъ достаточно,
Зато полоски новыя
Даютъ безъ удобренія
Обильный урожай.

Такъ почва добрая—
Душа народа русскаго...
О, сѣятель! приди!..

„Почва добрая“... Но, къ великому горю сироты-народа, все еще „старозапашныя поля“ засѣваются, а для „новыхъ полосокъ“ все еще немного пахарей, да и тѣ—гдѣ они? „Смолкли честные, доблестно павшіе, смолкли ихъ голоса, за несчастный народъ вопіявшіе“... Зато какъ много еще такихъ, которые выросли на „старозапашныхъ поляхъ“; они не вѣрятъ въ „полоски новыя“: „варвары, дикое скопище пьяницъ“,—„черства душа крестьянина“, говорятъ они; должно быть, ихъ душа очень мягка... Ихъ, разумѣется, не убѣдить, ибо давно еще сказано ими: „доводъ порядокъ въ словахъ—подлыхъ то есть дѣло, а знатнымъ полно утверждать или отрицать смѣло“. Не къ этимъ старымъ обращены и рѣчи „заступника народнаго“, а къ тѣмъ „юнымъ“, которые свободны отъ предразсудковъ и пережитковъ прошлаго и потому вѣрятъ, что „тема старая—страданія народа“—„не старѣетъ“. Ихъ, „умѣлыхъ, съ бодрыми лицами“, Некрасовъ зоветъ „сѣять разумное, доброе, вѣчное“:

Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами
Двиньте впередъ!

Имъ обѣщаетъ онъ „спасибо сердечное“ русскаго народа. Имъ, этимъ „сѣятелямъ знанья на ниву народную“, Некрасовъ скажетъ и они ему повѣрятъ, что въ губерніи Безграмотной старъ и малъ не отводятъ глазъ отъ той свѣтлой полосы знанія, что прорѣзала вѣками сбиравшійся мракъ.

Ужъ на что неказистъ Якимъ Нагой на видъ: „грудь впалая, какъ вдавленный животъ; у глазъ, у рта излучины, какъ трещины на высохшей землѣ; и самъ на землю матушку похожъ онъ: шея бурая, какъ пластъ, сохой отрѣзанный, кирпичное лицо, рука—кора древесная, а волосы—песокъ“. „Человѣкъ каменнаго вѣка, онъ привыкъ къ душнымъ потемкамъ курной и грязной избы, не мечите бисера“... говорили и говорятъ о немъ тѣ „строгіе цѣнители и судьи“, „уважать кого должны мы на безлюдьи“. А Некрасовъ увидѣлъ въ этой „гориллѣ“ человѣка, да еще какого!

Съ нимъ случай былъ: картиночекъ
Онъ сыну накупилъ,
Развѣшалъ ихъ по стѣночкамъ
И самъ не меньше мальчика
Любилъ на нихъ глядѣть.

Пришла немилость Божія—
Деревня загорѣлася—
А было у Якимушки
За цѣлый вѣкъ накоплено
Цѣлковыхъ тридцать пять;

Скорѣй бы взять цѣлковые,
А онъ сперва картиночки
Сталъ со стѣны срывать;
Жена его тѣмъ временемъ
Съ иконами возилася,
А тутъ изба и рухнула—
Такъ оплошалъ Якимъ!
Слились въ комокъ цѣлковики,
За тотъ комокъ даютъ ему
Одиннадцать рублей...
„Ой, братъ Якимъ! не дешево
Картинки обошлись!
Зато и въ избу новую
Повѣсилъ ихъ, небось?“
— Повѣсилъ—есть и новыя,—
Сказалъ Якимъ и смолкъ.

Это старъ, а вотъ малъ—дѣвочка-сиротка, Ѳеклуша,—этотъ удивительно изящный и нѣжный образъ, въ которомъ Некрасовъ воплотилъ страстную жажду свѣта въ крестьянскихъ дѣтяхъ. Предъ вами „Дядюшка Яковъ“, „сѣденькій самъ“, ѣздитъ, „продаетъ понемногу“.

Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
Онъ тебѣ все, что полюбится—на!
Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
Ѣздитъ, кричитъ то и знай:
„По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!“

„Намѣняли сластей, накупили:“ дѣвки—рожковъ, орѣховъ, малолѣтки—„пряниковъ, щукъ, окуней, китовъ, коней сусальныхъ“...

Жалко дѣвочку сиротку Ѳеклушку:
Всѣ-то жуютъ, а ты слюнки глотай...

Поторговавши сластями, „бабьимъ товаромъ“, старикъ выкрикиваетъ „новы коврижки-книжки, буквари“: „дѣткамъ наука, уменъ съ ними будешь“.

И букварей таки много купили.
„Будетъ вамъ пряниковъ, нате-ка вамъ!“
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужъ такъ старикамъ.
Книжки съ картинками, писаны четко—
То-то дойти бы, что писано тутъ!
Молча крѣпилась Ѳеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ.
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки,
Такъ на глазахъ навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина;
„Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!“
Экой старикъ! видно добрую душу!

Нѣтъ, не даромъ Некрасовъ „дѣтскаго глаза любилъ выраженье“, не даромъ изъ этихъ „внимательныхъ глазъ“—„все сѣрые, каріе, синіе глазки“ „смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты“—

шло „умиленье“ въ измученную, полную „мести и печали“, душу героя-раба: „въ нихъ столько покоя, свободы и ласки, въ нихъ столько святой доброты“. Онъ „часто видѣлъ“ крестьянскихъ дѣтей и потому „любилъ“ ихъ, эти дѣтскіе глазенки, горящіе блескомъ внутренняго огня, эти вдумчивыя, не по-дѣтски серьезныя, часто грустныя личики: потому-то онъ такъ глубоко вѣрилъ въ „добрую почву“ души народной; онъ думалъ:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то и знай,
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

Нѣтъ, не безплодна нива народная, еще совсѣмъ не поднятъ черноземъ:

...Учите-ка дѣтей!
Не бѣда, что люди голы;
Лишь бы стали поумнѣй.
Перестанетъ ѣсть солому,
Трусу праздновать народъ...

Свободный, производительный, не экспропріируемый трудъ и свѣтъ знанія въ той мѣрѣ, въ какой они изъ области мечты будутъ переходить въ русскую жизнь, будутъ повышать жизнедѣятельность и, слѣдовательно, жизнеспособность народнаго организма. Будутъ возстанавливаться матеріальныя силы народа, будетъ крѣпнуть и свѣтлѣть его мысль, и земля уже не будетъ держать его въ плѣну, и свободный, сильный, во весь ростъ выпрямившись, станетъ „святорусскій богатырь“ на землѣ. Герой-рабъ, что сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года—„не несутъ-то все, не служатъ ножки рѣзвыя“—встанетъ и бодро пойдетъ на тую ли работушку крестьянскую; но, какъ и „крестьянскій сынъ“, Илья Муромецъ, онъ не удовольствуется „крестьянствованіемъ“, онъ совершитъ рядъ подвиговъ богатырскихъ, чтобы устроить народную жизнь внутри и защитить ея интересы и нужды извнѣ,—онъ выучится быть гражданиномъ: „расправитъ свои ножки рѣзвыя“, и „понесутъ“ и „удержатъ“ онѣ его...

Гдѣ же, въ чемъ Некрасовъ видитъ основаніе для вѣры въ осуществленіе этой мечты о полномъ и совершенномъ (отъ всякихъ „крѣпей“) освобожденіи раба?

Оно прежде всего въ этомъ изумительномъ „упорствѣ", съ которымъ герой-рабъ „терпитъ" свою вѣковую страду. Это „изумляющее" терпѣніе—совсѣмъ не то, о чемъ „молятъ попы по церквамъ", это не терпѣніе холопа, которое только „досаду родитъ": „чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ, когда бъ ты менѣе терпѣлъ",—это изумительная выносливость богатыря, которому „смерть на бою не писана": бей, бей, бей, не убьешь, а удаль мою я про случай сберегу.

— Какъ вы терпѣли, дѣдушка?

„А потому терпѣли мы,
Что мы — богатыри.
Въ томъ богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужикъ—не богатырь?
И жизнь его не ратная
И смерть ему не писана
Въ бою - а богатырь!

Цѣпями руки кручены,
Желѣзомъ ноги кованы,
Спина... лѣса дремучіе
Прошли по ней—сломалися.
А грудь? Илья Пророкъ
По ней гремитъ—катается
На колесницѣ огненной...
Все терпитъ богатырь...
И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

Это богатырство народа не сразу открылось Некрасову. Вмѣстѣ съ народомъ Некрасовъ прошелъ долгій трудный путь узнанія народной правды. „Бурлакъ" 1860 г. (стих. „На Волгѣ") и „Бурлакъ" конца 1876 г. (въ „Кому на Руси жить хорошо")—двѣ крайнія стадіи въ развитіи его „жгучаго, святого безпокойства за жребій" народа. „Унылый, сумрачный бурлакъ", какимъ его Некрасовъ въ дѣтствѣ зналъ и какимъ онъ видѣлъ его въ 1860 г., въ 1876 г. ему показался уже совсѣмъ другимъ—„измученнымъ", но „съ походкой праздничной, въ рубахѣ чистой, въ карманѣ мѣдь звенитъ":

Плечами, грудью и спиной
Тянулъ онъ барку бичевой,
Полдневный зной его палилъ,
И потъ съ него ручьями лилъ,

И падалъ онъ и вновь вставалъ,
Хрипя „дубинушку“ стоналъ;
До мѣста барку дотянулъ
И богатырскимъ сномъ уснулъ,
И, въ банѣ смывъ по утру потъ,
Безпечно пристанью идетъ.
Зашиты въ поясъ три рубля;
Остаткомъ—мѣдью—шевеля,
Подумалъ мигъ, зашелъ въ кабакъ.
И молча кинулъ на верстакъ
Трудомъ добытые гроши,
И, выпивъ, крякнулъ отъ души,
Перекрестилъ на церковь грудь:
Пора и въ путь! пора и въ путь!
Онъ бодро шелъ, жевалъ калачъ,
Въ подарокъ несъ женѣ кумачъ,
Сестрѣ платокъ, а для дѣтей
Въ сусальномъ золотѣ коней.
Онъ шелъ домой—не близкій путь,
Дай Богъ дойти и отдохнуть!

И дойдетъ, и отдохнетъ, пусть и не близкій путь... И вмѣстѣ съ Гришей (ему завѣщаетъ поэтъ сложить „новую пѣсню“) ваши мысли съ бурлака „ко всей Руси загадочной, къ народу перешли“.

И долго Гриша берегомъ
Бродилъ, волнуясь, думая,
Покуда пѣсней новою
Не утолилъ натруженной
Горящей головы.

Русь.

Битву кровавую
Съ сильной державою
Царь замышлялъ.
„Хватитъ ли силушки?
Хватитъ ли золота?“
Думалъ, гадалъ.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное—
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая;
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!

Сила съ неправдою
Не уживается.
Жертва неправдою
Не вызывается—

Русь не шелохнется,
Русь—какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая—

Встали не бужены,
Вышли не прошены,

Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается
Неисчислимая
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..

„Сердце свободное“, „совѣсть спокойная“, „правда живучая“— вотъ не сгнившій въ топи рабства фундаментъ будущаго великаго зданія народной жизни.

„Повымахали косточки, повымотали душеньку, а удаль молодецкую про случай сберегли!“ Это — отвѣтъ на вопросъ, который въ минуты „унынія“ терзалъ Некрасова „жгучимъ, святымъ безпокойствомъ“:

Люблю тебя, пою твои страданья,
Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?

Онъ самъ, ибо смерть ему въ бою не писана, „удаль молодецкую про случай сберегъ“ онъ... „Зашиты въ поясъ три рубля“... Онъ дойдетъ, онъ отдохнетъ, пусть и не близкій путь...

Некрасовъ не слышалъ наяву мощныхъ и радостныхъ аккордовъ новой пѣсни. Но „не все же имъ пѣсни пѣть унылыя... Съ хорошей пѣсенки духомъ поднимаются бѣдные, забитые“... И въ полуснѣ поэтическаго очарованія, насыщеннаго яркимъ свѣтомъ не поколебленной, пусть и колебавшейся вѣры, „краше прежней пѣсенка слагалася“.

Слышалъ онъ въ груди своей силы необъятныя,
Услаждали слухъ его звуки благодатные,—
Звуки лучезарные гимна благороднаго—
Пѣлъ онъ воплощеніе счастія народнаго?

ГЛАВА III.

Муки „больной совѣсти“.

I.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная;
Вонъ изъ тѣла душа просится...

А. В. Кольцовъ.

Онъ умиралъ „въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій и въ сознаньи безсилья“—этотъ печальникъ горя народнаго; „какъ жертву на закланье“, его „влекла недуга черная рука“. „Боже, что съ нимъ сдѣлалъ недугъ!—писалъ Тургеневъ („другъ моей юности, нынѣ мой врагъ“, какъ говорилъ о немъ Некрасовъ незадолго до смерти) въ своемъ „Послѣднемъ свиданіи“:—желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой... Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ—привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли—кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась—и на съеженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя страдальческія слезинки. Сердце во мнѣ упало“...

Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются,
Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей!

„Во вторникъ, 27 декабря, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, окончились для Некрасова его тяжкія, невыносимыя муки. Онъ

умеръ послѣ тяжелой агоніи, продолжавшейся болѣе полусутокъ" [1]).

Въ этихъ мукахъ, „невыносимыхъ, кромѣшныхъ" мукахъ боль душевная едва ли не была сильнѣе физическихъ страданій. „Неутолимая тоска" порой давила его изстрадавшуюся грудь, мучила душу „мука смертная"... И ему страшно дѣлалось... Не смерти онъ страшился, нѣтъ: онъ томился тѣмъ безысходнымъ „томленіемъ духа", о которомъ еще древній говорилъ Соломонъ. „Суета суетъ, суета суетъ, все суета!.. Что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ... И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ я трудился, дѣлая ихъ: и вотъ, все—суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ".

„Воля къ жизни", желаніе, чтобы „отъ жизни краткой... какой-нибудь остался слѣдъ", — свойственно всему живому; это—могущественнѣйшій инстинктъ. Но у человѣка онъ проявляется не только зоологически:

Боюсь не смерти я, о, нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно,—

писалъ еще совсѣмъ юный Лермонтовъ. Для него „жизнь скучна, когда боренья нѣтъ":

Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя...
...Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ...

Для такихъ „сильныхъ" особенно тягостно „сознанье безсилья"; для нихъ, свѣтящихся жизнью, мучительны „сумерки души", томителенъ „межъ радостью и горемъ полусвѣтъ", когда

Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень зла въ себѣ самомъ.
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

Въ страшную минуту рокового конца, когда, „ярко вспыхнувъ, гаснетъ свѣча, и сильный сумракъ поглощаетъ предметы... пол-

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", 1877, № 334, 22 декабря. Привед. въ книгѣ А. Н. Пыпина „Н. А. Некрасовъ", стр. 276.

зетъ... и постепенно заволакиваетъ все“, въ эту ужасную минуту смерти лишь немногимъ счастливцамъ суждено спокойно и прямо смотрѣть въ лицо вопрошающей жизни, и, „въ минувшее проникнувъ“, видѣть въ немъ „дѣла“, а въ этихъ дѣлахъ—право на жизнь по смерти. „Переживаніе себя“, „переживаніе душою праха“—удѣлъ избранныхъ; имъ могила не страшна, они „спокойны душою“:

Нѣтъ, весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ...

или:

Милый другъ! Я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но зато родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ! Я умираю,
Но спокоенъ я душою
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Такихъ мало, такіе „учатъ умирать“.

Природа-мать! Когда бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни...

Некрасовъ умиралъ не спокойно:

Жизнь смѣется,—въ глаза говоритъ:
Не лелѣй никакихъ упованій,
Передъ разумомъ сердце смири,
Въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій
И въ сознаньи безсилья умри!

Онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что „переживетъ себя“, такъ какъ не былъ увѣренъ, что, „служа великимъ цѣлямъ вѣка жизнь свою *всецѣло* отдалъ на борьбу за брата-человѣка“. „Безпощадно“, въ виду приближающейся смерти, онъ вскрывалъ свои старыя раны. Черные, пугающіе призраки прошлаго рѣяли въ его болѣзненно-напряженномъ сознаніи. Онъ вспоминалъ, онъ видѣлъ:

Лукаво жизнь впередъ манила,
Какъ моря вольныя струи,
И ласково любовь сулила
Мнѣ блага лучшія свои.
Душа пугливо отступила...

И шелъ онъ „тропкой торною“ „во станъ безвредныхъ“, когда „полезнымъ“ могъ бы быть: „склонила муза ликъ печальный и, тихо зарыдавъ, ушла“...

Онъ вспоминалъ:

Въ ночи...
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,

онъ, „сынъ больной больного вѣка“, „твердо свѣточъ свой держалъ“...

Но небу не угодно было,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмахъ
Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался...

Мучительны были эти воспоминанія, безотрадны были эти видѣнія. И вотъ теперь, „идя къ закату дней“, онъ думалъ: „я умру, моя померкнетъ слава... ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ не горѣть на имени моемъ“:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Онъ терзался безотвязной думой: „горемыка-пѣвецъ“, онъ „даже вполголоса не пѣвалъ“; умирая, онъ мучился сознаніемъ, что „робко“ и невнятно пѣлъ, и не сказалъ всего, что могъ сказать, и не такъ говорилъ, какъ долженъ былъ говорить.

Онъ вспоминалъ свою „угрюмую музу“, и видѣлась она ему въ „вѣнкѣ терновомъ“, „неласковая и нелюбимая муза, печальная спутница печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда страданья и оковъ, та муза плачущая, скорбящая и болящая“, что бывало

Украдкой, блѣдная, придетъ
И шепчетъ пламенныя рѣчи
И пѣсни гордыя поетъ,
Зоветъ то въ города, то въ степи,
Завѣтнымъ умысломъ полна;
Но загремятъ внезапно цѣпи,
И мигомъ скроется она...

Обозрѣвая угасающимъ взоромъ вмѣстѣ съ „угрюмой музой“ пройденный путь, на которомъ встрѣчалъ онъ такъ много „преградъ“ и такъ „мало свободныхъ вдохновеній“, онъ видѣлъ:

Чрезъ бездны темныя Насилія и Зла,
Труда и Голода она меня вела...

То былъ тяжелый, крестный путь; здѣсь были „въ смѣшеніи безумномъ“ „расчеты мелочной и грязной суеты, и юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты, погибшая любовь, подавленныя слезы, проклятья, жалобы, безсильныя угрозы“... Тяжело было идти... И съ жгучей болью въ исколотившемся, надорваннномъ сердцѣ поэтъ долженъ былъ признаться себѣ:

Не торговалъ я лирой, но бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука...

„Жадными очами“ вглядывался умирающій въ „гнусную расейскую дѣйствительность“, и съ ужасомъ убѣждался, что нѣтъ всходовъ на той нивѣ, по которой съ такимъ трудомъ, съ такими жертвами шелъ онъ, сѣя „разумное, доброе, вѣчное“. Смотрѣлъ онъ и „на оный путь—журнальный путь,—на путь, гдѣ шагу мы не ступимъ безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей“,—„на трудъ, которымъ трудился“... „И вотъ, все суета и томленіе духа“, и нѣтъ отъ него пользы... Онъ пѣлъ „любовь и трудъ“, и, умирая, видѣлъ ихъ „подъ грудами развалинъ“: „куда ни глянь—предательство, вражда“. „Терпѣньемъ изумляющему народу“ онъ посвятилъ свою „музу мести и печали“, онъ „призванъ былъ воспѣть страданія“ тѣхъ, кто „безъ наслажденія живетъ, безъ сожалѣнья умираетъ“, сказать о „суровой долѣ“ „все выносящаго русскаго племени“, гдѣ жить значитъ платить „за крошку хлѣба каплю пота“, гдѣ „сгибнуть ничто не мѣшаетъ“, и умиралъ въ мучительно тягостномъ раздумьи надъ „тайной довольства народнаго“:

Народъ освобожденъ; но счастливъ ли народъ?
Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ...

„Иныя времена“, начало которыхъ „провидѣлъ“ писатель („Горе стараго Наума“), такъ и не пришли; „мечты“ не свершились... И казалось угасающему печальнику „труждающихся и обремененныхъ“, что „безцѣльно звучала лира“ его, и „некому будетъ жалѣть“ о немъ:

Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ...

Почему? Этотъ вопросъ былъ едва ли не самымъ тягостнымъ для Некрасова; отвѣтить на него значило отдать на судъ потомства, на судъ всѣхъ, „раненое въ самомъ началѣ жизни сердце“,

обнажить „никогда не заживавшую, не закрывавшуюся рану“, которая „и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной до мученія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ отъ насилія, отъ жестокости необузданной воли, что гнететъ нашу русскую женщину, нашего ребенка въ русской семьѣ, нашего простолюдина въ горькой такъ часто долѣ его“.

Но, видно, не даромъ „родимая“ „видалась“ съ „погибающимъ сыномъ“ своимъ; видно, не даромъ „волею твердою“ „укрѣпляла“ въ немъ „силу свободную, гордую“, что въ его грудь „заложила“; видно, не даромъ она—„чистѣйшей любви божество“—учила его „не робѣть передъ правдой-царицей“... „Какъ то одинъ литераторъ спросилъ у Л. Н. Толстого, ясенъ ли для него Некрасовъ, какъ личность. „О, вполнѣ,—отвѣтилъ Л. Н.—Онъ мнѣ очень нравился за свою прямоту и отсутствіе въ немъ какого бы то ни было лицемѣрія. Всегда онъ прямо и открыто говорилъ о своихъ дѣлахъ и чувствахъ. Иногда въ его словахъ проскальзывалъ скорѣе нѣкоторый цинизмъ, нежели сентиментальность“. „Если кому-нибудь изъ его знакомыхъ,—говоритъ о Некрасовѣ Н. Г. Чернышевскій,—не ясно было, почему онъ поступалъ такъ, а не иначе въ какомъ-нибудь случаѣ, то надобно было только спросить у него, почему онъ поступилъ такъ, и онъ отвѣчалъ прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда бъ уклонился (онъ) отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ,—ни одного такого случая не было, не то что лишь въ разговорахъ его со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный“ [1]). Не уклонился онъ отъ объясненія и по этому вопросу и, какъ ни больно ему было, „горькой правды“ не скрылъ и „робко голову склонилъ при словѣ: честный гражданинъ“:

Народъ! Народъ! мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ,—плохой я гражданинъ...

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ;
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой;

---

[1]) См. назв. соч. Пыпина, стр. 245.

И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона!

„Мучитъ душу мука смертная“... Страшнымъ призракомъ стояла предъ умирающимъ „людская злоба“ и пугала его „больную совѣсть“: „увеличитъ во сто кратъ мои вины людская злоба“.

Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!.. Но родина молчитъ...

II.

„Человѣкъ онъ былъ“...

Тридцать лѣтъ прошло... „Человѣка давно нѣтъ,—говоритъ А. Н. Пыпинъ [1]);—осталось одно дѣло писателя, одинъ умственный и поэтическій трудъ,—то и другое было во всякомъ случаѣ явленіемъ не совершенно обыкновеннымъ... Естественно было разъяснить именно эту сторону лица, біографіи и литературнаго наслѣдія“, ту самую, о которой говоритъ „неизвѣстный другъ“, приславшій Некрасову стихотвореніе въ тѣ ужасные дни, когда „отпрянули въ смущеньи‚ стоявшія безсмѣнно“ передъ нимъ „великія страдальческія тѣни“ и „кричали безличные: ликуемъ! спѣша въ объятья къ новому рабу и пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ несчастнаго къ позорному столбу“... „Неизвѣстный другъ“, сказавши о томъ, что говорили [2]) „ликующіе враги“, спрашивалъ:

---

[1]) Назв. соч., стр. 6.

[2]) Мнѣ говорятъ: твой чудный голосъ—ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою
И словомъ лишь къ добру толпу влечешь,
А самъ, какъ змѣй, смѣешься надъ толпою.
Но ихъ рѣчамъ меня не убѣдить:
Иное мнѣ твой взглядъ сказалъ невольно;
Повѣрить имъ мнѣ было бъ горько, больно...
Не можетъ быть.
Мнѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
Что лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень,
Что ты жестокъ, что стихъ твой весь любовь,
А сердце холодно, какъ камень!
Но отчего жъ весь міръ... и т. д.

Ср. слова Полонскаго „О Н. А. Некрасовѣ“, въ которомъ онъ видитъ „вѣщаго пѣвца страданій и труда“:

... пускай кричитъ молва,
Что это были все слова, слова, слова,
Что онъ лишь тѣшился порой

„Но отчего жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!“

И однако, „слишкомъ многіе изъ тѣхъ, кто писали и говорили въ „некрасовскіе дни“, останавливались, напротивъ, съ особеннымъ, какъ будто злораднымъ, усердіемъ именно на темныхъ, отрицательныхъ сторонахъ лица и біографіи“ [1]).

Съ тѣхъ поръ прошло еще пять лѣтъ, а все еще не улеглась „людская злоба“, все еще есть охотники [2]) „добивать“ того, кто говорилъ о себѣ когда-то:

„Не мудрено того добить,
Кого ужъ добивать не надо“;

Литературною игрою козырной,
Что съ юныхъ лѣтъ его грызетъ
То зависть жгучая, то ледяной расчетъ.

Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой;
Ей нипочемъ сказать уму:
За то, что ты свѣтилъ, иди скорѣй во тьму...
Молва и слава—два врага;
Молва мнѣ не судья и я ей не слуга.

[1]) Пыпинъ, ibid.

[2]) Я имѣю въ виду книгу г. Гутьяра „И. С. Тургеневъ“, Юрьевъ, 1907, а въ ней гл. X: „И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ“. Приводя только „свидѣтелей обвиненія“, не слушая обвиняемаго и его защиту, г. Гутьяръ является собою „неумолимаго“ прокурора, понимая это слово въ смыслѣ „обвинитель“, хотя, въ сущности, и эта роль ему не всегда по плечу, и онъ сбивается иногда на обывателя, „перемывающаго косточки“, который съ высоты своего „довольства“ „развѣнчиваетъ“ авторитеты (досталось въ его книгѣ и тому, кого самъ Тургеневъ назвалъ „великимъ писателемъ земли русской“). Его защита Тургенева оскорбительна для памяти прежде всего самого Тургенева. Вѣдь они примирились: „смерть примирила“ ихъ. Передъ ея испытующимъ лицомъ съ „глубокими, блѣдными глазами“, съ „блѣдными, строгими губами“ Тургеневъ не могъ обвинить въ происшедшемъ разрывѣ одного Некрасова: „мы были когда-то короткими, близкими друзьями... Но *насталъ недобрый мигъ—и мы разстались какъ враги*“ (курсивъ мой). Вотъ что разсказываетъ объ этомъ „послѣднемъ свиданіи“ Тургенева съ Некрасовымъ Н. К. Михайловскій. Некрасовъ въ долгіе дни своей послѣдней болѣзни „получалъ со всѣхъ концовъ Россіи множество писемъ, адресовъ, телеграммъ отъ почитателей, скорбѣвшихъ о тяжкихъ страданіяхъ любимаго поэта. Посѣщали его, конечно, главнымъ образомъ, литераторы. Посѣтилъ его и Тургеневъ, когда-то закадычный другъ, а потомъ врагъ, много несправедливаго о немъ сказавшій и отрицавшій даже его поэтическій талантъ. Это посѣщеніе,

все еще „есть (говоря словами Н. К. Михайловскаго) неумолимые, которые не прощаютъ и непремѣнно желаютъ развѣнчать Некрасова. Должно быть, ихъ собственная совѣсть чиста, какъ зеркало, въ которое они могутъ спокойно любоваться на свои добродѣтели и гражданскіе подвиги. Должно быть, ихъ головы увѣнчаны безспорными лаврами". Они, эти „строгіе цѣнители и судьи", „всѣхъ мѣряя на собственный аршинъ, въ чужой душѣ читаютъ ясно". Въ ихъ грубомъ обращеніи съ человѣческой душой не видно той осторожности, какой она достойна; они не знаютъ (или забыли) мудрыхъ словъ: „кто знаетъ изъ людей, что въ человѣкѣ—только духъ человѣка, живущій въ немъ". Еще въ началѣ своего поприща Некрасовъ видѣлъ этихъ враговъ своихъ — „друзей спокойнаго искусства", „сплетающихъ хвалы" „незлобивому поэту", который „чуждъ сомнѣнія въ себѣ — сей пытки творческаго духа", который любитъ „безпечность и покой, гнушаясь дерзкою сатирой". Такихъ „не гонятъ, не злословятъ, и современники ему при жизни памятникъ готовятъ".

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря, и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,

послѣ многихъ лѣтъ враждебныхъ отношеній и разлуки, окончательно убѣдило бы страдальца въ близости конца, если бы онъ и безъ того не былъ въ этомъ увѣренъ. Я не присутствовалъ при этомъ свиданьи. Говорили послѣ, что оба бывшіе друга молча прослезились"... („Литературныя воспоминанія и современная смута", т. 1, стр. 84).

Зачѣмъ же г. Гутьяръ обвиняетъ одного Некрасова, оправдываетъ одного Тургенева? Какое право онъ имѣетъ выступать въ роли судьи, когда самъ Тургеневъ не судитъ? Зачѣмъ ему понадобилось поднимать эту тяжбу—печальный эпизодъ въ жизни обоихъ писателей, если они сами не хотѣли дѣлать ее достояніемъ потомства? Зачѣмъ? — вѣдь смерть *навсегда* примирила ихъ.

Книга г. Гутьяра уже нашла надлежащую оцѣнку. Люди „разныхъ лагерей" не разошлись во взглядахъ на эту книгу и осудили этотъ судъ, „равно лишенный и любви и пониманія" („Вѣстникъ Европы", ноябрь, 1907),—судъ человѣка, который „даже не желалъ быть безпристрастнымъ и хоть немного справедливымъ" („Современный Міръ", декабрь, 1907).

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ, ненавидя!

Но и у трупа, и надъ свѣжей могилой, и надъ почернѣвшей могильной плитой—слышались и слышатся „хулы“, „крики озлобленья“ „враговъ суровыхъ“. Стихи его „карающей лиры“ все еще „жгутся“, и тѣ, кто не загорается ихъ огнемъ, а обжигается о нихъ, какъ и прежде, „готовы клеймить“ „обличителя“.

Не будемъ говорить о нихъ: скорбная годовщина смерти и похоронъ—не подходящее время для счетовъ: человѣкъ онъ былъ, и ничто человѣческое не было ему чуждо. Errare humanum est. „Выяснить все огромное значенiе „музы мести и печали“ для самой русской жизни,—говоритъ Л. Мельшинъ [1],—сможетъ лишь болѣе или менѣе отдаленная исторiя; она же произнесетъ и окончательный приговоръ Некрасову, какъ человѣку и гражданину“. „Неизвѣстные друзья“ писателя, справляя по немъ печальную тризну, найдутъ глубокое нравственное удовлетворенiе въ бесѣдѣ о немъ съ тѣми,—увы, тоже мертвыми—друзьями покойнаго, которые близко его знали и, что особенно дорого, sine ira et studio пересказали свои личныя воспоминанiя. Я имѣю въ виду А. Н. Пыпина и Н. Г. Чернышевскаго.

Книгѣ А. Н. Пыпина „Н. А. Некрасовъ“ чуждо „то восторженное (хотя бы въ иномъ преувеличенное) отношенiе къ Некрасову, которое отвѣчало увлеченiямъ стараго времени“ [2]; зато она даетъ безпристрастное и всестороннее обоснованiе того общаго начала для сужденiй о Некрасовѣ, которое несомнѣнно введетъ этотъ „давнишнiй, старый споръ“ въ русло „исторической оцѣнки“ и, слѣд., положитъ конецъ „ликованiю враговъ“. „Въ первые годы знакомства,—говоритъ А. Н. [3],—сложились мои представленiя о Некрасовѣ; потомъ они мало измѣнились. *Многое въ этомъ характерѣ не давало нравственнаго удовлетворенiя, но, въ общемъ счетѣ и по силѣ благопрiятныхъ впечатлѣнiй, въ моихъ впечатлѣнiяхъ скорѣе преобладали и преобладаютъ симпатiи*“ (курсивъ мой). Къ тому же „общему счету“ сводятся впечатлѣнiя отъ Некрасова и другого „современника, который близко зналъ Некрасова“,—Н. Г. Чернышевскаго: „*Онъ былъ*

---

[1]) „Очерки русской поэзiи“, стр. 141.
[2]) Стр. 6.
[3]) Стр. 7.

хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности эти слабости не были нимало загадочными сами по себѣ; не было ничего загадочнаго и въ томъ, почему онѣ развились въ немъ: общеизвѣстные факты его жизни очень отчетливо объясняютъ это“ [1]).

Въ разъясненіе этого отзыва о Некрасовѣ позволю себѣ привести выдержку изъ письма его къ Тургеневу (отъ 27 іюля 1857 г.). Убѣждая Тургенева „поскорѣе воротиться домой (въ Россію) и жить спокойнѣе“, Некрасовъ пишетъ: „Здѣсь ждетъ тебя жизнь сѣренькая, но ты ужъ ее хорошо знаешь и сумѣешь, какъ и встарь, брать съ нея лучшее. А надо правду сказать, какое бы унылое впечатлѣніе ни производила Европа, стоитъ воротиться, чтобы начать думать о ней съ уваженіемъ и отрадой. Сѣро, сѣро! глупо, дико, глухо и почти безнадежно! И все-таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ „родныхъ полей“ и русскаго мужика. Вотъ тебѣ стихи, которые я сложилъ вскорѣ по пріѣздѣ:

Въ столицѣ шумъ—гремятъ витіи,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Что тамъ? Богъ знаетъ... не поймешь!
Надъ всей равниной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ...

Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянь,—дрянью кажется и все прочее, и самая жизнь,—дрянью, о которой не стоитъ много думать“ [2]).

Въ послѣднихъ словахъ намѣчается глубокая жизненная драма. Узелъ ея завязывается самой жизнью, въ которой уживались рядомъ „идеальное“ и „дрянь“, „хорошее“ и „обыкновенное“; но лишь для немногихъ былъ ясенъ весь ужасъ этихъ

[1]) Назв. соч. Пыпина, стр. 244.
[2]) Пыпинъ, назв. соч., стр. 179.

„запутанностей",—для тѣхъ, кто не могъ не думать о жизни размышляя о ней, какая она дрянь, не оставался равнодушнь къ тому „неизгладимому слѣду", который и въ немъ само оставили „года гнетущихъ впечатлѣній", „навѣки поселивши душѣ привычки робкой тишины". Здѣсь начало и источни того „рокового", что превращаетъ жизнь почти всѣхъ лучш русскихъ писателей въ „мильонъ терзаній". „Писатель,—го рилъ Гоголь,—если только онъ одаренъ творческою силою здавать собственные образы, воспитайся прежде какъ челов и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за пе Это—люди чуткой, требовательной совѣсти, и потому для н особенно тягостна жизнь, „въ сердцѣ бьющая могучею вол и въ грани узкія втѣсненная судьбой". Если съ этой точки з нія,—а она единственно правильная,—объяснять жизненную др Некрасова, то получатъ особенный смыслъ его слова о Гог въ одномъ изъ писемъ къ Тургеневу [1]): „Вотъ честный-то с своей земли! Больно подумать, что частныя уродливости э характера для многихъ служатъ помѣхою оцѣнить этого ч вѣка, который писалъ не то, что могло бы болѣе нравитьс даже не то, что было легче для его таланта, а добивался пи то, что считалъ полезнѣйшимъ для своего отечества. И лож этой борьбѣ, и талантъ, положимъ, свой во многомъ изнас валъ, но каково самоотверженіе! Какъ ни озлобляетъ прот Гоголя все, что намъ извѣстно изъ закулиснаго и даже кое изъ его печатнаго, а все-таки въ результатѣ это благородна въ русскомъ мірѣ самая гуманная личность—надо желать, чт по стопамъ его шли молодые писатели въ Россіи".

Это пожеланіе открываетъ „родную страну" Некрасова, которую долженъ пойти тотъ, кто хочетъ понять поэта. Ее т опредѣляетъ Л. Мельшинъ [2]). „Некрасовъ,—говоритъ онъ,— всей глубинѣ и искренности своей любви къ народу, при вс несравненномъ знаніи народной жизни и психики..., никогда сущности не переставалъ чувствовать себя бариномъ-инте гентомъ, находящимся въ неоплатномъ долгу передъ народом Эта черта, которую Успенскій назвалъ „больной совѣсть болѣе приближала Некрасова къ поколѣнію младшему, неж старшему. Герой-рабъ, не чуждый порой самой трезвой и д черствой положительности, умѣлъ въ то же время до стра

---

[1]) Пыпинъ, назв. соч., стр. 187.

[2]) „Очерки русской поэзіи", стр. 141.

до злобы ненавидѣть эту свою положительность, и болѣе „тяжкой работы совѣсти“, чѣмъ его скорбно покаянныя пѣсни, вплоть до 70-хъ годовъ, русская литература не знала. Въ глазахъ юныхъ современниковъ Некрасова покаянная нота его поэзіи была не недостаткомъ „величія“ въ характерѣ поэта, а, напротивъ, лучшимъ правомъ его на безсмертіе“.

Да, Некрасовъ былъ „честнымъ сыномъ своей земли“, потому что сумѣлъ въ душѣ свей спасти любовь къ странѣ своей родной, къ той родинѣ-матери, „грѣхами которой онъ самъ заразился и для просвѣтленія которой сдѣлалъ такъ много“. И за то, что онъ возлюбилъ много, ему простится много. Въ одну изъ самыхъ тяжкихъ минутъ своей жизни, прося у родины прощенья, онъ говорилъ:

За каплю крови общую съ народомъ
Прости меня, о, родина! прости!..

За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о, родина! прости!

Онъ искупилъ свои „вины“; онъ выстрадалъ себѣ прощенье. „Прямо жутко и страшно было слушать,—вспоминаетъ Н. К. Михайловскій [1]),—эти обрывистыя, затрудненныя откровенныя рѣчи, когда Некрасовъ умиралъ. Умиралъ онъ долго и мучительно; несмотря на все свое самообладаніе, временами стоналъ, прямо кричалъ и плакалъ. Но въ свѣтлые промежутки неустанно думалъ и говорилъ о литературѣ. Поводовъ для этого было много. Онъ самъ писалъ или диктовалъ послѣднія изъ своихъ „послѣднихъ пѣсенъ“... Въ такомъ-то состояніи умирающій, худой какъ скелетъ, Некрасовъ и со мной, и со многими другими заводилъ свои затрудненныя, оправдательно-покаянныя рѣчи, перемежаемыя еще вдобавокъ стонами и криками. Очевидно было страстное желаніе выложить всю душу, уже еле державшуюся въ больномъ, изможденномъ тѣлѣ; страстное, послѣднее въ жизни желаніе раскрыть тайну жизни, можетъ быть даже не намъ, слушателямъ этой единственной въ своемъ родѣ исповѣди, а самому себѣ. Но умирающій не находилъ словъ для выраженія „той казни мучительной, которую въ сердцѣ носилъ“. Онъ то хватался за какой-нибудь отдѣльный эпизодъ своей жизни, то пробовалъ подвести ей общій итогъ, запинался и опять начиналъ. Въ сравненіи съ этой страшною сценой—ничто, дѣтскія игрушки

[1]) „Литературн. воспом. и соврем. смута“, т. 1, стр. 84—85.

тѣ щеголеватыя публичныя исповѣди, авторы которыхъ самодовольно заявляютъ, что они отрясли прахъ прошлаго отъ ногъ своихъ и достигли высшей степени нравственнаго сознанія. Некрасовъ чувствовалъ и понималъ, что въ его прошломъ есть большая заслуга, отъ которой отрекаться не приходится. Но она трагически-фатально забрызгалась грязью, и предъ зіяющею пропастью смерти Некрасовъ не могъ ни другимъ разсказать, ни себѣ уяснить эту смѣсь добра и зла. Онъ старался, не могъ и мучился... Дѣло происходило въ той самой комнатѣ, въ которой поэтъ вспоминалъ своихъ „унесенныхъ борьбой" друзей:

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнъ
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ...

Я не видалъ болѣе тяжкой работы совѣсти, да не дай Богъ и видѣть. А между тѣмъ такъ ли уже, въ самомъ дѣлѣ, велики вины Некрасова? И не искуплены ли онѣ благою стороной его дѣятельности и этою страшною, несказанною мукой совѣсти?"

Такъ оправдались слова „безконечно-трогательной молитвы-жалобы". Онъ, котораго давила и порою гнула тяжесть жизни среди „ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови"; онъ, котораго „душѣ мечтательно-пугливой" не было дано „рѣшимости бороться" въ „станѣ погибающихъ за великое дѣло любви",—онъ „смертью доказалъ",

Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

„Смерть примирила..." „Передъ ночью непробудной" онъ не остался одинъ... Та „казнь мучительная", которую онъ „въ сердцѣ носилъ", дала „любовь и миръ" его душѣ „страдающей и бурной". И эта дивная гармонія съ людьми и Богомъ примирившейся совѣсти нашла себѣ изумительно человѣчное выраженіе въ „голосѣ чудномъ", „голосѣ матери родномъ":

Пора съ полуденнаго зноя,
Пора, пора подъ сѣнь покоя;

Усни, усни, касатикъ мой!
Прими трудовъ вѣнецъ желанный!
Ужъ ты не рабъ—ты царь вѣнчанный,
Ничто не властно надъ тобой!..

Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;
Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый:
Ты заплатилъ ей дань живой...

Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...

Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...
Баю-баю-баю-баю!..

ГЛАВА IV.

У „великой могилы“.

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ...

Тридцать лѣтъ тому назадъ, 30 декабря 1877 года, хоронили Николая Алексѣевича Некрасова. „День былъ ясный, но чрезвычайно морозный,—разсказываетъ очевидецъ.—Громадная толпа самаго пестраго народа сгруппировалась съ ранняго утра около квартиры, въ которой болѣе 20 лѣтъ жилъ Некрасовъ. Молча, спокойно, съ соблюденіемъ должной торжественности, ожидала публика гроба на улицѣ, около самаго подъѣзда. Ровно въ 9 часовъ толпа *молодыхъ* людей вынесла гробъ на рукахъ. Впереди гроба несли вѣнки съ девизами изъ стиховъ покойнаго, и процессія двинулась по Литейной къ Загородному проспекту. *Громадная масса народа*, скучившаяся вначалѣ на одномъ мѣстѣ, стала постепенно растягиваться и, по мѣрѣ движенія процессіи, раздѣлилась на двѣ главныя группы. *Во главѣ процессіи шла молодежь*, сзади гроба двигалась толпа изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ нашего общества. Въ передовой группѣ молодежи можно было видѣть *представителей почти всѣхъ учебныхъ заведеній*: студентовъ университета, медицинской академіи и другихъ спеціальныхъ заведеній и воспитанницъ женскихъ курсовъ и гимназій. *Молодежь, схватившись за руки образовала цѣпь* четыреугольникомъ. *Въ серединѣ этой цѣпи впереди другихъ шли двѣ крестьянки* въ полушубкахъ и несли небольшой *вѣнокъ изъ зелени* съ надписью: „Отъ русскихъ женщинъ“, высоко поднявъ его надъ головою. По временамъ ихъ смѣняли другія женщины. За ними *слѣдовали студенты и воспитанницы съ громадными вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ*. На одномъ вѣнкѣ была надпись: „Слава печальнику горя народнаго“, на другомъ: „Некрасову студен-

ты", на третьемъ: „Безсмертному пѣвцу Некрасову", и на четвертомъ: „Некрасову сотрудники". Сейчасъ же сзади цѣпи шелъ *хоръ студентовъ, пѣвшихъ не переставая вплоть до могилы* молитвы и духовныя пѣсни. По обѣимъ сторонамъ этой группы ѣхало по одному жандарму. Затѣмъ шелъ священникъ съ діаконами, и, наконецъ, *та же молодежь несла гробъ*, постоянно смѣняя другъ друга. Сзади гроба двигалась толпа, состоявшая, кажется, изъ всѣхъ находящихся въ Петербургѣ литераторовъ, артистовъ и художниковъ, адвокатовъ, профессоровъ и пр." [1]).

Не правда ли, эта „своеобразная картина" производитъ впечатлѣніе величественнаго символа: „у гробового входа младая будетъ жизнь играть..."

Встали—не бужены,
Вышли—не прошены...

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!

Думается, и теперь, 30 лѣтъ спустя, толпа, окружающая Некрасова, мало измѣнилась въ своемъ составѣ и даже расположеніи: впереди молодежь, въ которой идутъ и тѣ, кому посвящены мечтанія поэта. Все еще мало ихъ, „лапотниковъ", но съ каждымъ годомъ все больше, и, прежде одинокіе, теперь они смыкаются въ ряды, которые становятся все гуще. Сзади неопредѣленная толпа, въ которой преобладаютъ разночинцы-интеллигенты.

Попробуемъ разобраться въ сложномъ настроеніи этой толпы „неизвѣстныхъ друзей".

Что влекло и влечетъ къ Некрасову молодежь? „Когда по окончаніи Крымской войны,—говоритъ Л. Мельшинъ [2]),—всѣмъ стало ясно, что итти дальше по пути мрака и застоя Россія не

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости", 1877 г., № 336, 31 декабря. Привед. у Пыпина, назв. соч., стр. 280—281. Курсивъ вездѣ мой.

[2]) „Очерки русской поэзіи", стр. 167.

можетъ, не рискуя своимъ историческимъ существованіемъ, общество русское вдругъ поняло, что есть *нѣкто*, чьи интересы въ тысячу разъ важнѣе для блага и счастія родины, чѣмъ интересы небольшой своекорыстной кучки дворянъ. То былъ великій исторический моментъ... Могучая общественная волна подняла и Некрасова; въ поэзіи его, болѣе свободно звучавшей теперь, чѣмъ въ сороковые годы, появились новыя—то гнѣвныя, то восторженныя ноты...—Одно за другимъ стали выходить въ свѣтъ наиболѣе сильныя и характерныя его произведенія". Этимъ произведеніямъ, по словамъ Л. Мельшина, принадлежитъ „видная роль" „въ возникновеніи и развитіи того замѣчательнаго идеалистическаго движенія въ нашей литературѣ, которое извѣстно подъ именемъ народничества. Не даромъ такъ любилъ Некрасова одинъ изъ главныхъ его представителей—Г. И. Успенскій" [1]).

Чтобы ближе опредѣлить ферменты этого движенія, я приведу небольшую выдержку изъ одного некролога, набросаннаго подъ живымъ впечатлѣніемъ „скорбнаго извѣстія". „Молодое поколѣніе,—говорилось въ немъ,—прежде всего запоминало стихи Некрасова и по нимъ училось сочувствовать народному горю и сознавать свои гражданскія къ народу обязанности... Выступая на поприще своего гражданскаго служенія, поэтъ, оглядываясь вокругъ себя, имѣлъ полное право сказать глубоко выстраданныя слова:

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Мысли чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.

Это-то зерно человѣческой мысли и насаждалъ Некрасовъ всею своею литературною дѣятельностью". [2]).

Къ глубокой скорби лучшихъ сыновъ Россіи, все еще не перестала быть „страна родная" для нихъ „постоялымъ дворомъ"; все еще „тянетъ пѣсенку" свою, хотя и „черезъ силу", та „нянюшка", что „у двора у постоялаго... сидитъ":

„Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.
Сила ломитъ и соломушку,—
Поклонись пониже ей..."

---

[1]) Ibid.

[2]) „Бирж. Вѣдом.", 1877, № 334, см. у Пыпина назв. соч., стр. 276—277.

И пока будетъ звучать эта „пѣсня безобразная", пока будетъ „катиться шутя жизнь привольная и праздная" тѣхъ, „кому на Руси жить хорошо", насчетъ „суровой доли" „убогаго и темнаго родного уголка", „гдѣ трудно дышится, гдѣ горе слышится",— до тѣхъ поръ не перестанетъ отдаваться въ чуткихъ молодыхъ сердцахъ „пѣсня Еремушкѣ":

Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.

Съ ними ты рожденъ природою,
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Равенствомъ, Свободою
Называются они.

Возлюби ихъ! На служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей:

Необузданную, дикую
Къ угнетателямъ вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.

Съ этой ненавистью правою,
Съ этой вѣрою святой
Надъ неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой...

„Выучи наизусть и вели всѣмъ, кого знаешь, выучить пѣсню Еремушкѣ Некрасова,—писалъ Добролюбовъ своему пріятелю, И. И. Бордюгову.—Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но *идутъ прямо къ молодому сердцу, не совсѣмъ еще погрязшему въ тинѣ пошлости*" [1]). Вотъ гдѣ, по свидѣтельству одного изъ самыхъ „честныхъ", неумирающее начало того „живого, кровнаго союза" между писателемъ и „честными сердцами", о которомъ говорилъ умирающій Некрасовъ.

Все еще „средь міра дольняго для сердца вольнаго есть два пути" и, пока они будутъ, не потеряетъ своей силы „святая пѣсня" поэта, его вдохновенный и вдохновляющій призывъ—„взвѣсить силу гордую, взвѣсить волю твердую—какимъ итти".

Одна просторная
Дорога—торная...
Страстей раба,

---

[1]) Добролюбовъ говоритъ далѣе: „Боже мой, сколько великолѣпныхъ вещей могъ бы написать Некрасовъ, если бы его не давила цензура". И, чтобы показать, въ какую сторону гнула цензура „тягучій стихъ" Некрасова, Добролюбовъ исправляетъ „опечатки": напечатано „истиной", надо читать „равенствомъ", напечатано „къ лютой подлости", надо читать „къ угнетателямъ". См. „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова", т. I, стр. 534. Мною выдержка взята у проф. Д Н. Овсянико-Куликовскаго: „Исторія русской интеллигенціи", М., 1906, ч. I, стр. 382.

По ней громадная,
Къ соблазну жадная,
Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли выспренней
Тамъ мысль смѣшна;
Кипитъ тамъ вѣчная
Безчеловѣчная
Вражда—война
За блага бренныя;
Тамъ души плѣнныя
Полны грѣха;
На видъ блестящая,
Тамъ жизнь мертвящая
Къ добру глуха..
Другая тѣсная,
Дорога честная.
По ней идутъ
Лишь души сильныя,
Любвеобильныя
На бой, на трудъ
За угнетеннаго,
За обойденнаго...
Умножь ихъ кругъ,
Иди къ униженнымъ
Иди къ обиженнымъ
И будь имъ другъ! [1])

Эти „святыя пѣсни“ „идутъ прямо къ молодому сердцу, еще не погрязшему въ тинѣ пошлости“. Такъ говорилъ о Некрасовѣ „праведникъ“, который умиралъ, „спокойный душою“, „оттого что былъ честенъ“. Ему мы не можемъ не вѣрить. Similia similibus, слѣдовательно, такія пѣсни могли выйти лишь изъ „молодого сердца, еще не погрязшаго въ тинѣ пошлости“, пусть и „прилипала“ къ нему порой „дрянь“ жизни. Вотъ за что любило, любитъ и будетъ любить Некрасова „племя молодое“...

Не случайно собралась у могилы Некрасова и разночинная интеллигенція: въ томъ „глубокомъ страданіи“, отпечатокъ котораго, по словамъ очевидца, лежалъ на почившемъ, было что-то „преклоняющее на жалость“ и „пронзающее“ всякаго, кто, „черствѣя съ каждымъ годомъ“, умѣлъ въ душѣ своей спасти любовь къ странѣ своей родной. Въ этомъ безмолвномъ страданіи слышалась мольба о состраданіи: „Я братъ твой“...

---

[1]) Этотъ варіантъ „пѣсни“ взятъ мною изъ книги Л. Мельшина „Очерки русской поэзіи“, стр 190.

...не забудь,
Кто выдержалъ то время роковое,
Есть отъ чего тому и отдохнуть.
Богъ нá помочь! Бросайся прямо въ пламя
И погибай!
Но кто твое держалъ когда-то знамя,
Тѣхъ не пятнай!

„Будь Некрасовъ человѣкъ въ моральномъ отношеніи обыкновенный,—говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій,—онъ не испытывалъ [бы тѣхъ ужасныхъ терзаній совѣсти, о которыхъ свидѣтельствуетъ Михайловскій. Мало того: въ его поэтическомъ наслѣдіи недоставало бы тогда какъ разъ самаго главнаго—его „покаянной поэзіи", т.-е. его лучшихъ созданій („Рыцарь на часъ" и др.), которыя навсегда останутся въ нашей литературѣ. Но и это еще не все: не будь Некрасовъ натурою моральною и человѣкомъ великихъ мученій совѣсти и великаго покаянія, онъ не былъ бы поэтомъ народничества, народнаго горя, и онъ, этотъ „моральный грѣшникъ", не посвятилъ бы своихъ силъ и дарованій служенію высокимъ идеаламъ, которымъ беззавѣтно отдали жизнь свою Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, эти праведники, творившіе мораль, донынѣ насъ животворящую" [1]).

Думается, я не буду неправъ, если скажу, что „въ наши великіе трудные дни" покаянныя пѣсни Некрасова получаютъ особую силу; онѣ „зовутъ, и рыдаютъ, и хватаютъ за сердце"; „укоръ и поученье въ нихъ", гнѣвомъ и скорбью втѣсняются онѣ въ сознаніе русскаго интеллигента, и властно требуютъ, чтобы онъ „сурово совѣсть допросилъ". Будемъ искренни. Развѣ „недавнее время", „благодатное время надеждъ" не стало и для насъ уже прошедшимъ?

Приводя наше прошлое въ ясность,
Проклиная безправье, безгласность,
Произволъ и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча...

... Но гдѣ же ты, сила?

Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось,
Все лучъ блѣднаго утра спугнулъ
И насмѣшливый внутренній голосъ
Злую пѣсню свою затянулъ:
„Покорись—о, ничтожное племя!—
Неизбѣжной и горькой судьбѣ;
Захватило васъ трудное время

---

[1]) „Исторія русской интеллигенціи", ч I, стр. 387.

Неготовыми къ трудной борьбѣ...
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно;
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано...

„Рыцарь на часъ“... Вотъ это „пронзающее“ и вмѣстѣ „преклоняющее на жалость“... Въ этой „безконечно-трогательной жалобѣ-молитвѣ“ „погибающаго сына“ къ „родимой“—и безпощадный судъ, мучительная казнь, и страшные стоны изстрадавшейся души, и горячая мольба о прощеніи, и громкій крикъ о помощи, и вдохновенно торжественныя увѣренія...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!...
Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно-свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты Музу мою;
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

„Рыцарь на часъ“... эти огненныя слова „жгутъ сердце“ всякому, кто „по дорогѣ тернистой“ „разучился ходить“ и „погрузился въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей“, но въ комъ „душа очерствѣть“ и „сердце остынуть“ еще не успѣли, кто еще умѣетъ молиться „Богу добра и любви“,

Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
... Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ...

„Рыцарь на часъ“... Невольно поднимается въ памяти этотъ „печальный образъ“ и въ его укоризненно-скорбномъ взглядѣ, какимъ онъ смотритъ на насъ, „одинокихъ, потерянныхъ“, „подъ берегами вёдро прождавшихъ“,—въ этомъ взглядѣ есть что-то „рѣжущее глаза“, какъ будто онъ хочетъ сказать: „Да я ли одинъ? Смотри: Михайловъ, Петровъ, Семеновъ, Алексѣевъ, Степановъ... не пересчитаешь: наше имя легіонъ!..“

„Какая странная судьба этого изумительнаго стихотворенія Некрасова,—говоритъ Михайловскій о „Рыцарѣ на часъ“,—которое, если бы онъ даже ни одной строки больше не написалъ, обезпечило бы ему „вѣчную память“ и которое едва ли кто-нибудь, по крайней мѣрѣ, въ молодости, могъ читать безъ предсказанныхъ поэтомъ „внезапно хлынувшихъ слезъ съ огорченнаго лица“. Мнѣ вспоминается одинъ вечеръ или ночь зимой 1884 или 1885 года. Я жилъ въ Любани, ко мнѣ пріѣхали изъ Петербурга гости, большею частью уже не молодые люди, въ томъ числѣ Г. И. Успенскій. Поговорили о петербургскихъ новостяхъ, о томъ, о семъ; потомъ кто-то предложилъ по очереди читать. Г. И. Успенскій выбралъ для себя „Рыцаря на часъ“. И вотъ: комната въ маленькомъ деревянномъ домѣ; на улицѣ, занесенной снѣгомъ, мертвая тишина и непроглядная тьма; въ комнатѣ, около стола, освѣщеннаго лампой, сидитъ нѣсколько человѣкъ, повторяю, большею частью не молодыхъ; Глѣбъ Ивановичъ читаетъ; мы всѣ слушаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя наизусть знаемъ стихотвореніе. Но вотъ голосъ чтеца слабѣетъ, слабѣетъ и—обрывается: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое личное воспоминаніе. Но вѣдь оно, пожалуй, даже не личное. По всей Россіи вѣдь разсыпаны эти деревянные домики на безмолвныхъ и темныхъ улицахъ, по всей Россіи есть эти комнаты, гдѣ читаютъ (или читали?) „Рыцаря на часъ“ и льются (или лились“!) эти слезы“... Затѣмъ, указавши на то, что до самой смерти Некрасова это стихотвореніе оставалось совершенно нетронутымъ критикой, Михайловскій про-

должаетъ: „Что же это значитъ? То ли, что многочисленные враги Некрасова не смѣли коснуться этой блещущей безпощадной искренностью поэтической жемчужины, а еще болѣе многочисленные друзья и почитатели благоговѣйнымъ молчаніемъ выражали свое уваженіе къ интимной сторонѣ житейской драмы, воплощенной въ этомъ воплѣ души?.. Во всякомъ случаѣ „неизвѣстный другъ“, приславшій Некрасову въ трудную минуту его жизни ободряющее стихотвореніе, былъ правъ, когда, перечисливъ обращаемые къ поэту упреки, говорилъ:

„Но отчего жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!“ [1])

И долго, долго еще эту „жемчужину“, „воплемъ жалобнымъ и стономъ“ переливающуюся въ нашей душѣ, будутъ читать тѣ, чье „сердце надрывается отъ муки“, „внемля въ мірѣ царящіе звуки барабановъ, цѣпей, топора“,—тѣ, кого „совѣсть больная“ тревожитъ,—тѣ, кто любитъ отчизну, но у кого нѣтъ „силы желѣзной“—„жить для нея“, „нѣтъ „воли желѣзной—сгинуть“:

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

Нужны и дороги особенно теперь, въ „часъ отлива“, когда

Смолкли честные, доблестно пѣвшіе,
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе...
Но разнузданы страсти жестокія,
Вихорь злобы и бѣшенства носится
Надъ тобою, страна безотвѣтная:
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о ночь неразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ враги, торжествуя, скликаются...
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!..

Теперь о третьей группѣ въ толпѣ, окружающей писателя, о тѣхъ, чьи „страданія воспѣть“ считалъ своимъ призваніемъ Некрасовъ, о тѣхъ, кто былъ „конькомъ обычнымъ“ его „угрюмой музы“, о тѣхъ, кто въ поэтическихъ мечтахъ „печальника горя

---

[1]) „Русское богатство“, февраль, 1897. Мною выдержка взята у Л. Мельшина, цит. соч., стр. 109—110.

народнаго“ занимаетъ такое центральное и большое мѣсто, чьи страданія „были въ глазахъ Некрасова какъ бы символомъ страданій всего русскаго народа“,—о мужикѣ.

Какъ только обозначился ясно въ сознаніи поэта-гражданина „тернистый путь“, которымъ долженъ былъ идти его Пегасъ съ крапивой въ размашистой гривѣ, Некрасовъ понялъ, что „дворянскому роду“ онъ не придастъ „блеска“ лирой своей, и „посвятилъ мечтанія“ свои народу. Вотъ очень характерный эпизодъ, разсказанный Головачевой-Панаевой въ ея „Воспоминаніяхъ“. Въ 1847 г. появилось стихотвореніе Некрасова „Ѣду ли ночью по улицѣ темной“. Какъ-то И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ сказали Некрасову, что свѣтская изящная женщина не нашла поэзіи въ этомъ стихотвореніи. Некрасовъ на это отвѣтилъ:

„Пусть не читаетъ моихъ стиховъ свѣтское общество,—я не для него пишу“.—„Значитъ ты, любезный другъ, пишешь для русскаго мужика, но вѣдь онъ безграмотенъ!“ язвительно замѣтилъ В. П. Боткинъ.

— Мнѣ лучше тебя извѣстно, что есть много грамотныхъ мужиковъ, да и скоро русскій народъ поголовно будетъ грамотенъ, несмотря на то, что у него нѣтъ учителей.

— И будетъ выписывать „Современникъ“,—улыбаясь произнесъ И. С. Тургеневъ.

— Браво, браво, Тургеневъ!—воскликнулъ В. П. и съ сожалѣніемъ въ голосѣ продолжалъ:—Ай, ай, любезный Некрасовъ, поразилъ ты насъ: такой практическій человѣкъ—и вдругъ такая маниловщина въ тебѣ.

— Имѣете право потѣшаться надо мной!—мрачно отвѣтилъ Н. А. Некрасовъ.—Я васъ еще болѣе потѣшу и удивлю, если выскажу вамъ свою откровенную мысль, что мое авторское самолюбіе вполнѣ было бы удовлетворено, если бы, хотя послѣ моей смерти, русскій мужикъ читалъ мои стихи“.

За этимъ „хотя послѣ смерти моей“ чувствуется, пусть и не крѣпкая, надежда найти этого читателя еще при жизни. Этой надеждѣ не суждено быко исполниться, и оттого-то, умирая, Некрасовъ видѣлъ себя „настолько же чуждымъ народу“, какъ и тогда, когда „жить начиналъ“. Но, „вѣруя въ народъ“, онъ оставилъ своимъ друзьямъ завѣщаніе:

Вамъ же—не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути...